

Журнал «Казахстан-Спектр» включен в перечень научных изданий Комитета по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов кандидатских и докторских диссертаций по специальностям:

07.00.00 — ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
 08.00.00 — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
 09.00.00 — ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
 22.00.00 — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
 23.00.00 — ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Ибрашев Ж.У., Джумадилова Ш.Г.	Интеграция как новый тип региональных межгосударственных отношений.....	5
Кожирова С.Б.	Миграционные процессы советско-китайского приграничья в 1940—1960 гг.	12
Тимченко С.В.	Политическая обстановка в Средней Азии и Иране в первой трети XVIII в. и приход к власти Надир-шаха.....	20

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Кармазина Л.И.	Политический плюрализм и многопартийность как неотъемлемые атрибуты демократии	25
Исакулов Е.Б.	Аттестация кадров государственной службы в процессе модернизации современного казахстанского общества	33
Айтбай К.О.	Современный этап борьбы с коррупцией в рамках административной реформы в Казахстане	40
Матаев Г.М.	Центризм как политическое выражение среднего класса	46

ЭКОНОМИКА

Алдашов Б.А.	Продовольственная безопасность как важнейшая задача государственной политики Казахстана	52
Шамшиев Ч.Б.	Финансовый кризис: истоки и уроки	57

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Иренов Г.Н., Арын Р.С., Ерекешева Л.Г.	Новая инфраструктура политических исследований.....	64
	Сакральный и секулярный подходы к триединому процессу развития: сравнительный анализ	67
Садыкова Б.И., Шаблей П.С.	Народ, нация и национальное чувство	80
	Медресе «Расулия» как центр мусульманской культуры и образования в Северном Казахстане и Приуралье во второй половине XIX — начале XX в.	88

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Обзор новейшей литературы по Центральной Азии	96
Сыроежкин К.Л.	Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции	107
	К 80-летию доктора исторических наук, профессора Ибрашева Жараса Умаровича.....	111

SUMMARY .....

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ .....

ИНФОРМАЦИЯ О КИСИ .....

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
 директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск Н.Б. Сейдин
 Редактор-корректор Н.И. Шестакова
 Дизайн и верстка: А.К. Садуакасов, Т.Ф. Ладченко
 Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б.
 Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
 Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
 При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
 Отпечатано в типографии ОО «Школа XXI века» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Ibrashev Zh.U., Dzhumadilova Sh.G.	Integration as a new type of regional interstate relations	5
Kozhirova S.B.	Migration processes of Soviet-Chinese border in 1940—1960	12
Timchenko S.V.	Political situation in Central Asia and Iran in the first third of the XVIIIth century and Nadir Shah's assumption of power.....	20

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Karmazina L.I.	Political pluralism and multi-party system as the integral attributes of democracy	25
Isakulov Ye.B.	Attestation of public service staff in the process of modernization of modern society of Kazakhstan.....	33
Aitbay K.O.	Contemporary stage of the fight against corruption within the framework of administrative reform in Kazakhstan.....	40
Matayev G.M.	Centrism as a political expression of the middle class.....	46

ECONOMY

Aldashov B.A.	Food security as a major problem of Kazakhstan's state policy	52
Shamshiev Ch.B.	Financial crisis: sources and lessons	57

THEORETICAL PAPERS

Irenov G.N., Aryn R.S.	A new infrastructure of political researches.....	64
Yerekeshova L.G.	Sacral and secular approaches to triune development: a comparative analysis.....	67
Sadykova B.I.	People, nation and national feeling	80
Shabley P.S.	Medrese "Rasuliya" as a Centre of Muslim Culture and Education in Northern Kazakhstan and Pre-Ural in the second half of the XIXth century — beginning of the XXth century	88

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	The review of the newest literature on Central Asia	96
Syroezhkin K.L.	Ashimbayev D., Khlyupin V. Kazakhstan: the history of power. A reconstruction experience.....	107
On the 80th Anniversary of Doctor of History, Professor Ibrashev Zharas Umarovich.....		111

SUMMARY	113
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	118
INFORMATION ABOUT THE KAZISS.....	120

**Казахстан
Спектр**
2008/3

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seidin
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sadvakasov, T.F. Ladchenko
Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04. Fax (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK
on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial
board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of PA «School of XXI century» Almaty. Copies 500.

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
- Кушкумбаев С.К.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Абишева М.А.** — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
- Абусенгова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — доктор исторических наук, профессор
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н.** — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Пужоль К.** — профессор Института восточных языков и цивилизаций (INALCO) Париж, Франция
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — министр иностранных дел РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шоманов А.Ж.** — заместитель заведующего Центром стратегических разработок и анализа Администрации Президента РК, кандидат философских наук, доцент

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Kushkumbayev S.K.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Poujol C.** — Professor of the Institute of Eastern Languages and Civilizations (INALCO) Paris, France
- Syroezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Minister of Foreign Affairs of the RK, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Deputy Director, Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shomanov A.Zh.** — Deputy Head of the Center for Strategic Elaborations and Analysis of the Administration of the President of the RK, Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Интеграция как новый тип региональных межгосударственных отношений

ИБРАШЕВ Ж.У., ДЖУМАДИЛОВА Ш.Г.

Об интеграции много говорят и пишут. Это слово стало самым употребляемым во многих языках мира, однако что оно означает и какова его этимология?

Слово интеграция происходит от латинского «*integrum*» и означает создание единого целого из разнообразия. А это значит, что в данном слове заложено глубокое понятие. Древние римляне, например, из разноязычных покоренных ими народов образовали Римскую империю, просуществовавшую несколько веков. Иными словами, из разнообразия создали единое целое.

Разумеется, что со временем древнеримское понимание интеграции значительно изменилось, но не настолько, чтобы потерять свое первоначальное значение. Появилась новая форма интеграции, пополнилось ее содержание, что позволило употреблять ее в положительном значении.

В политическом смысле интеграция означает союз региональных государств, сохраняющих свой суверенитет, но делегирующих некоторую ее часть создаваемым наднациональным органам для координации своих действий в определенных сферах политики.

При этом следует отметить, что в наднациональных органах как раз и происходит сочетание суверенитета государств, поскольку интеграция — это сочетание суверенитета государств. Это явление совершенно новое в международных отношениях, конкретнее в региональных межгосударственных отношениях. Каждое государство, участвующее в интеграционном процессе, направляет в наднациональные органы своих представителей, имеющих равные права, независимо от силы и мощи государства [1].

Однако чем вызывается необходимость региональной интеграции?

Региональная интеграция вызывается рядом причин в зависимости от регионов. В Европе она объясняется желанием избежать войны, которая на протяжении всей истории потрясала ее. В Центральной Азии она может быть вызвана и вызывается нехваткой водно-энергетических ресурсов. Это требует совместной экономической их эксплуатации.

Президент РК Н. Назарбаев выдвинул идею создания союза государств Центральной Азии, начав с создания экономического союза центральноазиатских государств [2]. В Латинской Америке интеграция вызывается единением духовной ценности и желанием освободиться от североамериканской опеки.

Все эти причины региональной интеграции вполне понятны и легко объяснимы. А это позволяет утверждать, что региональная интеграция является естественным и закономерным процессом. Следовательно, региональная инте-

грация неизбежна. Рано или поздно, но она непременно наступит. Альтернативы здесь нет.

Интеграция вообще и региональная интеграция в частности требуют определенных условий. Прежде всего, следует отметить, что интеграция — это демократия. Иными словами, демократия составляет суть интеграции. Без этой сути интеграция теряет всякий смысл. Без нее она возвращается к прежнему своему положению, то есть к насильственному отношению государств между собой.

Если признается утверждение, что интеграция есть демократия, то тогда логично следует утверждение, что интеграция есть демократия в межгосударственных отношениях, особенно это применимо в региональных межгосударственных отношениях. Интеграция внедряет демократию в межгосударственные отношения. А это уже совершенно новая постановка вопроса. Таким образом, демократия выступает не только как форма внутригосударственного устройства, но и как совершенно новая форма региональных межгосударственных отношений.

Из всего сказанного следует, что одним из неперенных условий региональной интеграции является демократический режим государств, участвующих в интеграционном процессе. Государства с авторитарными или тоталитарными режимами не склонны интегрироваться, так как они всегда преследуют корыстные интересы.

Внедрение демократии в межгосударственные отношения означает распространение всех ее основных принципов в межгосударственные отношения.

И первое из них — достоинство. В интеграционном ансамбле полностью уважается достоинство всех государств, несмотря на их масштабы.

Следующий принцип демократии — это свобода. В интеграционном процессе полностью соблюдается свобода государств, участвующих в нем. Иными словами, свобода (или суверенитет государства) незыблема. Но, участвуя в интеграции, государства добровольно, сознательно передают, или делегируют, часть своего суверенитета наднациональным органам для осуществления сочетания суверенитета государств в определенных сферах политики.

Еще одним принципом демократии является равенство. В интеграционном ансамбле все государства равны в правах, несмотря на их размеры. Только при соблюдении полного равенства государств возможно соблюдение интересов этих государств. В этом залог прочности интеграционного ансамбля.

И, наконец, важнейшим принципом демократии является солидарность государств — членов интеграционного ансамбля. А это означает, что государства как члены интеграционного ансамбля всегда готовы прийти друг к другу на помощь в случае необходимости, руководствуясь принципом — один за всех и все за одного.

Несомненно, важнейшим условием интеграции является беспрекословное соблюдение прав человека. Это требование носит универсальный характер, ибо в демократической обстановке человек превыше всего [3].

Все эти требования интеграции относятся к политическим региональным межгосударственным отношениям. Но, помимо их, имеются еще условия экономического порядка.

Интеграция обычно начинается с экономики. В экономической сфере так же, как и в политической, требуются некоторые условия. Прежде всего, это

касается формы собственности. Разумеется, страны с различной формой собственности интегрироваться не могут. В данном случае интегрируются страны региона с частной собственностью, поскольку именно частная собственность обеспечивает развитие демократии. Горький опыт Советского Союза и других социалистических стран показал, что общественная собственность, хотя внешне и привлекательна, не может служить экономическим основанием для интеграции, ибо она убивает частную инициативу, да к тому же вся экономика находится в руках государства.

Частная собственность развивает экономическую демократию, является основой политической демократии.

Следующим условием региональной экономической интеграции является необходимость более или менее одинакового уровня развития экономики стран.

Эти условия непременно обязательны, ибо экономическая интеграция требует открытости национальных рынков для свободного передвижения товаров, капитала и услуг, а также для свободной конкуренции.

Таковы, думается, основные условия для проведения региональной экономической интеграции. Из всего сказанного видно, что демократия является основой не только региональных межгосударственных политических отношений, но и составляет суть региональных межгосударственных экономических отношений.

Кроме политической и экономической интеграции, существует еще духовная интеграция. Это особая форма интеграции, включающая культуру, религию и в какой-то степени язык. Если же быть точным, то, собственно, интеграция, как показывает опыт Европы, начинается задолго до нынешних форм интеграции. В Европе именно духовная интеграция заложила основы современной европейской интеграции. Здесь интеграция началась с эпохи Ренессанса в живописи, музыке, литературе и архитектуре. С этого периода начинает формироваться европейская идентичность, составляющая фундамент современного процесса европейской интеграции [4]. То же самое можно сказать и о Латинской Америке, где духовная общность является основой латиноамериканской интеграции. В Центральной Азии духовная интеграция, включающая ислам и язык, является одним из факторов интеграции.

Процесс интеграции со всей определенностью ставит вопрос о необходимости формирования институтов управления интеграционным процессом. Поскольку эти призванные институты имеют дело с региональным международным процессом, они непременно должны строиться на демократической основе, быть полностью прозрачными, понятными для населения и пользоваться его доверием.

Государства — члены интеграционного процесса должны делегировать часть своего суверенитета в определенной области политики этим институтам. Последние должны получать от государств полномочия в указанной области, а не власть, хотя решения, принимаемые институтами, должны быть обязательными, но не всегда. Государства иногда могут оспаривать решения наднациональных институтов. Богатый опыт Европейского Союза об этом ярко свидетельствует.

Делегируя часть своего суверенитета наднациональным органам, государства направляют в их состав своих представителей, которые вправе говорить от имени своего государства на равных основаниях. Именно здесь на практике

и происходит сочетание суверенитета государств. А сочетание суверенитета государств и составляет особенность интеграционного ансамбля, невиданного до этого времени [5].

Что из себя могут представлять особенности наднациональных органов? В качестве образца можно рассмотреть структуру Европейского Союза. Безусловно, это, прежде всего, Совет глав государств и правительств, где решения принимаются на основе консенсуса, причем эти решения носят директивный характер. Затем следует Совет министров различного профиля, принимающий решения на основе двойного большинства, состав которого не избирается, а назначается, что делает его объектом критики со стороны демократов, обвиняющих его в недемократичности. Тем не менее этот орган необходим. Об этом свидетельствуют опыты Совета Европы, ОБСЕ и ЕС. Собственно, именно в этом органе и происходит на практике сочетание суверенитета государств, делая его одним из важнейших органов интеграции. Совет министров должен обладать большими полномочиями.

А вот что касается Парламента интеграционного ансамбля, то он является самым что ни на есть демократическим органом, ибо избирается на всеобщих выборах избирателями стран-членов, участвующих в интеграционном процессе. Каждая страна получает определенное количество депутатских мандатов в зависимости от количества избирателей и веса в интеграционном ансамбле. Парламент принимает свои решения на основе простого большинства. Парламент принимает законы в сфере полномочий ЕС, являющиеся обязательными для всех государств — членов интеграционного ансамбля.

Исполнительным органом интеграционного ансамбля является Комиссия, комплектуемая из представителей государств. Но в отличие от других органов члены Комиссии не представляют интересы своих стран. Наоборот, они представляют интересы всего Европейского Союза [6].

Как было уже сказано, институты интеграционного сообщества должны носить чисто демократический характер. Это касается как состава, так и методики принятия ими решений так, чтобы эти решения не ущемляли интересы как крупных, так и, особенно, малых стран. В этом и проявляется демократизм в региональных межгосударственных отношениях.

Безусловно, существует еще множество методик принятия демократических решений. Однако то, что уже имеется в Европейском Союзе, заслуживает пристального внимания.

В ЕС это называется принципом двойного большинства при принятии решений в Совете министров. Здесь для принятия решения требуется, чтобы за него проголосовали 55% состава Совета, представляющие 65% населения ЕС. Такая методика принятия решения не позволяет нарушать демократический принцип равенства государств ни крупным странам, имеющим большую часть населения, ни малым странам, могущим составлять, как это видно в ЕС, большинство в Совете. Беря структуру ЕС в качестве образца, можно отметить, что члены Совета министров обладают правом вето. Использование права вето, безусловно, заставляет стороны искать и находить компромиссные решения. А это придает еще большую демократичность институтам интеграционного сообщества. Отсюда видно, что в институтах интеграционного сообщества методике принятия решений должно придаваться особое

значение, когда это касается решений, имеющих судьбоносный характер. Например, для ЕС — это вопрос о принятии Турции в члены ЕС, учитывая, что в таком случае 70 миллионов мусульманского населения войдут в состав христианской Европы [7].

Может быть, это покажется малозначным, тем не менее хотелось бы отметить, что интеграционное сообщество не должно иметь единого центра. По примеру ЕС центр должен быть рассеян. В ЕС Европейский совет (высший орган) не имеет постоянного местопребывания; Совет министров ЕС также не имеет постоянной прописки; Европарламент заседает в Страсбурге (Франция); Еврокомиссия находится в Брюсселе (Бельгия); а архив ЕС — в Люксембурге и Турине (Италия); Центральный банк ЕС расположился во Франкфурте-на-Майне (Германия) [8].

Все это сделано не случайно. Надо иметь в виду, что, в силу своей демократичности, ЕС не терпит центра, откуда исходили бы директивы. Кроме того, ни одна страна — член интеграционного сообщества не вправе сосредоточивать руководящие органы интеграционного сообщества у себя, чтобы не было диктата. Это также является особенностью интеграционного сообщества, не виданной до этого в жизни международных отношений регионального масштаба.

Как отмечалось, в процессе интеграции государства делегируют наднациональным органам некую часть своего суверенитета. Сейчас следует отметить, какие сферы политики делегируются этим органам.

Прежде всего, это экономика. Интеграция в современных условиях начинается с экономики. Европа составляет исключение: здесь формирование европейской идентичности, лежащее в основе европейской интеграции, началось с эпохи Ренессанса, как было отмечено выше.

Интегрируя экономику своих стран, государства интегрируют все то, что является производным от нее, а именно: торговлю, конкуренцию, валюту, рынок, создавая условия для свободного передвижения товаров, капитала и услуг. Суммируя все это, можно сказать, что создается широкое экономическое пространство. Безусловно, в этих сферах законы, принимаемые интеграционным парламентом, обязательны для всех государств — членов интеграционного сообщества.

А вот что касается внешней политики, безопасности и обороны, то здесь положение несколько сложнее. Дело в том, что внешняя политика, безопасность и оборона являются самыми чувствительными сторонами государственного суверенитета. Поэтому они требуют особого подхода к себе. В этих областях, как показывает опыт ЕС, законы, которые может принимать парламент интеграционного сообщества, неприемлемы. В этих областях могут действовать лишь решения, не являющиеся законами. Отличие решения от закона в рамках интеграции состоит в том, что закон имеет обязательную силу, а решение таковым не является. Во внешней политике, безопасности и обороне принятие решения означает, что оно согласовано, выработана общая позиция и пути ее реализации. Все это достигается на основе компромиссов.

Здесь были указаны лишь самые существенные сферы, которые могут быть делегированы наднациональным органам интеграционного сообщества. Разумеется, они могут быть сужены или расширены решением государств — членов сообщества. Ясно одно, что именно в этих трех указанных областях

демократичность методов принятия решений в рамках интеграции должна строго соблюдаться.

С развитием интеграционного процесса сфера интеграции будет расширяться, охватывая многие аспекты жизни народов стран, участвующих в интеграционном процессе. Однако что важно и что непременно следует отметить, так это то, что интеграция сохраняет ценности как стран, так и континента в целом. Исключается, чтобы наднациональные органы интеграционного сообщества вмешивались в государственное устройство и политическую структуру государств — своих членов. Но этот запрет не распространяется на область прав человека, имеющих универсальный характер.

Интеграция призвана не только содействовать сохранению культурных, духовных и языковых ценностей народов, но и создавать необходимые условия для их развития. ЕС, например, включил кельтский язык в число 27-ми языков, имеющих хождение в Европе, стимулируя тем самым его возрождение и развитие. В раннем средневековье на языке говорило население северо-западных районов Европы.

Интеграция не является самоцелью. Интеграция выступает как процесс, ведущий к определенным целям. Для региональной интеграции характерны две цели: внутриконтинентальная и внешнеконтинентальная.

Внутриконтинентальная цель — это поднятие благосостояния народов интеграционного сообщества.

Внешиконтинентальная цель — это содействие упрочению мира во всем мире и развитию и укреплению международного сотрудничества [9].

Как показывает опыт Европейского Союза, обе эти цели вполне достижимы. Благодаря интеграции, отсталые в прошлом европейские страны, такие, как Греция, Португалия и Ирландия, достигли высокого уровня жизни. Вот почему в Европейский Союз стремятся попасть другие страны континента.

На международной арене ЕС выступает как поборник мира и стремится расширить и укрепить свое влияние во всем мире, в том числе в Центральной Азии, выработав для этой цели развернутый стратегический план сотрудничества ЕС — Центральная Азия на 2007—2013 гг. [10].

Надо отметить, что как бы там ни было, страны, желающие начать интеграцию, должны изучить весьма глубоко опыт Европейского Союза и лишь в какой-то мере внедрять свои особенности.

Весьма интересен вопрос: какую политическую форму должна иметь региональная интеграция? Это не праздный вопрос. Авторы европейской идеи долго ломали голову над ответом на этот вопрос. А. Клод Сен-Симон говорил о европейской конфедерации. Виктор Гюго говорил о федерации по примеру США. А. Бриан в 1930 г. выдвигал идеи европейского федеративного союза. Это уже ближе к реальности. В 1992 г. главы государств и правительств на саммите в Маастрихте решили назвать созданную ими интеграционную организацию «Европейским Союзом» [11].

Итак, как показывает европейский опыт, региональная интеграция может иметь три политические формы: союз государств, конфедерацию государств и федерацию. Разумеется, каждая из этих форм соответствует определенному этапу интеграционного процесса. На начальной стадии интеграция — это, конечно, должен быть союз государств. Не случайно Президент Республики

Казахстан Н. Назарбаев призывает создать союз государств Центральной Азии. Но об этом несколько позже. Когда интеграция будет приносить свои положительные плоды, она, интеграция, может приобретать форму конфедерации (или даже федерации) по примеру США. На это потребуются немало десятилетий. Позитивным плодом региональной интеграции, безусловно, является развитие демократии, защита прав человека, верховенство закона, постоянный рост благосостояния народов, укрепление, расширение и углубление международного сотрудничества.

Необходимо особо выделить еще одну особенность региональной интеграции, а именно: она выступает как альтернатива войне. Европейская интеграция об этом ярко свидетельствует. В прошлом противоречия интересов Франции и Великобритании, Франции и Германии сотрясали всю Европу и мир. Сейчас в рамках Европейского Союза война уже невозможна. И в этом состоит главный успех европейской интеграции. Региональная интеграция — это альтернатива войне.

Интеграция стала веянием XXI в. Некоторые регионы мира охвачены идеей интеграции и начали ее осуществлять. Центральная Азия не стоит в стороне от этого процесса. Здесь носителем идеи интеграции является, и это примечательно, не какой-либо ученый-мыслитель, а выдающийся государственный деятель — Президент Республики Казахстан. А это придает идее интеграции больше практичности.

Идея Президента Нурсултана Назарбаева о союзе государств Центральной Азии логически исходит из тех важнейших факторов, которые мощно влияют на интеграционный процесс в этом регионе, а именно: географическое единство региона, единое историческое прошлое народов данного региона, наличие водно-энергетических ресурсов для совместного пользования, единая транспортная связь, исторически сложившиеся торговые связи [12]. Кроме того, народы Центральноазиатского региона традиционно связаны между собой культурно-духовными отношениями. И, наконец, появление совершенно новых угроз, таких, как наркотрафик и терроризм, вызывает необходимость обеспечения совместной безопасности Центральноазиатского региона.

Понимая сложность процесса интеграции, связанную с проблемой государственного суверенитета, Президент Н. Назарбаев предлагает начать процесс центральноазиатской интеграции с заключения пятью государствами региона экономического союза государств Центральной Азии [13]. Это совершенно верно, если иметь в виду, что европейская интеграция началась именно с экономики, когда было образовано Европейское объединение угля и стали шести западноевропейских стран. Интеграция всегда начинается с экономики.

Президент Н. Назарбаев великолепно понимает, что интеграция — это не самоцель, а процесс, ведущий к достижению двух целей: совместными усилиями поднимать благосостояние народов региона (внутренняя цель) и совместное выступление за мир и расширение международного сотрудничества (внешняя цель).

Интегрированная Центральная Азия может иметь самостоятельный твердый голос на международной арене. Президент Н. Назарбаев выдвинул идею союза государств Центральной Азии. Она постепенно охватывает умы людей и, следовательно, становится материальной силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Treaty on European Union (92/C 191/01) // <http://eur-lex.europa>.
2. Всесоюзное значение. Н. Назарбаев предлагает создать Союз государств Центральной Азии // <http://www.centrasia.ru>.
3. Treaty of Lisbon // <http://www.consilium.europa>.
4. Ибрашев Ж. Цикл лекций о доктрине интеграции. — Алматы, 2007. — 131 с.
5. Ибрашев Ж., Джумадилова Ш. ЕС совершенствует свою структуру // *Analytic*, 2007. — №6. — С. 28—32.
6. Treaty on European Union (92/C 191/01)...
7. Treaty of Lisbon...
8. Ibid
9. Ibid
10. Европейское Сообщество. Региональный стратегический документ по содействию Центральной Азии на период 2007—2013 гг. от 30 марта 2007 г.
11. Ибрашев Ж. Цикл лекций о доктрине интеграции...
12. Ибрашев Ж. Факторы паназияцентризма // *Analytic*, 2006. — №1. — С. 17—19.
13. Всесоюзное значение. Н. Назарбаев предлагает создать Союз государств Центральной Азии...

Миграционные процессы советско-китайского приграничья в 1940—1960 гг.

КОЖИРОВА С.Б.

История миграционных волн из Китая в пределы Казахстана позволяет не только реконструировать события нашего недавнего прошлого и оценить специфику отношения к мигрантам из Китая руководства СССР. Она также дает возможность провести некоторые параллели с сегодняшним днем, во всяком случае, в плане ответа на такой щепетильный вопрос, как адаптировались мигранты из Китая к условиям жизни в бывшем СССР и как складывались их отношения с населением тех регионов, в которых они были расселены. Кроме того, она позволяет ответить на вопрос, каким образом формировались миграционные потоки, кто и когда устремлялся на постоянное место жительства или в поисках работы в пределы современного Казахстана.

Первая волна китайских переселенцев из Синьцзяна в Семиречье пришла на середину XIX в., впоследствии регион пережил еще несколько мощных трансграничных перемещений, причинами которых были политические, экономические, личностные факторы. А поскольку приграничные регионы в большинстве своем были заселены казахами, уйгурами, татарами, другими тюркскими народами, они и составляли миграционные потоки из Китая.

Народы Синьцзяна рассматривались в китайской историографии как «куаго миньцу» — трансгосударственные (разделенные) народы либо «куацзин миньц-

зу» — трансграничные народы (народы, проживающие по обе стороны границы). Китайцы относили их к категории «приходяще-уходящих народов», которые вели сезонную хозяйственную деятельность по обе стороны границы. Но процессы территориального размежевания поставили вопрос о государственной принадлежности данных этносов и затруднили свободное перемещение через установленную границу. Первая миграционная волна из Китая как раз и была вызвана установлением договорной границы между Российской и Цинской империями.

В XX в. причины миграционных потоков несколько изменились, в их основе стали лежать, главным образом, политические, а временами — и сугубо экономические причины.

Массовая миграция населения приграничных районов Синьцзяна, пришедшая на вторую половину 1940-х гг., была связана с повстанческим движением коренных народов провинции за свою независимость. В 1944 г. активизировалось казахское повстанческое движение на Алтае, начавшееся еще в конце 1930-х гг. Осенью 1944 г. народное восстание завершилось освобождением Кульджи. 12 ноября 1944 г. в Кульдже было провозглашено создание Восточно-Туркестанской Республики и ее Временного революционного правительства из 12-ти министерств во главе с президентом Алихан-тюре и его заместителями — уйгурским князем Хакимбек-ходжой и представителем казахской знати Абулхайри-тюре [1].

Именно эти события и обусловили массовый исход жителей Синьцзяна на территорию сопредельных советских республик. В конце августа 1944 г. из местности Кобук Синьцзянской провинции на территорию Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области перекочевало 451 семейство: 251 одно семейство — казахи из рода найман, 200 семейств — монголы-торгауты. В Зайсанском и Маркакульском районе насчитывалось 817 семейств переселенцев. Погранзаставой были возвращены обратно 45 семейств, 50 семейств получили отказ от начальника Алакульского РО НКГБ [2].

Во второй половине 1940-х гг. стихийные несанкционированные массовые переходы советско-китайской границы не прекращались. В 1946 г. крупная группа мигрантов (204 чел.) откочевала из Синьцзяна на территорию Киргизской ССР, ее расселили в Чолпонском районе Тянь-Шаньской области (со стороны советских властей перебежчикам была оказана гуманитарная и экономическая помощь); перекочевкам в СССР также способствовал льготный пограничный режим на советско-синьцзянской границе.

С октября 1947 г. по конец января 1948 г. из Маньчжурии на территорию Читинской области перешла группа советских граждан в количестве 414 человек (306 мужчин, 108 женщин, в том числе 108 детей до 16 лет). Перебежчики были отправлены в один из проверочно-фильтрационных лагерей УМВД по Читинской области, а после проверки и фильтрации людей разместили в совхозах Северо-Казахстанской области [3].

По Талды-Курганской области было учтено переселенцев из Синьцзяна 667 человек (в Кировском районе — 96 чел., Алакульском — 571 чел.). Переселенцы-казахи в своем большинстве были реэмигрантами, нелегально ушедшими в Китай из Тарбагатайского района в годы коллективизации.

В январе 1945 г. в приграничный Алакульский район Казахстана прибыло 302 семейства (1222 чел.). Среди них были две русские семьи. Они ушли обратно в Синьцзян. Одна из переселенок Сахарова Мария Федоровна заявила: «Знала бы,

что это за Советский Союз, в жизни не стала бы переходить границу. Провалился он пропадом этот Советский Союз» [4].

Причина столь негативных оценок вполне объяснима. Переселенцы пригнали свой скот — 548 лошадей, 800 голов крупного рогатого скота, 22 верблюда, 7772 овец и коз. Согласно существующим тогда правилам, скот необходимо было сдать в колхозы, а самим мигрантам — вступить в них. Мигранты, еще не знакомые со спецификой обобществленных хозяйств и «прелестями» коллективного труда, отказывались следовать этим правилам.

Согласно постановлению ЦК КП (б) от 10 апреля 1945 г. за №276-20, все переселенцы должны были быть наделены земельными угодьями, как для посевов, так и для летних зимних пастбищ им выдавалась семенная ссуда [5]. Но этими льготами могли воспользоваться только те переселенцы, которые вступили в колхозы и приняли советское гражданство.

Центральный Комитет Коммунистической партии организовал специальные бригады по работе с мигрантами в пограничных районах Восточно-Казахстанской и Талды-Курганской областей. В их отчетах отмечалось, что «откочевщикам даны 12 концертов, 11 киносеансов, более 600 человек охвачены медобслуживанием, проведено 50 бесед с охватом более 6500 человек в Зайсанском районе». С 20 апреля по 20 мая 1945 г. в Алакульском районе было дано 25 концертов, 42 лекции с охватом 2646 человек [6]. Также бригады должны были заниматься вопросами образования. В архивных материалах имеются донесения членов агитационных бригад, в которых они отмечают, что «массовое общение с перекочевниками порождает антисоветские настроения и разговоры, способствует возрождению религиозных обрядов» [7]. В связи с этим местными партийными органами было принято решение восстановить мечеть в городе Зайсане, но также были приняты меры к отселению мигрантов, предоставив им пастбища, за которые они должны были заплатить колхозам натуральную плату. Это были первые попытки создания анклавных поселений мигрантов.

Главной целью агитационных работ было убедить переселенцев вступить в колхозы и принять советское гражданство, но вследствие того, что у многих переселенцев в Синьцзяне оставались семьи, они отказывались от получения советских паспортов.

После второй мировой войны, согласно Указам Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г., лицам, проживающим на территории Маньчжурии и Синьцзяна, предоставлялось право восстановления советского гражданства [8].

Выходцы из СССР, преимущественно казахи, уйгуры, русские и татары, проживали в трех приграничных округах (Илийском, Тарбагатайском и Алтайском) Синьцзяна. И советское руководство предполагало, что пролонгация гражданства произойдет на территории этих трех округов. Эти процессы совпали с ростом национально-освободительной борьбы в регионе и провозглашением Восточно-Туркестанской Республики, в победе которой СССР сыграл далеко не последнюю роль. Вполне естественно, что на СССР смотрели как на освободителя, а приобретение советского гражданства являлось признаком хорошего тона. Как свидетельствуют материалы советского консульства в Кульдже, здесь в течение 1946—1949 гг. было подано 86 524 ходатайства о восстановлении советского гражданства (вместе с детьми до 16-ти лет численность потенциальных репат-

риантов составляла 147 728 чел.) [9]. С ноября 1945 по январь 1946 г. в СССР перешло 120 000 жителей Синьцзяна [10].

Очередная волна миграции из Китая в СССР имела место в 1954—1956 гг. При этом миграционные ожидания в Синьцзяне были вызваны целым комплексом причин: репрессивной политикой против уйгур и казахов, участвовавших в повстанческом движении в 1930—1940-е гг., прошедшей земельной реформой, главным результатом которой стало разорение хозяйств и последовавший за этим голод, кампанией по коллективизации и борьбой с религией, развернутыми в СУАР КНР новой властью.

Не могли не отразиться на миграционных процессах и произошедшие в середине 1950-х гг. в СССР кардинальные изменения во внутренней внешней политике, которые привели к изменениям в миграционном режиме. Кроме того, в эти годы стал вопрос о привлечении дополнительной рабочей силы из-за границы, в том числе из Китая. Экономические интересы, нехватка трудовых ресурсов в аграрном секторе, привлечение дополнительной рабочей силы поставили на повестку дня вопрос о продолжении репатриации. В стране начиналась массовая акция по освоению целинных и залежных земель в Казахстане, на Урале и в Сибири. В 1954 г. разрешался въезд из КНР на территорию СССР советским гражданам и членам их семей, изъявившим желание работать на целине. В 1954 г. из КНР в СССР выехало 6005 семей (27 216 чел.) [11]. Массовая репатриация происходила и в 1955 г. Плановые показатели репатриации на 1955 г. составляли 10 тыс. семей, что могло соответствовать более 65 тыс. человек. За первую половину года в СССР прибыло 9509 семей (49 179 чел.). Прибывшие были размещены в Казахской ССР (39 441 чел.), Киргизской ССР (3827 чел.) и РСФСР (5911 чел.) [12].

Первыми из Синьцзяна в эти годы выехали практически все татары. Татарская диаспора насчитывала свыше 10 000 человек. В городе Кульдже существовал обособленный район — «Ногай-город», в котором действовала татарская школа, мечеть, работал татарский самодеятельный театр, музыкальный, танцевальный и изобразительный кружки, национальные общественные движения. Татарская диаспора считалась наиболее образованным, организованным и предприимчивым сословием. Позже в Кульдже была открыта русская школа, в которой преподавали татарские учителя. Глава татарской общины Азраэль абзи предостерегал соотечественников, просил не верить пропаганде и не выезжать в СССР. Около 20-ти семей татар, в основном интеллигенции, выехало в Австралию [13].

Но в Синьцзяне развернули широкомасштабную деятельность агитационные бригады. Содействие им оказывал Гражданский совет, куда входили активисты из числа татар, уйгур. В консульстве вывешивались списки тех, кому разрешалось выехать, и в организованном порядке на грузовых машинах переселенцы выезжали на территорию Казахстана. В Аягузе их распределяли по целинным совхозам. Впоследствии большинство татар переселились в Алма-Ату, многие — в Ташкент, Казань.

В материалах Архива Президента РК со ссылкой на консульские отчеты отмечается, что на начало сентября 1956 г. было вывезено из Кульджинского консульского округа 465 семей татар (2972 чел.) [14], а до конца года — еще тысяча.

Согласно разнарядке на 1956 г., только совхозам Казахской ССР требовалось около 10 тыс. семей. На 1956—1957 гг. по запросу Министерства совхозов была

сформирована партия из 10 тыс. семей переселенцев для работы в сфере животноводства, из них 8500 семей — в совхозах Казахской ССР [15].

По данным советского посольства, только за первые два года массовой репатриации из Китая выехало более 114 000 человек [16]. Из них 74 000 человек пришлось на мигрантов из СУАР [17].

В 1956 г. репатриация должна была проводиться преимущественно в Синьцзяне, из которого должно было выехать почти 10 000 семей. Следствием роста напряженности среди населения в связи с ожиданием выезда в СССР стал ряд ответных шагов властей СУАР, суть которых сводилась к оспариванию гражданства выезжающих. С 1956 г. окружные отделы МИД КНР перестали выдавать документы на выезд членам семей советских граждан — уроженцам Китая, не успевшим ранее получить советский заграничный вид на жительство, а лица без гражданства стали считаться де-факто гражданами КНР. Это тем более значимо в связи с тем, что до настоящего времени контингент репатриантов полностью определялся советскими консульствами, а китайские органы безопасности лишь визировали документы выезжающих и осуществляли проверку их политической благонадежности. Таким образом, с 1956 г. решение китайской стороны стало определяющим фактором при принятии решения о выезде; фактически китайская сторона предоставляла право выезда только лицам, у которых были на руках советские заграничные виды на жительство, преимущественно русским по национальности, в том числе не имеющим постоянной работы [18].

1 февраля 1957 г. бюро ЦК КП Казахстана приняло постановление «О трудовом и бытовом устройстве советских граждан, прибывших из КНР». На июль 1957 г. в Казахстане насчитывалось: в Павлодарской области — 930 семей, из них — 2025 трудоспособного населения [19]. Всего за 1958—1959 гг. КНР покинуло 11 705 семей, или более 75 000 человек, в том числе 57 427 из Синьцзяна [20].

В ноябре 1959 г. китайские власти высказали пожелание, чтобы репатриация больше не производилась. Тогда же начало осуществляться плановое переселение в СУАР ханьцев. В марте 1959 г. было опубликовано совместное указание парткома и Народного правительства СУАР, в котором говорилось: «В течение второго пятилетнего плана в наш автономный район будут переселены молодежь и люди среднего возраста из провинций Хубэй, Хунань, Аньхой, Цзянсу... Местным партийным организациям и учреждениям следует принять все необходимые меры к их встрече. Нужно повсеместно создать комиссии и провести широкую разъяснительную работу среди местного населения, подготовить жилье, обеспечить их транспортом и т.д.» [21]. Тогда же повсеместно были созданы комиссии по организации приема переселенцев-ханьцев.

К началу 1960-х гг. коренное население Синьцзяна по своей профессиональной принадлежности было представлено преимущественно крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. Их доля в общей численности технических специалистов и инженерно-технических работников оставалась незначительной. Переселение в провинцию значительного числа квалифицированных кадров из внутренних районов КНР (за период с 1957 по 1958 г. в СУАР прибыло около 2,5 млн ханьцев) оказало существенное влияние на социально-экономическую ситуацию в районе. С конца 1950-х гг. начала открыто пропагандироваться программа насильственной ассимиляции неханьских народов, о чем откровенно писалось на страницах журнала «Синьцзян хунци»: «Ханьцы составляют 94% всего населения Китая,

в политическом и культурном отношении они являются более передовыми по сравнению с другими мелкими народами. Поэтому при слиянии национальностей ханьцы должны стать основным костяком... Особенности ханьской нации превратятся в общие особенности национальных меньшинств». Одним из проявлений этой политики явилась отмена арабского алфавита у уйгуров, казахов и перевод их на латинизированную письменность, в основу которой был положен китайский фонетический алфавит. Решение по данному вопросу было принято Народным правительством СУАР в марте 1960 г. Главным содержанием этой реформы было предупреждение роста национального самосознания у крупнейших оппозиционно настроенных по отношению к ханьцам этносов СУАР — уйгуров и казахов [22]. Это привело к вспышке недовольства неханьских народов [23] и послужило одной из причин усиления миграционных настроений в регионе.

Весной 1960 г. Синьцзян охватил голод, в этот период от голодной смерти умерло около 7-ми тыс. человек, что стало еще одной из причин массового перехода советско-китайской границы.

С начала 1960-х гг. миграция стала приобретать стихийный характер. Около 200 000 человек, в большинстве своем казахи и уйгуры из Синьцзяна, настаивали на предоставлении им советского гражданства и репатриации в СССР, в том числе в Казахстан. Китайская сторона высказала по этому поводу недовольство, и советское правительство решило официально завершить репатриацию.

В октябре 1960 г. по Синьцзяну прошла агитационная компания против выезда в СССР, в ходе которой выдвигались территориальные претензии к СССР в отношении территорий Казахстана и Киргизии, начались политические преследования лиц, продолжавших настаивать на выезде в СССР. С 1954 по 1961 г. на территорию Казахстана в организованном порядке с соблюдением всех необходимых правил прибыло из КНР 134 117 человек [24]. В 1960 г. в Зайсане был организован пункт приема и регистрации советских граждан, репатрированных из КНР.

В начале 1962 г. местные власти СУАР полностью прекратили выдачу разрешений на выезд в СССР советским гражданам. 29 мая 1962 г. в Кульдже («Ининский инцидент») китайские чиновники организовали расстрел пришедших в городской комитет партии с просьбой о предоставлении выездной визы в СССР.

Все это вместе взятое и толкнуло доведенных до отчаяния людей к массовому бегству из Синьцзяна. За период с 22 апреля до начала июня 1962 г. в Советский Союз нелегально перешло 67 000 человек [25].

По архивным данным, в апреле — мае 1962 г. самовольный переход границы, без визы, совершили 16 606 семей (71 796 чел.), которые были расселены в приграничных областях Казахстана [26]. В Панфиловский район прибыло из КНР за этот период 1125 семей (4903 чел.). Среди них: казахов — 3307, уйгуров — 1450, дунган — 120, татар — 13 (большинство татар выехали первыми, еще в 1955—1956 гг.), узбеков — 13 человек. В конце мая 1962 г. самовольный переход границы был прекращен [27].

Китайская сторона пыталась обвинить советские власти в том, что они принимают нарушителей границы. В связи с этим 29 апреля 1962 г. советское правительство направило правительству КНР памятную записку. В ней отвергались необоснованные обвинения в адрес СССР и указывалось на тот факт, что переход границы производится с китайской стороны, на глазах китайских властей, которые и должны были своевременно принять соответствующие меры для воспрепятствования массовому

переходу границы. Взаимный обмен нотами и переговорный процесс по данной проблеме в итоге привели к тому, что китайские власти были вынуждены согласиться со стремлением советских граждан и выходцев из России выехать в СССР.

В казахстанские приграничные районы (по данным Алматинского сельского областного комитета) переселилось с 1958 по 1963 г. 78 298 человек; только в 1962 г. — 36 018 человек¹. По другим данным, Госкомитета Совмина КазССР по профтехобразованию, организационному набору рабочих и переселению, с 1954 по 1961 г. на территорию республики в организованном порядке с соблюдением всех необходимых правил прибывали граждане из КНР. Всего за этот период было принято 22 695 семей — 134 117 человек.

В сентябре 1962 г. возобновился прием граждан КНР в организованном порядке, с этого времени по 1 января 1963 г. было принято 5 766 семей — 26 643 человек. Всего за 1962 г. было принято 22 372 семьи — 98 439 человек [28]. В 1963 г. прием граждан из КНР продолжался до мая. За это время было принято и расселено по областям КазССР 1830 семей (20 407 чел.) [29]. В целом, с учетом нелегально перешедших границу мигрантов, получается 252 963 человека.

Совет Министров Казахской ССР принял специальное постановление от 18 января 1963 г. «О мерах по улучшению хозяйственно-бытовых условий граждан, прибывших из КНР». Все граждане КНР были освобождены от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов на срок от 2 до 5 лет. Большое внимание партийных органов было уделено гражданам, прибывшим в плановом порядке в период с сентября 1962 г. по май 1963 г. [30].

Данные по областям показывают такую картину:

Области	1962 г.	1963 г.	Всего
Семипалатинская	38 947	46	38 993
Алма-Атинская	32 805	5799	38 604
Чимкентская	13 655	1554	15 209
Карагандинская	3249	6593	9842
Джамбульская	5544	2113	7657
Восточно-Казахстанская	1722	57	1779
Кзыл-Ординская	—	3538	3538
др. области	2517	787	3304
Всего	98 439	20 487	118 926

Наибольшее количество мигрантов пришлось на Алма-Атинскую и Семипалатинскую области. Для размещения и обеспечения жильем семей, прибывших из КНР в Алма-Атинскую область, было предоставлено 424 сборных дома, 1040 глинобитных домов. Совхозам на строительство жилья переселенцам выделялось 3 млн руб., на пособия — 700 000 руб. (из расчета 30 руб. на каждого), выделено 3833 голов скота [31]. Мигранты были трудоустроены в животноводстве: чабанами, скотниками, доярками и разнорабочими в полеводстве. Они были расселены в Уйгурском, Нарынкольском, Кегенском, Панфиловском, Аксуйском, Алакульском, Копальском, Саркандском районах. В полеводство были в основном определены уйгуры.

¹ В 1960-е гг. в Синьцзяне проживало более 4 млн уйгуров и 487,4 тыс. казахов (см. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. — Алматы, 2003. — С. 144).

В Семипалатинской области мигрантам были выданы единовременные пособия на сумму 1 167 210 руб., 7277 коров, построено 1811 домов. Большинство прибывших составляло казахское население, которое было расселено в колхозах и совхозах Абайского, Аягузского, Бородулихинского, Бескарагайского, Кокпектинского, Жарминского, Урджарского производственных управлений [32].

Руководство республики уделяло пристальное внимание размещению и трудоустройству мигрантов, в лице которых сельское хозяйство получило значительное количество рабочих рук. Одним из индикаторов успешной миграционной политики государства явилась качественная интеграция мигрантов в местное сообщество. В рассматриваемом случае альтернативным вариантом адаптации мигрантов стала анклавизация, то есть выстраивание внутри новой, но чужой социально-культурной среды обитания своей собственной, более привычной и психологически комфортной.

Процессы адаптации осложнились психологическими факторами, сложностью интеграции в советское общество, так как мигрантам была характерна социокультурная двойственность. Общность языка, культуры и традиций позволяла им ассоциировать себя как с СССР, так и с Китаем — страной, где они родились и выросли.

Однако в массовом сознании местного населения закрепился термин «китайцы» (кытай-казактары, хитайликляр — у уйгуров). Это затрудняло процессы сближения и стало причиной «культурной анклавизации», переселенцы сохранили присущие им в Китае традиции, обычаи, глубокую религиозность. Местное население не принимало их, браки в большинстве своем заключались между мигрантами (вне национальной зависимости). И даже долгое проживание в единой советской стране не смогло разрушить устоявшиеся убеждения относительно переселенцев 1960-х гг. Но главный парадокс заключается в том, что даже сегодня, по прошествии 50-ти лет, для местного населения они так и остались «китайцами».

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейшая история Китая. 1928—1949 гг. — М., 1984. — С. 234.
2. Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 303. Л. 43—47.
3. Аблажей Н.Н. Масштабы и последствия возвратной миграции из Китая в СССР // <http://www.history.nsc.ru>.
4. Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 11. Д. 328. Л. 53.
5. Там же. Ф. 708. Оп. 9. Д. 303. С. 48.
6. Там же. С. 42.
7. Там же. С. 61.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1945, 12 ноября; Ведомости Верховного Совета СССР. — 1946, 30 апреля.
9. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 100. Оп. 52. Д. 30. Л. 122—125.
10. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945—1970. — М., 1972. — С. 273.
11. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. Д. 42.
12. <http://www.history.nsc.ru>.
13. <http://www.tatworld.ru>.
14. Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 11. Д. 328. Л. 55.
15. Архив Президента РК. Ф. 701. Оп. 36. Д. 1508.
16. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 43. Д. 53. Л. 21—24.
17. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. Д. 49. Л. 200.
18. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. Д. 49. Л. 207—210.

19. Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 1640. Л. 36.
 20. Аблажей Н.Н. Обострение национальных отношений в Синьцзяне. 1946—1963 гг. Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность. — Барнаул, 2004. — С. 84.
 21. Омельченко О.А. Миграционные процессы в Китае и Казахстане: общность и различие. Россия и международные отношения в Центральной Азии. — Барнаул, 2001. — С. 307—319.
 22. Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. — Алматы, 1994. — С. 84.
 23. Архив Президента РК. Ф. 701. Оп. 36. Д. 1508. Л. 23.
 24. Борисов О.Б. Некоторые вопросы истории советско-китайских отношений // Территориальные притязания Пекина: история, современность. — М., 1979. — С. 16.
 25. Архив Президента РК. Ф. 701. Оп. 36. Д. 1508. Л. 23.
 26. Там же. Л. 24.
 27. Там же. Л. 9.
 28. Там же. Л. 23.
 29. Там же.
 30. Там же. Л. 24.
 31. Там же. Л. 9.
 32. Там же. Л. 32.

Политическая обстановка в Средней Азии и Иране в первой трети XVIII в. и приход к власти Надир-шаха

ТИМЧЕНКО С.В.

Первая треть XVIII в. характеризуется нарастающей политической нестабильностью во всем Среднеазиатском регионе. Наметившиеся в середине XVII в. центробежные тенденции продолжали усиливаться и в первые десятилетия XVIII в. Этому способствовала и крайне нестабильная внешнеполитическая обстановка, сложившаяся в Средней Азии. Два ведущих среднеазиатских государства в лице Бухарского и Хивинского ханств охватила полоса междоусобных феодальных смут, приведшая к ослаблению центральной власти.

Ослабление ханской власти в Бухаре усилило сепаратистские устремления феодалов отдельных регионов ханства. Отделяются его прежние владения по левому берегу Амударьи, с центром в Балхе [1]. В конце XVII — начале XVIII в. правители Балха ведут кровопролитные войны с соседним Бадахшаном [2]. В это же время от Бухарского ханства обособляется Фергана, распавшаяся на несколько самостоятельных бекств [3].

Примерно в таком же положении оказалось и Хивинское ханство. За довольно короткий хронологический период с 1687 по 1716 г. в Хиве сменилось около

десяти ханов, большая часть которых была свергнута или убита в борьбе за власть [4].

Внутриполитическая неустойчивость среднеазиатских государств еще более обостряется в первой четверти XVIII в. в результате нашествия на Среднюю Азию ойратских феодалов.

Непростой период своей истории переживал и Иран, охваченный, как и Средняя Азия, вереницей неутрачивающих смут. Азербайджанский историк XIX в. Мирза-Адигазель-Бек следующим образом описывал положение Ирана в начале XVIII в.: «[Иран] был ограблен окружающими жестокими [похитителями] и превратился в прах под ногами врагов. Каждым его именем овладел самостоятельный правитель... Ветер [порыв] их жестокости и насилия, горячий ветер их упрямства и тирании превратили тот сад в голую степь» [5].

В настоящей статье предпринята попытка выяснить характер политических взаимосвязей между среднеазиатскими ханствами и Ираном на фоне международных отношений, осложнившихся в этом регионе в первой трети XVIII в.

Окончательное ослабление Бухарского ханства связано с именем последнего Бухарского хана из династии Аштарханидов Абул-Фейза. Захватив власть в результате государственного переворота в 1711 г. и убив своего предшественника, Абул-Фейз столкнулся не только с внутренними противоречиями, вызванными распадом ханства, но и ухудшившимся внешнеполитическим положением Бухары. Наблюдается обострение бухарско-хивинских отношений. В 1719 г. хивинский хан Ширгазы предпринял вторжение в бухарские владения и подверг разорению ряд бухарских областей [6].

Пытаясь совершенно ослабить власть бухарского хана, Ширгазы провоцирует на антибухарское выступление правителя Шахрисябза Ибрагим-бека. В 1722 г. Ибрагим-бек вторгся в пределы Бухарского ханства и захватил Самарканд с его плодороднейшим округом. После этого он провозгласил ханом своего зятя, двоюродного брата Ширгазы Раджапа, а себя объявил «эмиром над эмирами» при новом хане [7].

Собрав войско, Раджап направляется к Бухаре. Однако овладеть городом ему не удалось [8]. Попытки захвата Бухары предпринимались Раджап-ханом несколько раз. По сведениям находившегося в это время в Бухаре российского посланника Флорио Беневени, Раджап предпринял очередной поход против Бухары в 1725 г. «Реджен-хан вновь поднялся из Самарканду и едет сюда город атаковать, — сообщал Ф. Беневени, что весьма сбылось бы, ежели бы не случилось ему несчастье, ибо, не доезжая до сего места, некоторые при нем озбеки изменили и прошли в сторону, то он, хан, с такой причины назад ретировался» [9].

Для усиления войска Раджап-хан пытался привлечь на свою сторону казахов, вытесненных в 1723 г. джунгарами со своих кочевий. Он обещал казахским владельцам плодородные бухарские земли [10]. Однако, несмотря на все уловки, взять Бухару ему так и не удалось. Нестабильность же в ханстве продолжала сохраняться. Об этом свидетельствуют самые разнообразные источники.

Одним из них является Армянская хроника анонимного автора, относящаяся к 20—30 гг. XVIII в. Она стала достоянием научной общественности в результате перевода на русский язык азербайджанским ученым, академиком З.М. Буниятовым [11]. Сведения, сообщаемые неизвестным автором, относятся к 1732 г. «В это время в стране узбеков (Бухарском ханстве — С.Т.) — говорится в Хронике,

— появился один разбойник, который, нападая на многие населенные места, совершал там грабежи, разрушения и погромы. А правитель узбеков изловить его не мог» [12].

В Хронике не упоминается имя этого человека, не известен и его социальный статус. Источник лишь сообщает, что войска его были разгромлены на границе Хорасана, к которым он приблизился, будущим шахом Ирана Надиром, а сам бунтовщик был казнен в Бухарском ханстве.

За уничтожение противника Абул-Фейза Надир потребовал от бухарского хана соответствующую плату. Возмущенный Абул-Фейз в ответ на это приказал арестовать иранского посла, что привело к обострению бухарско-иранских отношений. По мнению автора Хроники, это вызвало подготовку Надир-шаха к нападению на Бухару [13].

К внутривосточной нестабильности в Среднеазиатском регионе добавился внешний фактор. Весной 1723 г. началось наступление на Старший и Средний казахские жузы джунгарских войск. Сломив сопротивление казахских дружин, ойраты хлынули на территорию Средней Азии. Были захвачены такие города, как Ташкент, Сайрам, Туркестан [14]. В Ташкенте джунгары посадили своего ставленника Кусек (Кушук-бека) [15].

После этого джунгарский хунтайджи Цэван-Рабдан решил распространить свое влияние на Бухару и Самарканд. С этой целью в Бухару был направлен ойратский посланник.

Относительно зависимости Бухарского ханства от джунгар в источниках существуют противоречивые сведения. Так, В.А. Моисеев, ссылаясь на записки Флорио Беневени и восточного автора Ходжамкул-бек Балхи, утверждает, что Абул-Фейз-хан согласился заключить союз с ойратским хунтайджи, поставив условие о вытеснении Раджап-хана из Самарканда и изъявив готовность на передачу подати от Самарканда и Шахрисябза Цэван-Рабдану [16].

В записке неизвестного автора «Проект установления прямых торговых связей с Индией через государства Средней Азии», опубликованной в сборнике документов «Русско-индийские отношения в XVIII в.», излагается иная версия рассматриваемых событий. Автор записки сообщает об ойратском посольстве в Бухару и приводит факты, подтверждающие частично сведения В.А. Моисеева о согласии бухарского хана на выплату подати Самаркандом. Однако позиция Бухары в упомянутой записке выглядит по-иному. «Хан же бухарский, — отмечается в записке, — известился о комиссии помянутого посла и, усмотря роптание подданных, не хотел дать ему аудиенции, а намерен был умертвить его. Но посол предупредил время и ушел к владельцу своему» [17]. После этого, указывал автор записки, хунтайджи напал на казахов «...и побил их многое число» [18]. Как развивались далее ойрато-бухарские отношения, в источнике не упоминается.

Можно предположить, что или в названных источниках речь идет о разных посольствах джунгар к бухарскому хану, или же зависимость от Джунгарского ханства носила чисто номинальный характер.

Постоянные междоусобицы различных феодальных кланов и вторжения извне привели к затуханию активной жизни в Бухаре и ее провинциях. Налетевшая на ханство саранча еще более ухудшила положение его жителей. На страну обрушился голод. По сведениям самых различных источников, наблюдались даже случаи каннибализма [19]. В Бухаре произошло резкое сокращение населения, которое,

по утверждению П.П. Иванова, оставалось лишь в двух кварталах, и город стал превращаться в развалины [20]. В такой же ситуации оказался и Самарканд. Массы беженцев хлынули на просторы Ферганской долины. Русский исследователь В.П. Наливкин, выясняя количественный состав населения Ферганы, в своей «Краткой истории Кокандского ханства» писал: «Около того же времени значительное число эмигрантов (по большей части узбеков) пришло сюда из Самарканда. Что вызвало это последнее переселение, туземные историки не объясняют, но можно думать, что причинами данной эмиграции из Самарканда были смуты и неурядицы, почти не прекращавшиеся там, начиная с 1114 (1702) и по 1199 (1784) г.» [21].

В запустение приходит и Хивинское ханство, жители которого также покидают населенные пункты. По свидетельству известного русского востоковеда В.В. Бартольда, жителями Хивы были оставлены все селения и все пашни, а в самой же Хиве оставалось не более 40 семейств [22].

Иран, как и Средняя Азия, переживал время феодальных усобиц. Положение в стране значительно обострилось после ее захвата в 1722 г. афганцами. В это трудное для иранского государства время ослабления распада и национального унижения во главе иранского войска стал талантливый полководец Тахмасп-Кулихан, провозглашенный впоследствии Надир-шахом.

В 1726 г. он поступил на службу к иранскому шаху Тахмаспу II [23]. А в 1728 г. иранский шах назначил Тахмасп-Кули-хана верховным главнокомандующим своих войск [24]. По приказу Тахмаспа II Надир становится наместником Хорасана. «Наконец, ветер власти и храбрости гырхлы Надир-шаха Афшара», — писал азербайджанский историк XIX в. Мирза-Адигазель-бек, — начал дуть с расподобного Абиверда из области Хорасанской [25].

Анонимный автор уже упомянутой Армянской хроники сообщает, что, согласившись с предложением иранского шаха возглавить войско, Надир поставил перед ним свои условия. Он сказал: «Я подчинюсь Вашему приказу при условии, если Вы выполните одно мое желание. Оно таково: всю полноту государственной власти Вы передадите мне. Вы будете только с честью занимать свой престол, в военные дела вмешиваться не будете и все поручите мне» [26]. По свидетельству автора Хроники, Тахмасп II согласился с этим требованием своего военачальника.

Получив от шаха неограниченные полномочия, Надир стал готовиться к военным действиям против афганцев и непокорных иранских князьков. В течение 1726—1729 гг. Надир захватывает и подчиняет себе города Хорасан (Мешхед), Каин, Санган, Бихдалин, Сабзавар, Герат и другие области и города Ирана [27].

В 1732 г. Надир становится фактически полновластным правителем Ирана. Произошло это в результате государственного переворота, совершенного Надиром 22 августа 1732 г. Тахмасп-шах вместе с матерью был отправлен в Хорасан. После изгнания шаха Надир вызвал к себе персидских военачальников и обратился к ним с речью: «Причина вашего вызова, — сказал он, — следующая: “Мы должны посадить на престол сына шаха, отправленного в Хорасан. Надо отчеканить иранские монеты с его именем, все дела вершить от его имени. Мы должны сражаться во имя его, ибо звезда его очень ярка. Его отец, пьяница и глупец, Шах Тахмасп оказался неспособным в деле защиты государства, и я отправил его в Хорасан в

* Гырхлы, Афшар — наименование туркменского племени, из которого вышел Надир-шах.

надежде, что он исправится и наберется ума» [28]. В это время царевичу Аббасу было шесть месяцев. Провозглашая его шахом, Надир пытался придать хотя бы видимость законности своим действиям и успокоить народ. Аббас III формально являлся шахом с 1732 по 1736 г. [29].

После этого Надир приступает к военной кампании против османских турок. Одержав ряд побед над османами, в начале 1736 г. Надир созывает курултай в Муганской степи и приглашает представителей иранской знати. Обращаясь к прибывшим, он сказал: «Причина вашего вызова в следующем: уже несколько лет я ради вас не вкладываю меч в ножны. Я разгромил афганцев, османов и московитов, отобрал у них все иранские города и, покончив со всеми этими делами, я прибыл сюда. Теперь, когда наши враги разбиты и заключено перемирие, вам остается выполнить лишь одно дело — возвести на престол своего владыку» [30]. Двое вельмож, решившие, что речь идет о свергнутом шахе, предложили восстановить его на престоле, но тут же были казнены по приказу Надира. Остальные присутствовавшие провозгласили Надира шахом Ирана [31]. Утвердившись у власти, Надир-шах стал готовиться к завоевательным походам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., 1958. — С. 90.
2. Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. — Душанбе, 1983. — С. 54—55.
3. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977. — С. 69.
4. Иванов П.П. Указ. соч. С. 90.
5. Мирза-Адигазель-бек. Карабаг-наме. — Баку, 1950. — С. 45.
6. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флоридо Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 гг. — М., 1986. — С. 126.
7. Там же. С. 148.
8. Там же.
9. Там же. С. 88.
10. Там же. С. 148.
11. Армянская анонимная хроника 1722—1736 гг. — Баку, 1988.
12. Там же. С. 36.
13. Там же.
14. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. — Алма-Ата, 1991. — С. 72.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Д. 136. Л. 195. об.
16. Моисеев В.А. Указ. соч. С. 75.
17. Русско-индийские отношения в XVIII в. — М., 1965. — С. 88.
18. Там же.
19. Иванов П.П. Указ. соч. — С. 93; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. — С. 111.
20. Моисеев В.А. Указ. соч. — С. 77; Чехович О.Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. — 1956. — №3. — С. 88.
21. Иванов П.П. Указ. соч. С. 93.
22. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С. 61.
23. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. — М., 1965. — Т. III. — С. 111.
24. Иванов П.П. Указ. соч. — С. 98.
25. Армянская анонимная хроника. — С. 28.
26. Мирза-Адигазель-бек. Указ. соч. — С. 45.
27. Армянская анонимная хроника. — С. 28.
28. Там же. С. 28, 59.
29. Там же. С. 41—42.
30. Там же. С. 60.
31. Там же. С. 56—57.
32. Там же.

Политический плюрализм и многопартийность как неотъемлемые атрибуты демократии

КАРМАЗИНА Л.И.

Термин «плюрализм» (от лат. pluralis — множественный, разные мнения), используемый в наши дни, является в политической науке неологизмом. Впервые в общедоступном плане определение этому термину дано английским оксфордским словарем (1907 г.). Этот источник обозначал под плюрализмом в общем виде «способ плюрального существования; условие или факт плюрального существования». В контексте философии словарь трактовал политический плюрализм как теорию, или систему мышления, которая признает более чем один конечный принцип, противопоставляя его монизму.

Плюралистическая интерпретация государства как альтернатива господствовавшей около двух тысячелетий назад установке (адекватное для демократии пространство — город-государство) появилась еще в XVII в. в трудах Леона Дюгюа, Д.Н. Фиггиса, Ф.У. Мейтленда, Г. Ласки, О. Гьерка, А.Д. Пенти, Дж. Гобсона, Г.Д. Коула. В 20-х гг. прошлого столетия этот взгляд на государственное устройство был достаточно распространен в политологических кругах Великобритании и США. И хотя впоследствии внимание ученых к плюрализму заметно угасло, сам термин и связанные с ним основные идеи сохранили свою значимость, и прежде всего восприятие политического плюрализма как органичного, необходимого аспекта демократии.

Как отмечает один из классиков современной политологии, представитель американской политической мысли Р.А. Даль, легитимизация организационного плюрализма как в социально-экономической, так и в политической жизни произошла в результате эволюции понимания демократии от «города-государства» к «нации-государству» [1, с. 45].

Представителем взгляда на демократию в масштабах города-государства, как известно, был Ж.-Ж. Руссо. Вторую, прямо противоположную, позицию занимал А. де Токвиль. Различия между их рассуждениями были не только в масштабах пространства действия демократии «город-нация», но и в роли ассоциаций (в современном понятии — партий), возникающих в обществе. Руссо считал их влияние угрожающим стабильности демократии, Токвиль же заключал, что они необходимы против тирании большинства, для предотвращения деспотизма различных ветвей власти.

Вслед за Токвилем Р.А. Даль считает, что «существование относительно автономных политических организаций необходимо для практики крупномасштабной

демократии». Таким образом, сдвиг, расширивший пространство демократии от города-государства до нации-государства, параллельно заменил монистическую демократию плюралистической. Эта парадигма и стала основополагающей в современных политических исследованиях.

Исторически концепция политического плюрализма выросла из либеральных идей. Крупный вклад в ее развитие внесли Д. Мэдсон, Г. Ласки (в 1915 г. он впервые ввел в политический лексикон понятия «политический плюрализм» «плюралистическая теория государства»), Э. Бернштейн, Р. Гильфердинг и др. [2, с. 154].

Концепция политического плюрализма в течение долгого времени составляла основу теории плюралистической демократии, в рамках которой главной движущей силой политики признавалась политическая группа, защищающая свои политические интересы. В то же время предполагалось, что в обществе действует множество иных заинтересованных групп, которые оказывают то или иное воздействие на органы государственной власти и наряду с политическими партиями являются полноправными участниками системы выработки и принятия ответственных государственных решений. Таким образом, социальная ценность политического плюрализма состояла в том, чтобы объединить и примирить разнообразные социальные течения на основе взаимных уступок с целью достижения консенсуса, и в этой связи демократия была призвана стимулировать развитие плюрализма в обществе, дабы предоставить гражданам возможность выражать свои интересы и достигать компромиссов [3, с. 164.].

Однако чем глубже политология вникала в то, как функционирует система связей организованных интересов и государства, тем более очевидным для многих ее представителей становился тот факт, что далеко не все отношения вписываются в плюралистическую схему. В результате на рубеже 60—70-х гг. появились исследования, авторы которых формируют новое, корпоративистское направление в политологии. Суммируя результаты своих изысканий, «корпоративисты» доказывали, что далеко не во всех случаях процесс принятия и реализации государственных решений сводится к чисто внешнему воздействию организованных групп на государственную власть. По их мнению, в реальной действительности очень часто имеет место гораздо более сложное взаимодействие сторон, в ходе которого каждая из них не просто участвует в выработке и принятии того или иного решения, но и берет на себя обязательства непосредственно содействовать в будущем его реализации.

Хотя жизнь и не подтвердила замены плюралистической модели на неокорпоративистскую, как это предсказывалось, в понимание современной модели общества были внесены серьезные коррективы. В настоящее время почти общепризнанным является положение о том, что ни та, ни другая модель не существует в реальной жизни в чистом виде, что есть различные варианты их сочетания с преобладанием той или другой [4, с. 77].

В настоящее время под политическим плюрализмом понимается принцип функционирования политической системы, при котором легально существуют и признаются государством многообразные относительно автономные групповые интересы, выражающие себя в форме партий, движений, групп давления и других институтов, влияющих на политику, но не имеющих монополии на власть.

Однако политический плюрализм — это не просто объективно существующая в любом обществе множественность социальных и иных структур и интересов. Эта множественность обязательно организационно и юридически оформленная: статусно закреплённая в нормативно-правовых актах. В том смысле, что все носители этих интересов с целью выражения и защиты последних обладают и реализуют в практической деятельности конституционно гарантированные права на объединение и представительство в государственно-властных структурах, равно как и право обращаться в эти структуры и быть услышанными ими.

Энциклопедический словарь по политологии дает лаконичное определение описываемому феномену: плюрализм в политике — система власти, основанная на взаимодействиях и «противовесах» основных партий и организаций [5, с. 248].

В толковом словаре обществоведческих терминов под политическим плюрализмом понимается принцип организации и функционирования демократической политической системы общества, предполагающий наличие в стране многообразных социальных сил, оказывающих влияние на формирование политики правового государства, но не обладающих монополией на власть; многопартийность [6, с. 316].

Известные американские исследователи Г. Алмонд и Д. Пауэлл плюралистическую структуру общества отождествляют с субсистемной автономией, выдвигая ее в качестве важнейшего параметра политического развития, отсутствие которого ведет к господству политической, экономической и религиозной подсистем, что, по их мнению, тормозит развитие политических институтов [7, с. 127—128].

Сравнивая приведенные, а также оставшиеся за рамками настоящей статьи определения политического плюрализма, не трудно заметить, что его социальной основой являются заинтересованные группы, в качестве которых могут выступать общественные организации, политические партии и др. При этом политический плюрализм по определению препятствует узурпации и монополизации власти каким-нибудь одним лицом, группой или партией, использованию ее в интересах узкой группы лиц.

Будучи институциональным выражением «согласия содержательного несоответствия», то есть организационно оформленного множества несовпадающих слоев и групповых интересов, политический плюрализм рассматривает разнородность общества, разнообразие его экономических, политических и социокультурных структур, различие интересов, ценностей, мировоззрений людей не как «патологию», а как норму общественного бытия социума, как важнейший источник и одновременно основание его богатства, двигатель прогрессивного демократического развития. Как писал академик А. Ухтомский, «когда общество живет правильно, оно поистине многооочно, ибо в нем столько же разнообразных постижений действительности и столько же зрений ее, сколько отдельных участников общежития».

Из признания этой «многооочности» общественного бытия органически вытекает и признание плюрализмом противоречий как законного начала и основания всей организации общественной жизни. В равной мере признаются и одобряются такие обусловленные противоречиями неизбежные спутники этой жизни, как соперничество, конкуренция, оппозиция, конфликты. Однако эта «борьба противоположностей» должна вестись согласно правилам политической корректности, то есть в строгих рамках закона, посредством использования

демократических норм и процедур. В этом смысле плюрализм не признает разрушительные, насильственные формы разрешения конфликтов по типу бунтов и восстаний, революций и гражданской войны, политического террора и саботажа и т.д. Равно как и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного демократического строя, нарушение целостности государства, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни и т.д.

Основная целевая установка плюрализма в этом плане — овладеть искусством «единства во множестве». «Плюралистическая демократия... — подчеркивает М. Дюверже, — требует минимального консенсуса между всеми партиями, несмотря на их расхождения. В особенности необходимо, чтобы они были согласны сосуществовать длительное время. Если этого не произойдет, то каждая из них будет стремиться злоупотребить властью, когда ее достигнет, и уничтожить другие партии, уничтожая, таким образом, плюрализм» [8, с. 84]. Такого рода «минимальный консенсус» немыслим без рационально осознанного понимания того, что помимо различных частных и корпоративных интересов есть «нечто», возвышающееся над ними. Это «нечто» порождается общей средой обитания социума и охватывается понятием общенационального, общегосударственного, общенародного интереса. Интерес, который в современных обществах включает в себя обеспечение таких общих ценностей, как национальная безопасность и независимость, экономическое благосостояние и развитие, свобода и конституционный порядок.

Политический плюрализм осуществляется в рамках гражданского общества «Именно в гражданском обществе обеспечиваются различные формы плюрализма (в том числе и политического — Л.К.)...». Плюрализм, однако, нельзя представить в виде некоего хаотического разнообразия изолированных начал, лишенных внутреннего единства. Наоборот. Как подчеркивал С.Л. Франк, «гражданское общество есть как бы молекулярная общественная связь, изнутри сцепляющая отдельные элементы в свободное и пластически общее целое». Гражданское общество неразрывно связано с рыночной экономикой и политической демократией: «они пронизывают друг друга и невозможны друг без друга» [9, с. 96].

Под гражданским обществом понимается такая форма самоорганизации людей, которая включает разного рода добровольно сформировавшиеся негосударственные социальные, экономические, религиозные, культурные и иные институты, организации, объединения, союзы и т.д.

«Гражданское общество, — подчеркивает французский политолог Ж.-Л. Кермонн, — складывается из множественности межличностных отношений и социальных сил, которые объединяют составляющих данное общество мужчин и женщин без непосредственного вмешательства и помощи государства» [10, с. 138]. Этому понятию Ж.-Л. Кермонн противопоставляет, с одной стороны, понятие «политическое общество», под которым понимается совокупность общественных институтов, включая государство и иные социальные коллективы, другой — понятие «глобальное общество» («всеобщее общество»), которое чаще всего воплощается нацией и складывается из подсистем, принадлежащих как политическому, так и гражданскому обществу, таких, как семья, предприятие, ассоциация, церковь, партия и т.д.

Российский политолог И.И. Кравченко трактует гражданское общество как общество с «развитыми экономическими, культурными, правовыми, политичес-

кими отношениями между самими индивидами, не опосредованными государством. В таком обществе свободно развиваются ассоциативная жизнь или, как ее называют, публичная сфера (в отличие от приватной), сфера массовых движений, партий, группировок по интересам, убеждениям, любым другим признакам. Это общество добивается децентрализации власти государства за счет ее передачи самоуправлению, взаимодействия меньшинства и большинства на основе согласования позиций государственных институтов и общества» [11, с. 136].

Политический плюрализм выступает по отношению к гражданскому обществу как своего рода фундамент и определяет такие его исходные характеристики, как самоуправляемость (саморегуляция) и ассоциативность в организации общественной жизни.

Ассоциативный и саморегулирующий характер гражданского общества находит свое выражение в деятельности бесчисленного множества самых разнообразных общественных организаций, которые в политическом дискурсе обозначаются понятием «организованные группы интересов» и которые реально воплощают в себе реализацию в рамках плюрализма конституционно-гарантированного права граждан на групповую самоорганизацию: политические партии, профессиональные союзы, синдикаты предпринимателей, крестьянские (фермерские) ассоциации, молодежные, феминистские, правозащитные, экологические и иные движения и объединения, союзы ветеранов, религиозные группировки, национальные землячества, семейные ассоциации, клубы и т.д.

В достижении консенсуса между этими различными социальными силами и интересами и состоит главное предназначение гражданского общества. Оно призвано устанавливать нормы, способные предотвратить разрушительные последствия борьбы различных социальных сил, направить ее в созидательное русло [12, с. 98].

Необходимыми условиями для существования политического плюрализма являются свобода слова и свобода СМИ, многопартийная система, свободные выборы, парламентаризм, независимые от государства общественные организации. В этом ряду свое значимое место занимает наличие множества политических партий. Скажем больше, многие политологи практически сводят понятие «политический плюрализм» к наличию множественных политических ценностей, идеологий и движений, носителями которых являются партии. К примеру, современный американский исследователь профессор Э. Хейвуд отмечает, что как описательный термин «плюрализм» может использоваться для констатации многопартийности [13, с. 98].

Признание законности разнообразных интересов в обществе закономерно обуславливало признание законности и политических инструментов в лице партий, призванных представлять эти интересы в системе власти. Поэтому, исходя из структурализации политического плюрализма, включающего, прежде всего, институт партий, в узком понимании этого феномена правомерно вести речь о партийном плюрализме.

Известный французский государственный деятель и политический мыслитель прошлого А. де Токвиль определял парламентскую демократию не иначе как узаконенную форму борьбы между партийными группировками. С этих же позиций выступал и другой французский политический мыслитель прошлого Ж. Бартеlemi, подчеркивая, что именно партии составляют главную движущую

силу демократического парламентского режима, и без партий данный режим просто существовать не может. Демократия минус многопартийность — не что иное как диктатура.

В чем же конкретно «плюсы» многопартийности? Почему без многопартийности и вне многопартийности демократия не осуществима? Достаточно полно положительные стороны многопартийности раскрывает О.З. Муштук, противопоставляя им также «минусы» этого феномена [14, с. 354—357].

Во-первых, многопартийность порождает конкурентную политическую среду, поскольку одновременно существующие организованные политические силы, которые равноправны по закону и не зависимы друг от друга, ведут борьбу за власть и влияние в обществе и государстве. Условия, при которых возможность монополизации власти одной из партий, а тем более юридическое (конституционное) закрепление ее руководящей роли исключаются. Свою прогрессивность и свое право быть первыми (то есть правящими) партии должны доказывать исключительно путем достижения более высокой по сравнению с конкурентами эффективности той политики, носителями которой они являются, не выходя при этом (и это очень важно) за рамки конституционности и принятых правил игры.

В-вторых, многопартийность способствует тому, чтобы в условиях реальной демократии (свободного волеизъявления народа) выносил окончательный вердикт партиям по вопросу правомерности (обоснованности) их притязаний в этой области: одних наделяет властью, других от этой власти отстраняет. Это обуславливает принцип чередования партий у руля государственной машины.

Во-вторых, в условиях многопартийности всякая общественная потребность всякий общественный интерес неизменно находят своих выразителей и защитников, равно как и своих оппонентов и критиков. Тем самым различные социально-дифференцированные категории граждан получают возможность высказывать свои интересы, выступать в качестве посредника во взаимоотношениях с государственно-властными структурами. Развиваются как прямые, так и обратные связи социума с властью, в рамках которых партии служат своеобразным механизмом двустороннего диалога гражданского общества и государства.

В-третьих, нередко говорят, что самая хорошая форма правления — это когда одна партия (или блок партий) правит, а другая партия (или блок партий) находится в оппозиции. Именно такую форму правления и порождает многопартийность. Действующая в обществе легализованная оппозиция любые просчеты и ошибки неверные шаги правительства предаст гласности, использует для его дискредитации с тем, чтобы обеспечить перевес сил в свою пользу на очередных выборах. Все это заставляет правительство действовать как можно более рационально и эффективно, сдерживает и предотвращает чрезмерную бюрократизацию, произвольные, волюнтаристские решения и т.д.

Не менее важно и другое: оппозиция — это потенциальный носитель новаторских идей. Представляя собой меньшинство, проигравшее выборы, она, для победы на следующих, вносит существенные коррективы в свою программу, предлагает новые «рецепты» и технологии решения общественных проблем, новое видение системы приоритетов в области внутренней и внешней политики и т.д. Следовательно, гарантируя оппозиции право на инакомыслие и легальную политическую деятельность, общество тем самым предохраняет себя от стагнации и застоя, не-

адекватного реагирования на вызовы времени, на изменившиеся обстоятельства и условия внешней среды.

В-четвертых, острое соперничество и конкурентная борьба за власть и влияние между политическими партиями ведут к тому, что внутри каждой партии воспитывается дисциплина, необходимая для того, чтобы победить конкурента. Партии, в которых отсутствует организационное и идейное единство и вместо них доминирует фракционность и «групповщина», диффузия стратегических интересов и целей, лишены шансов на успех и обречены на прозябание в роли партий по типу дискуссионных клубов. Но для победы в борьбе за власть одной из партий внутренней дисциплины партии недостаточно. Требуется соответствующий уровень дисциплины также и со стороны партийного электората. Поэтому, дисциплинируя свои ряды, партия одновременно занята тем, что дисциплинирует и массы своих приверженцев, которые в роли избирателей голосуют за ее кандидатов на выборах. В результате растет урегулированность и порядок в обществе в целом, повышается уровень социальной ответственности и социально-ответственного поведения граждан.

В-пятых, в ходе политической борьбы происходит «естественный отбор» лидеров, то есть выявляются и выдвигаются на политическую авансцену действительно даровитые и талантливые люди по части искусства государственного управления. При этом важно подчеркнуть, что в условиях плюралистической демократии функцию «естественного отбора» лидеров выполняет в конечном счете народ в роли электората, а потому ее эффективное выполнение напрямую зависит от способности людей делать ответственный и осознанный выбор.

В-шестых, формирующееся по итогам выборов правительство является «партийным» в том смысле, что его формирует победившая на выборах партия (или блок партий), а ее лидер, как правило, становится премьер-министром. В дополнение к уже существующей организационной структуре эта партия получает как бы две новые фракции — фракцию членов партии-парламентариев и фракцию членов партии — членов правительства. В этих условиях правящая партия (или блок партий) несет ответственность за деятельность этих двух фракций и с учетом перспективы новых выборов всемерно заинтересована в том, чтобы эта деятельность была предельно эффективной и технократически легитимной. В противном случае по истечению конституционного срока избрания правящая партия (или блок партий) может проиграть выборы и вынуждена будет перейти на положение оппозиции.

Как уже отмечалось, многопартийность — это не только общественное благо и источник развития плюралистической демократии, основанной на свободном волеизъявлении различных общественно-политических сил, одновременно это и фактор ожесточения политических нравов, серьезное испытание для общественной морали вообще.

«Минусы» многопартийности отметил еще в свое время известный российский правовед и политолог Б. Чичерин [15, с. 356]. Примечательно, что и в настоящее время они также негативно характеризуют этот политический институт. Прежде всего, принадлежность к какой-либо партии дает человеку систематически одностороннее направление, то есть он смотрит на общественные процессы исключительно через призму интересов своей партии, ее политической борьбы.

Далее. Служение своей партии нередко приводит к игнорированию поисков точек соприкосновения и достижения согласия с другими политическими институтами по базовым ценностям развития. В результате все приносится в жертву не государственным и не общенародным ценностям, а сугубо узкопартийным целям.

В межпартийной борьбе используются, порой, любые средства. К этому привлекается общество, воспринимая нечистоплотные технологии не как патологию, а как норму. Это, безусловно, влияет на общественные нравы.

Наконец, непрерывная борьба ведет к ослаблению правительственной власти, ее силы расходятся на борьбу с оппозицией, особенно в ситуации, когда эта власть является «непартийной» (то есть не формируется партиями) и по этой причине не может опереться на прочное большинство в парламенте. Или, когда наряду с системной оппозицией, существует оппозиция антисистемная, «непримиримая». И политический плюрализм принимает облик плюрализма не «умеренного», а глубоко «поляризованного» (в рамках которого политическая борьба не сводится к разногласиям по вопросу о приоритетах в области внутренней и внешней политики, а принимает форму открытых противостояний по вопросу базовых основах и принципах существующего режима).

Указанные недостатки свидетельствуют, что они вполне могут быть преодолены в условиях развитой многопартийности, которая присуща демократическим странам, где оппонирующие политические силы исходят из осознания достижения в качестве приоритетной цели политики консолидации, общественного согласия и консенсуса, а свою борьбу используют лишь как средство утверждения подобного состояния.

Все вышесказанное позволяет резюмировать, что политический плюрализм многопартийность есть ценности современной цивилизации.

Политический плюрализм предстает как один из базовых принципов общественного устройства, согласно которому общественно-политическая жизнь должна включать в себя множество различных взаимозависимых (и вместе с тем автономных) социальных и политических групп, партий, организаций, чьи установки, идеи и программы находятся в постоянном сопоставлении, соревновании, конкурентной борьбе. Основываясь на лаконизме, можно дать следующее определение этого социального феномена: политический плюрализм есть признание множественности социальных интересов и способов их выражения в политике.

В наиболее концентрированном виде политический плюрализм выражен в обществе в виде многопартийности. Соответственно, понятие политического плюрализма является важнейшим теоретическим и методологическим конструктом изучения института политических партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. — 1994. — №3. — С. 44—49.
2. Теория политики: Учеб. пособие / Под ред. Б.А. Исаева. — СПб: Питер, 2008. — 464 с.
3. Введение в политологию. — М., 1996. — 317 с.
4. Перегудов С.П. Организованные интересы и государство: смена парадигм // Политическое исследование. — 1994. — №2. — С. 74—79.

5. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. — М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. — 432 с.
6. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — СПб.: Лань, 1999. — 528 с.
7. Езоров С.А. Некоторые концепции политического развития в современной политической науке США // Международные отношения, политика и личность. — М.: Наука, 1976. — С. 124—130.
8. Дюверже М. Социально-политические науки. — 1990. — №12. — С. 80—92.
9. Гаджиев К.С. Политология (основной курс): Учебник. — М.: Высшее образование, 2008. — 460 с.
10. Шманкова Т.В. Из основ политологии Запада // ПОЛИС. — 1991. — №12. — С. 137—141.
11. Кравченко И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии // ПОЛИС. — 1991. — №5. — С. 136—140.
12. Гаджиев К.С. Указ. соч.
13. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 544 с.
14. Муштак О.З. Политология: Учеб. пособие. — М.: Маркет ДС, 2006. — 556 с.
15. Там же.

Аттестация кадров государственной службы в процессе модернизации современного казахстанского общества

ИСАКУЛОВ Е.Б.

Формирование личности, соответствующей определенным социальным требованиям и идеалам, относится к категории «вечных проблем» над разрешением которых человечество бьется не одно столетие. В соответствии с основными сферами жизнедеятельности человека, можно говорить об идеалах мужчины и женщины, гражданина и общественного деятеля, учителя и ученика... Список идеалов-образцов, которые выполняют функцию регуляторов социального развития, можно продолжить.

Однако если ставить приоритеты государственного развития Казахстана, формирования конкурентоспособности и роста благосостояния нашего народа, в котором катализируется развитие практически всех идеалов личностного, социального и общественного развития, то одним из ключевых идеалов становится формирование личности профессионала государственного служащего.

Подтверждение этому мы видим в активно реализуемой в Казахстане административной реформе. Так, Главой государства Н.А. Назарбаевым сделано важное судьбоносное заявление о разработке принципиально новой модели государственной службы, основными положениями которой он поделился 17 июня 2008 г.

в г. Астане на международной конференции «Роль государственной службы в повышении конкурентоспособности страны».

Одним из значимых элементов новой модели является создание Национальной комиссии и значительное усиление роли Агентства по делам государственной службы для повышения качества отбора кандидатов в чиновники. Другим ее аспектом является более четкое разграничение между политическими служащими и административной государственной службой.

Еще одним существенным нововведением в развитии государственной службы будет реализация идеи Н.А. Назарбаева о создании Национальной школы кадровой политики при Академии государственного управления.

Проводимые реформы в административной сфере, повышение роли и значимости государственной службы и концепции кадровой политики в своей совокупности, как никогда ранее, актуализируют возникновение интереса к новому общественному идеалу — к профессионализму государственного служащего.

Значимость данной социальной категории трудно переоценить, поскольку она непосредственно связана со сферой общественного воспроизводства, с совершенствованием государственного управления в широком смысле этого слова.

При этом формирование профессионализма государственного служащего — процесс не скоротечный, оно представляет собой длительный процесс, который зависит как от самого человека, так и от внешних факторов. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что личность профессионала не рождается вместе с индивидом, она формируется, проявляется на определенном этапе развития человека при достижении определенного уровня сформированности его физических, психических, социальных и духовных качеств. Иными словами происходит длительный процесс профессионализации.

На протяжении всей истории человечества, общество выработывало различные способы контроля этого процесса, поскольку процесс профессионализации помимо положительного эффекта, содержит и отрицательные моменты, связанные с формированием такого явления, как некомпетентность, профессиональная деформация и т.п. [1, 2].

Контроль и регуляция процесса профессионализации осуществляются в контексте организационной культуры, которую мы определяем как устойчивый комплекс базовых представлений, ценностей и поведенческих норм, который задает, программирует и регулирует в организации социальные отношения членов данной организации как представителей профессиональных, квалификационных и должностных групп, разных структурно-функциональных подразделений. Это есть организационная культура выступает идеальным отражением материального образования, каковым является любая организация, но не столько в предметно-вещественном ее воплощении, сколько как социальный организм, как комплекс ансамбль социальных отношений в организации.

Иными словами, организационная культура представляется как цель организации, которая должна стать целью каждого ее сотрудника. Для формирования высокоорганизованной организационной культуры недостаточно декларирование целей, необходимы конкретные описания желательных качеств ее облика. Тем самым формируется привлекательный образ будущего организации, который как правило, включает все основные компоненты организационной культуры — социальные представления о ее миссии, целях, принципы деятельности, нормы

трудового поведения, которые в целом сводятся к установлению, поддержанию и развитию партнерских отношений между членами организации. Организационная культура как идеал характеризуется также тем, что цель и образ должны восприниматься как норма повседневной жизнедеятельности коллектива.

В определении понятия организационной культуры государственной службы фундаментальное место занимают социальные представления о миссии государственного управления, на основе которой формируются убеждения относительно целей государственной службы, ее ценностях, принципах успешной деятельности и нормах поведения сотрудников.

И если механизм реализации организационной культуры как идеала управляемой корпоративной культуры обеспечивается посредством кадровой политики организации, то огромное значение в данном контексте приобретают вопросы оценки деятельности государственных служащих, проблемы их аттестации.

В самом общем виде аттестация работников, в том числе и государственных служащих, проводится в целях объективной оценки важнейших качеств личности работника, его труда и достигнутых результатов в рамках требований организационной культуры. Последнее служит надежным инструментом совершенствования подбора, расстановки и воспитания кадров, призванным способствовать дальнейшему росту квалификации кадров, повышению ответственности работников за порученное дело и укреплению самой организационной культуры в конечном итоге.

Наряду с этим, аттестация как кадровый процесс определяет наличие состояние кадрового потенциала, а оценка профессиональных достижений, личных деловых и профессиональных качеств отдельного сотрудника дает возможность определения качества процесса профессионализации и выработки путей оптимизации ее развития. В этом плане разработка научных основ аттестования государственных служащих, изучение передового зарубежного опыта имеют концептуальное значение для мониторинга эффективности реализуемой кадровой политики.

Большое внимание вопросам оценки кадров государственного управления как в теоретическом, так и в прикладном аспекте уделяется в зарубежных странах. Значительный интерес представляет система законодательства ведущих зарубежных государств по формированию государственного аппарата: порядок назначения на государственную службу, объем прав и обязанностей государственных служащих [3].

Принятие нового законодательства о государственной службе проходило в зарубежных странах неравномерно. Так, в Англии в 1970 г. в ходе реформы административной сферы был обобщен опыт более столетней деятельности. В 1978 г. Конгрессом США был принят Закон о реформе государственной службы. В 1989 г. курс на реформу законодательства о государственной службе был взят Канадой. Во Франции базовыми в сфере государственной службы считаются два закона — Закон о правах и обязанностях чиновников (1983 г.) и закон «Статус публичной службы» (1984 г.).

Целям поддержания высокого уровня государственной службы служат правила проведения аттестации государственных служащих. Их периодичность зависит от требований законодательства. В США, например, до каждого служащего ежегодно доводятся сведения о требованиях, предъявляемых к его должности. В этой

стране критериями оценки деятельности, к примеру, для высшего руководящего состава являются: совершенствование эффективности и качества работы, в том числе сокращение объема делопроизводства; экономия средств; своевременность исполнения обязанностей по должности; иные показатели эффективности работы. В случае неудовлетворительной оценки работы служащий может быть либо уволен, либо переведен на другую должность. Такой перевод запрещен, если течение пяти лет деятельность служащего на руководящем посту оценивалась дважды неудовлетворительно.

В Канаде действует правило, в соответствии с которым требования, предъявляемые к соискателю на экзамене, не должны противоречить «квалификационным стандартам» в целом.

В Польше основанием для расторжения трудовых отношений с государственным служащим называет повторное получение отрицательной квалификационной оценки в результате аттестации, проведенной через три месяца после первой отрицательной оценки.

По мнению иностранных специалистов, к основным целям кадровой политики в области оценки персонала следует отнести:

- использование кадров в соответствии с их квалификацией;
- обеспечение равновесия общих и специальных знаний в процессе подготовки специалистов к служебной деятельности;
- стимулирование высокопродуктивной деятельности служащих в процессе выполнения служебных функций;
- тщательность отбора кандидатов на различные виды профессиональной деятельности;
- обеспечение равенства шансов при продвижении по службе независимо от социального положения работников.

Интересен опыт проведения оценки персонала в системе государственной службы в Германии. Цель аттестации госслужащих здесь отражена в двух функциях: селективной и коммуникативной. Аттестация предоставляет центральным кадровым органам информацию о результатах работы и соответствии сотрудника такой работе (селективная функция), а также усиливает связь между руководителем и подчиненным, делая гласным мнение руководителя о сотруднике как специалисте (коммуникативная функция). Селективная функция аттестации преследует цели материального стимулирования (продвижение по службе и, соответственно, повышение оплаты); коммуникативная функция ориентирована на стимулирование успешности профессиональной деятельности посредством признания сотрудника, оценки его руководителем или корректировку госслужащего своих личностных особенностей как субъекта деятельности в целях достижения более успешного результата.

Селективная функция аттестации реализуется в рамках стандартизированной процедуры и преследует выявление соответствия результатов деятельности в материальным; коммуникативная функция неформализованна, более субъективна.

В системе оценки госслужащих Германии выделяют две ее формы: оценка результатов работы и оценка по пригодности (потенциалу сотрудника).

Немецкая модель аттестации по результатам работы ориентирована на набор даваемые критерии, связанные с количественными и качественными особенностями поведения и результатами работы. Процедуры такой аттестации различны

зависят от методики описания особенностей сотрудника. Выделяется три вида процедур:

- процедура распределения сотрудников по должностным категориям;
- процедура составления характеристики, которая характеризует сотрудников на основании определенных критериев (например, поведение и результаты деятельности в критических ситуациях);
- процедура распределения по категориям на основе заданных критериев оценки личности методом шкалирования.

Аттестация по результатам представляет собой циклический процесс, начинающийся с формулировки цели, критериев аттестации в ходе собеседования аттестующего с аттестуемым и нахождения консенсуса и завершается выводом-оценкой («объявлением приговора») аттестуемого.

По результатам аттестации составляется отчет, в котором все содержание касается только текущего года работы. Каждый вывод в отчете должен быть аргументирован. Отчет оформляется несколькими служащими: непосредственным руководителем аттестуемого, непосредственным начальником составителя отчета; непосредственным лицом, контролирующим аттестацию; работником отдела кадров. Таким образом, в аттестации, включая самого аттестуемого, участвует пять человек.

Отчет включает три обязательных момента: письменная детальная характеристика результатов выполнения аттестуемым годовой программы деятельности; оценка полученных результатов согласно стандартам должности (должностным обязанностям); обозначение чрезвычайных условий, которыми сопровождалась профессиональная деятельность за оцениваемый год (состояние здоровья, семейные обстоятельства и т.п.).

Отчет составляется на основе аттестационной анкеты, которая рассылается отделом кадров всем служащим, имеющим в подчинении сотрудников. Общие анкетные (статистические) данные заполняются отделом кадров и подлежат точному отношению руководителем подразделения.

Анкета включает следующие разделы:

- общие статистические данные;
- анализ работы за прошлый год;
- описание работы на будущий год;
- предложения по повышению квалификации;
- предложения по служебному переводу;
- мнение аттестуемого;
- характеристика и оценка личностных качеств аттестуемого;
- оценка перспектив служебного роста;
- мнение аттестующего об аттестуемом;
- заверение контролируемого аттестацию лица о правильности прохождения аттестации.

Зарубежный опыт показывает, что процедура аттестации может быть классифицирована по тому, что оценивается в процессе аттестации государственного служащего — результаты деятельности госслужащего за определенный период времени или параметры пригодности государственного служащего к государственной службе (соответствие занимаемой должности).

Таким образом, в основу аттестации, оценки кадров положен главный критерий — способность служащего успешно исполнять функциональные обязанности

той или иной должности, реализовывать новые идеи, ведущие к повышению эффективности деятельности государственного управления. При этом оценка строится на основе оценки конкретного поведения.

Вместе с тем современная психология и кадровый менеджмент не имеют единой точки зрения на поведение человека. Одни ученые полагают, что поведение человека в различных ситуациях и в различное время консистентно (одинаково), другие придерживаются мнения о том, что поведение может резко меняться в зависимости от ситуации.

Однако, как отмечает А.Л. Нурмаханбетов [4], здесь скорее речь должна идти о том, чтобы рассматривать человека, его профессиональную деятельность, социальные институты организационной культуры в комплексе, то есть и вклад самого специалиста в достижение результатов, собственно характеристика самого результата деятельности, и особенности социальной ситуации (институциональные регуляторы) реализации деятельности. Подобная система индикаторов будет значительно более комплексной, чем та, что наблюдается в применяемых в настоящее время большинстве зарубежных моделей. Иными словами, для оценки деятельности специалиста не важно, что он может сделать, а важно, сколько он делает. Это предполагает, что при отборе критериев можно ограничиться теми, которые определяют успех деятельности. Это ключевые цели деятельности, но также и «критические элементы деятельности», которые постигаются на основе анализа деятельности и для определения которых следует дать ответ на следующие вопросы:

1. Каковы затраты времени на создание элементов деятельности?
2. Каковы будут последствия при неудовлетворительном выполнении элементов деятельности?
3. Насколько серьезны будут эти последствия?
4. Что делает элементы деятельности критическими?
5. Находятся ли выявленные критические элементы деятельности в связи общими целями управления?
6. Почему они определяются как критические?

Предлагаемый подход к оценке будет неполным, по моему мнению, без учета проблемы активности личности, активности самого специалиста как субъекта являющегося «созидательным механизмом», направленным на формирование знаний, умений и навыков целеполагания, планирования, навыков реализации намеченного и т.д., то есть тех компетенций, которые и создают основу для успеха в деятельности. В данном контексте вопрос об активности приобретает принципиальное значение, так как он непосредственно связан с совершенствованием системы управления процессом профессионализации государственного служащего, в том числе и ее аттестования.

Однако основной вопрос, существенно затрудняющий реализацию данного подхода на сегодняшний день, связан с разработкой адекватных технологий реализации аттестования. Несмотря на значительный период отхода от старототалитарной системы, подходы и формы аттестования, применяемые сегодня мало чем концептуально отличаются от первых.

Во-первых, относительно вопросов тестирования на знание законодательной базы по линии деятельности отметим, что качество тестовых вопросов по поводу оценки реального предмета деятельности желает оставлять лучшего. Да-

содержание вопросов единого национального тестирования всегда вызывает массу споров и апелляции. С другой стороны, знание не есть признак профессионализма, оно — необходимое условие, но не определяющий фактор. Все знают о вреде курения.

Во-вторых, решение по аттестации. Как известно 80% информации о специфике профессиональной деятельности конкретной должности уходит вместе с ее носителем. Поэтому легко мотивировать нерадивого «старого» специалиста, чем заново обучать «нового». В этой связи аттестация должна быть направлена на повышение эффективности управления человеческими ресурсами организации через положительное воздействие на мотивацию сотрудников. Обратная связь благотворно сказывается на мотивации работников, позволяет им скорректировать свое поведение на рабочем месте и добиться повышения производительности.

Еще одним важным аспектом аттестации является планирование профессионального обучения. В ходе аттестования необходимо определять пробелы в компетенциях каждого государственного служащего и предусмотреть меры по их устранению путем повышения квалификации и обучения, наряду с этим аттестация дает возможность планирования профессионального развития и карьеры. Оценка в ходе аттестации сотрудников позволяет выявлять их слабые и сильные профессиональные качества, что дает возможность подготовки индивидуальных планов развития и эффективного планирования карьеры.

Таким образом, аттестование непосредственно связано и с оценкой институциональности организационной культуры. Последнее дает возможность использования аттестации как потенциал распределения работников по важным для государственного управления группам; как создание резерва кадров, совершенствование системы оплаты труда и премирования, проверку эффективности профессионального обучения и повышения квалификации, организацию повышения квалификации, повышение удовлетворенности трудом и т.д.

Рассмотрение аттестования под таким углом зрения дает возможность значительно расширить решаемые ею задачи. Причем содержание этих задач будет существенно изменяться и конкретизироваться в зависимости от того, на каком этапе развития находится организационная культура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданов А.В. Работа с сотрудниками органов внутренних дел по профилактике профессиональной деформации. — М.: Академия МВД, 1992. — 210 с.
2. Ермалева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — №4. — С. 51—59.
3. Белыев А.В. Психологические особенности аттестации государственных служащих. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. — М.: РАГС, 2001. — 186 с.
4. Нурмаханбетов А.Л. От узкого функционально-кадрового анализа к расширенному организационно-кадровому аудиту: тенденции эффективности // Поиск. — 2008. — №1. — С. 148—152.

Современный этап борьбы с коррупцией в рамках административной реформы в Казахстане

АЙТБАЙ К.О.

Важнейшим целевым направлением совершенствования структуры работ центральных исполнительных органов была утверждена системная борьба со снижением коррупции как основных негативных элементов их работы. В повышении стабильности, устойчивости и управляемости государственного аппарата огромную роль играет политика борьбы и *снижения коррупции*.

Такое негативное явление, как коррупция, является социальной болезнью, которая способна уничтожить все проекты и программы повышения эффективности, ответственности, отчетности центральных исполнительных органов. Поэтому этому борьба с коррупцией выступает первостепенной задачей общественности, руководства страны, научных кругов.

Согласно статье 2 Закона о борьбе с коррупцией Республики Казахстан, «*коррупцией*... понимается не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, выполняющими государственные функции, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей либо использованием ими своих полномочий для получения имущественной выгоды, равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ [1].

Президент Республики Казахстан неоднократно призывает все государственные органы и народ Казахстана бороться с коррупцией. «В условиях демократического общества большое значение приобретает борьба с преступностью, в том числе коррупцией» [2].

Со дня независимости государства были приняты различные законы Парламента РК, Указы Президента, постановления Правительства, правительственные и государственные программы по борьбе с коррупцией. Одним из последних и наиболее актуальных решений руководства Казахстана по борьбе с коррупцией является Государственная программа борьбы с коррупцией на 2006—2010 гг. Данный Указ Президента Республики Казахстан от 23 декабря 2005 г. определяет, что административная реформа не может быть полноценной и эффективной без снижения негативного влияния и давления коррупции [3].

Цель современной Государственной программы борьбы с коррупцией на 2006—2010 гг. — снижение уровня коррупции во всех сферах жизнедеятельности общества путем повышения эффективности координации деятельности

государственных органов и институтов гражданского общества. Особенность и значение данной программы заключается в том, что участие гражданского общества, НПО, СМИ, политических партий признается в качестве обязательного элемента борьбы с коррупцией. На высшем государственном уровне признается, что коррупция — это наиболее опасное явление. Коррупция тормозит процесс социально-экономического развития, строительства рыночной экономики, привлечения инвестиций, но более всего ограничивает возможность реализации Стратегии вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира.

Согласно современному плану по борьбе с коррупцией, были утверждены конкретные сроки его реализации. Первый этап программы включает в себя период с 2006 по 2008 г. Второй, завершающий, этап должен будет проходить с 2009 по 2010 г.

На первом этапе (с 2006 по 2008 г.) ожидалась реализация мер по обеспечению информационной прозрачности принятия решений, принимаемых действий государственных органов для полной осведомленности населения, гражданского общества, политических институтов об антикоррупционной политике властей, центральных органов контроля. Среди конкретных действий должно было быть завершение программы оптимизации разрешительных и административных полномочий органов государственного управления. Большие надежды возлагались на реформирование системы государственных закупок, где главную роль должны были сыграть программы «электронного правительства». Однако особое внимание предполагалось уделить процессу вовлечения в антикоррупционную деятельность организаций гражданского общества, НПО, СМИ для формирования правового сознания и правовой культуры среди большинства населения.

Второй этап (с 2009 по 2010 г.) предусматривает принятие конкретных законодательных мер и внедрение механизмов и инструментов исключения возможностей для коррупционной деятельности чиновников. Данный этап станет завершающим элементом законодательной, системной борьбы с коррупцией, который будет состоять из наиболее важных изменений работы государственных органов. Система общественного контроля над расходованием бюджетных средств дополнится обязательной экспертизой всех нормативных и правовых актов, которые сохраняют свое коррупционное содержание. Более того, непрофильные функции государственного контроля и лицензирования будут переведены на уровень гражданского общества, НПО, в том числе и через передачу разрешительных функций институтам гражданского общества. Ожидается, что будет осуществлено четкое правовое, функциональное разделение форм и механизмов взаимодействия центральных государственных органов и субъектов предпринимательства [4]. Данная работа будет возложена на соответствующие государственные органы и ведомства, которые следят за недопущением нарушения законодательства. Для борьбы с коррупцией в Казахстане были созданы такие специализированные органы (кроме КНБ, МВД, Прокуратуры), как Агентство РК по борьбе с экономической и коррупционной преступностью, Комиссия при Президенте РК по вопросам борьбы с коррупцией. Однако очевидно, что гражданские организации и объединения, НПО, СМИ, политические партии также должны принимать участие в данном процессе. Прошедший 2007 г. показал, что коррупция как явление существует в Казахстане и задачи данных организаций и госорганов не теряют

своей важности и необходимости. На официальном сайте Агентства по борьбе с экономической и коррупционной преступностью имеются различные данные об информации о процессе борьбы с коррупцией, принимаемых государственных решениях, «громких» преступлениях чиновников.

«В 2007 г. Агентством и его территориальными подразделениями были проведены 3830 проверок деятельности государственных органов по вопросам соблюдения законодательства о государственной службе, в том числе 3028 плановых и 424 — по заявлениям и жалобам граждан и государственных служащих, 80 — по обращениям государственных органов и иных юридических лиц, 288 — по поручениям руководства Агентства, 10 — по иной информации, опубликованной в СМИ и других источниках.

В ходе проверок выявлено 22 942 нарушения законодательства, в том числе 20 207 фактов нарушений установлены в ходе плановых проверок. По итогам проверок вынесено 1555 решений о привлечении к дисциплинарной ответственности государственных служащих, в том числе объявлено 919 замечаний, 432 выговора, 126 строгих выговоров, 61 предупреждение о неполном служебном соответствии. Уволены 17 государственных служащих с занимаемых должностей. Государственными органами устранено 12 887 нарушений (из числа исправимых).

Дисциплинарные советы Агентства в областях, городах Астане и Алматы в 2007 г. рассмотрели 6807 обращений физических и юридических лиц о фактах нарушения законодательства о борьбе с коррупцией и Кодекса чести государственных служащих, по которым проведено 2467 проверок, в том числе 298 проверок с участием представителей других государственных органов» [5].

Особенным отличительным примером и яркой стороной нынешнего этапа борьбы с коррупцией в центральных органах государственного управления стало сотрудничество контролирующих, правоохранительных органов с политической партией «Нур Отан». Участие и активность властной НДП «Нур Отан» выражается в том, что во всех регионах республики члены и работники партии принимают и рассматривают вопросы граждан Казахстана в отношении действий государственных служащих. Общественные слушания, совместные конференции, встречи членов партии и служащих Прокуратуры РК являются новшеством, особенным примером текущего состояния административной реформы и борьбы с коррупцией.

По данным официальных СМИ, члены партии «Нур Отан» совместно с работниками Агентства РК по борьбе с экономической и коррупционной преступностью особенно активно действуют в целях борьбы с коррупцией. Активное участие членов партии проявляется в ходе разработки программ борьбы с коррупцией, которые нацелены на совершенствование законодательства в этой области, формирование антикоррупционного мировоззрения населения, совершенствование кадровой политики государственных органов. Более того, гражданские партнеры партии, НПО, общественные организации также активно сотрудничают с Агентством, что обеспечивает активное вовлечение гражданского общества в борьбу. Особенное внимание члены партии уделяют усилению норм уголовной ответственности для юридических лиц, за подкуп третьих лиц, за обещание и предложение взятки и др. Как подтверждают наблюдатели, взаимодействие строится на принципах полного сотрудничества и открытости в обсуждении и рассмотрении каждого коррупционного дела. Это основано также на том, что большинство членов партии сами являются или были ранее служащими государственных органов. Данное условие способствует объединению усилий государства, политических институтов и гражданского общества в противодействии коррупции.

По последним данным официальных СМИ, в 2007 г. коррупционные преступления были совершены 201 государственными служащими областного значения, 556 — районного звена, осуждены 483 лица. Данные показатели указывают на то, что с каждым годом коррупционные правонарушения имеют тенденцию роста и увеличения, поскольку в 2006 г. их было на 40% меньше. «За три месяца текущего года органами финансовой полиции выявлено 430 коррупционных преступлений, что на 2,1% больше аналогичного периода прошлого года. В 2,8 раза возросла выявляемость фактов присвоения или растраты вверенного чужого имущества, в 3 раза — незаконного участия в предпринимательской деятельности. Финансовой полицией в минувшем году выявлено 1014 коррупционных преступлений в отношении государственных служащих и приравненных к ним лиц, в том числе среди сотрудников налоговой службы — 32, юстиции — 35, Комитета по судебному администрированию — 29, а также акимов — 52. В текущем году за I-й квартал среди указанных лиц зарегистрировано 374 таких факта» [6].

Другим фактором возможности совершенствования структуры органов центральной власти в ходе административной реформы в Республике Казахстан стала моральная и психологическая сторона данного вопроса — формирование позитивного имиджа государственной службы. Нынешний этап административной реформы отличается высоким вниманием к моральной стороне вопроса, что многое зависит от самих государственных служащих, их моральных, этических ценностей и идеалов. Очевидно, что разработка и принятие новых законов, правительственных постановлений, внедрение института ответственных секретарей, программы повышения профессионализма государственных служащих, борьбы с коррупцией являются важными составляющими задачи совершенствования структуры органов центральной власти, но успех и результаты целей и сути административной реформы зависят от изменения психологии и моральных ценностей чиновников, руководителей.

Принятые ранее такие известные законодательные акты и правительственные программы, как Закон Республики Казахстан «О государственной службе», Указ Президента Республики Казахстан от 3 мая 2005 г. №1567 «Кодекс чести государственных служащих Республики Казахстан» (Правила служебной этики государственных служащих) [7], повлияли на укрепление моральных ценностей, патриотизма, ответственности государственного служащего. Однако большую роль играет не только само настроение и ценности служащего, но и имидж и статус самой государственной службы, которая должна быть такой же уважаемой работой, как и многие другие социально значимые профессии. Современный этап административной реформы отличается внимательным отношением к вопросу о формировании и поддержании высокого имиджа государственной службы. Таким последним известным решением Правительства РК стало Постановление от 24 сентября 2007 г. №830 «План мероприятий по формированию и укреплению позитивного имиджа государственной службы на 2008—2010 гг.» [8], практической особенностью и значением которого стало детальное отношение к мерам, механизмам повышения имиджа и статуса государственной службы среди населения и самих служащих. Положения и статьи документа можно разделить на *внешние*

и *внутренние* факторы, влияющие на формирование положительного имиджа государственного служащего.

Внешние факторы, механизмы повышения статуса и имиджа государственной службы определяет сотрудничество государственных органов с органами СМИ, НПО, общественными организациями. В рамках Постановления были предложены следующие важные мероприятия для повышения уважения к государственной службе, имиджа государственного служащего:

А) освещение положительной работы, достижений и результатов деятельности государственных служащих, государственных органов в СМИ, среди НПО в рамках реализации Стратегии вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее развитых стран мира;

Б) публикация материалов в специальных научных, публицистических изданиях, СМИ, направленных на поднятие престижа государственной службы, формирование положительного имиджа государственного служащего;

В) утверждение и празднование Дня государственного служащего как важного общественного события.

Внутренние факторы и механизмы повышения моральной мотивации, этики государственного служащего в рамках соответствующих государственных органов, государственных учебных заведений и институтах повышения квалификации. В Постановлении было подчеркнуто, что большая часть ответственности за воспитание уважения к работе, поддержание высокого статуса государственной службы, моральная и психологическая подготовка — все это лежит на плечах соответствующих государственных органов, руководителей и нового служащего — ответственного секретаря:

А) важнейшими механизмами пропаганды поддержания высокой этики, моральной подготовки, уважения к работе были признаны проведение учебных специальных курсов, занятий для служащих по различным темам, таким, как например: «Этика и имидж государственного служащего», «Кодекс чести государственных служащих — основа этики служебных отношений» и др.;

Б) важнейшим корпоративным событием должно стать проведение конкурса «Лучший госслужащий года» по направлениям работы отделов и ведомств. Предполагается, что это будет способствовать развитию корпоративного духа, солидарности, взаимоуважения, толерантности и сотрудничества между государственными служащими, населением, СМИ, НПО;

В) обязательное использование в государственных целях и интересах выпускников программы «Болашак» для применения их навыков, образования, опыта на государственной службе, в том числе в рамках стратегии повышения конкурентоспособности экономической и социальной сфер Казахстана.

Таким образом, задача совершенствования структуры органов центральной власти стоит в качестве важнейшей цели в ходе административной реформы в Республике Казахстан. Предложения, высказанные Главой государства 1 сентября 2006 г. на открытии третьего созыва Парламента Республики Казахстан, утвердившие важнейшие механизмы и инструменты совершенствования работы именно центральных органов управления. Среди первоочередных задач системного развития органов центральной власти в Республике Казахстан были особенно отмечены

во-первых, системное совершенствование структуры государственных органов, затронувшее механизмы управления, принятие решений, ответственность

в рамках каждого центрального органа. Данная задача была связана со стратегической задачей разделения политических и административных государственных служащих с появлением нового института ответственных секретарей;

во-вторых, повышение зарплаты, возможностей увеличения материального премирования наиболее ответственных, работоспособных государственных служащих на основании оценки качества работы каждого отдельного служащего.

Внедрение концептуально новой системы оплаты труда, премирования служащих отвечает главной цели развития корпоративного управления, где большее поощрение получают служащие с высокой эффективностью, результативностью работы;

в-третьих, совершенствование структуры работы центральных органов непосредственно связывается с кадровой работой, где важнейшим механизмом получения высокого качества государственных услуг становится профессиональная подготовка, образовательный уровень, опыт специалистов и служащих;

в-четвертых, системное изменение работы центральных органов связывается с совершенствованием бюджетной политики финансирования, которая основывается на примерах и достижениях наиболее конкурентоспособных стран Европы и Азии. Именно внедрение механизма бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), является примером совершенствования работы государственных органов в соответствии со стратегией повышения конкурентоспособности Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. О борьбе с коррупцией. Закон РК от 2 июля 1998 г. №267-І // Казахстанская правда. — 1998. 9 июля.
2. Назарбаев Н.А. Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики. Послание Президента Республики Казахстан // Казахстанская правда. — 2008. 7 февраля.
3. О Государственной программе борьбы с коррупцией на 2006—2010 гг. Указ Президента РК от 23 декабря 2005 г. // <http://www.flnpol.kz>.
4. Там же.
5. <http://www.kyzmet.kz>.
6. Борьба до чистой победы // Казахстанская правда. — 2008. 29 апреля.
7. Кодекс чести государственных служащих Республики Казахстан (Правила служебной этики государственных служащих). — Алматы: Юрист, 2008. — 12 с.
8. Об утверждении Плана мероприятий по формированию и укреплению позитивного имиджа государственной службы на 2008—2010 гг. Постановление Правительства РК №830 // <http://www.kyzmet.kz>.

Центризм как политическое выражение среднего класса

МАТАЕВ Г.М.

Термин «центризм» (от лат. *centrum* — средоточие, центр) широко используется в качестве аналитического приема исследования политики, а описание политических отношений через призму категории «центр» практикуется многими политиками. Центризм как политический феномен и политическое течение во всех его понятийных модификациях («центр», «партии центра», «идеология центризма» и т.д.), начиная с 40-х гг. XIX столетия, занял прочное место в политико-категориальном аппарате политического анализа, в основном отображая способы и техники примирения политических соперников.

Существуют разнообразные оценки и толкования данного политического феномена. В «Политической энциклопедии» дано следующее определение центризма: «Центризм — это политическая позиция (платформа) по отношению к существующей власти, не приемлющая радикальных решений и действий, умеренность, склонность к компромиссам в политике» [1]. В этом определении акцент сделан на «умеренность», «компромисс», при том что речь идет о линии поведения политических акторов, отвергающих радикализм.

Начиная со второй половины XX в., после более чем полуторавекового развития, центризм из процедуры агрегирования интересов и техники соглашения стал самостоятельным политическим движением, сориентированным на согласие и эволюцию как принципиальную норму предлагаемого общественного курса. В высокоразвитых индустриальных странах политика центризма, по сути, стала основной предпосылкой и одновременно выражением достаточно высокой интегрированности государств и обществ.

Важной проблемой, которую рассматривают исследователи политического центризма, является определение его социальной базы. Решение этого вопроса представляется тем более важным, что оно непосредственно связано с выявлением перспектив осуществления центристской политики в Казахстане.

В социогуманитарной литературе, посвященной политическому центризму, можно выделить различные подходы к определению социальной опоры центристских сил.

Наиболее популярной в научных кругах является точка зрения о том, что в современном рыночном обществе естественной социальной базой центристских политических сил является большая часть среднего класса, заинтересованная в динамичном развитии. Представители этого направления указывают на неслучайную связь между центризмом и наличием мощного среднего класса.

Но есть и другие точки зрения. Например, российский исследователь А.С. Автономов, признавая средний класс за основу центризма, отмечает,

«наличие в обществе среднего класса не гарантирует обязательность центристской политики» [2].

Возникает вопрос: «Каковы шансы центризма там, где средний класс еще не сложился?».

Здесь заслуживает внимания подход к определению социальной базы центризма, основанный на восприятии данного феномена как некоторого типа политической культуры. Соответственно, его укрепление в первую очередь связывают с распространением определенных настроений или типов поведения, а не с социально-экономическими показателями.

Представители этого направления говорят о культурно-этических характеристиках, которые, по их мнению, являются ключевыми для успеха центристской политики в постсоветских странах. Так, В.М. Межуев (Россия) предлагает вообще отказаться от попыток отождествления социальной базы центризма с какой-то одной социальной группой, тем более в обществе с неустоявшейся социальной структурой. По его мнению, социальная база центризма не имеет жестко очерченных границ: она колеблется в зависимости от того, в какой степени реформаторские установки, в противовес консервативно-охранительным или революционно-радикальным, становятся преобладающими в умонастроениях людей [3]. С распространением умеренных политических взглядов среди большинства членов каждой социальной общности связывают успех центризма и некоторые другие исследователи.

Представленная точка зрения вполне может рассматриваться как методологический инструмент для выявления социальной базы центризма в трансформирующихся странах, где средний класс еще не сложился.

И все же перспективной задачей для этих стран является формирование полноценного среднего класса. В этом случае сам процесс формирования среднего класса может рассматриваться в качестве одной из технологий расширения и укрепления социальной поддержки центризма.

Действительно, государственная власть заинтересована в создании такого политического курса, который сплотит вокруг нее наибольшее количество социальных сил. В президентских республиках, которые проходят период существенной трансформации и для которых характерны черты поляризованного или центристского плюрализма, президентская власть может выполнять роль того самого центра, который является основной осью политической системы. Правящая сила имеет тенденцию смещаться в сторону центра, прежде всего, в обществах с сильным средним классом, где соревнование носит центристский характер. Подобное предположение особенно важно для изучения отечественного политического центризма.

Основу среднего класса составляют две категории населения: самостоятельная часть населения — это собственники и предприниматели и категория людей наемного труда — высший управленческий персонал; представители интеллектуальных профессий, кадры среднего звена: образование, здравоохранение, госслужащие, работники социальных служб, техники, мастера и т.д. В современной структуре среднего класса традиционная самостоятельная компонента (собственники и предприниматели) малосущественна и не определяет его облик и роль в обществе. Ориентация только на них оставляет за порогом достаточно многочисленные и экономически активные группы наемного населения. Поэто-

му сегодня в западных странах налицо тенденция к сокращению удельного веса традиционной компоненты среднего класса и, наоборот, к расширению новых наемных категорий.

В Казахстане предпочтение отдается ускоренному формированию самостоятельных категорий в лице собственников и предпринимателей, т.е. ставка делается на чрезвычайно ограниченный и незначительный слой населения. В то же время недостаточно создаются условия для становления наемных категорий среднего класса. Уровень благосостояния значительной части квалифицированных специалистов, составляющих категорию людей наемного труда, в Казахстане за последние годы снизился. На рынке труда остро востребованы специальности, не требующие высокого образования. Отсюда практической политике это привело к снижению качества образования, науки, культуры, инженерно-технического персонала, к непривлекательности многих жизненно важных для цивилизованного общества профессий, к падению в целом престижа наемного труда [4].

Вопрос о том, кто может составить основу среднего класса в Казахстане является до сих пор дискуссионным. Так, например, является ли нефизический характер труда, а также субъективная идентификация со средним классом характеристиками вхождения в средний класс. В целом эти признаки вариabельны, но их набор имеет классический характер, пожалуй, для развитых стран.

По мнению С. Жусупова, к представителям среднего класса в Казахстане можно с некоторой натяжкой отнести представителей среднего бизнеса и небольшой части малого бизнеса, чиновников высокого уровня, по критерию доходов — работников иностранных и казахстанских компаний, особенно банковского сектора и экспортоориентированных отраслей экономики. Как считает социолог «средний класс немислим без вхождения в него большей части образованных людей, интеллигенции. И пока в него не войдут в основной своей массе представители сфер образования и здравоохранения — настоящего среднего класса в Казахстане не будет» [5].

Другой исследователь, К.Б. Берентаев, полагает, что основу среднего класса в Казахстане могут составить квалифицированные специалисты и рабочие крупных предприятий, а также работники бюджетной сферы. Рассматривая точку зрения о том, что представители малого и среднего бизнеса могли бы составить ядро среднего класса страны, он приводит в пример США, где 65—70% юридически зарегистрированных предприятий принадлежит малому бизнесу, но доля налогов, которые они выплачивают, составляет от 0,2 до 0,5% от общей суммы налоговых поступлений. Одновременно крупные предприятия составляют лишь 6—15%, но они выплачивают около 65% всех налогов, поступающих в бюджет страны. Поэтому роль малого бизнеса в экономике заключается только в том, чтобы обеспечить занятость населения. Политика поддержки малого бизнеса преследует главную цель — поддержание психологического комфорта населения. К тому же, подчеркивает ученый, «малый бизнес развивается только при условии платежеспособности населения. Так что наша ставка на развитие малого бизнеса в деле формирования среднего класса не оправдана» [6].

Выявленный разброс мнений лишь подтверждает предположение о том, что понятие «средний класс» является собирательным: к нему причисляются люди, имеющие самые разные профессии, уровни образования, возраст, происхождение

и т.п., то есть средний класс объединяет людей, обладающих достаточно разнообразными социальными статусами. Этот разноуровневый набор социальных статусов объединяется в одно целое уровнем доходов. На наш взгляд, именно поэтому уровень доходов является определяющим и конституирующим социальную группу, носящую название «средний класс». В развитых странах с достаточно высоким уровнем доходов на душу населения к среднему классу принадлежит значительная часть населения этих стран, следовательно, и в процентном соотношении доля среднего класса в таких странах высока [7].

С другой стороны, формирование характерных для среднего класса многих стран «профессиональных автономий», основанных на цепочке «образование — профессия — доход», можно назвать проблематичным. В условиях активного экономического роста наблюдается замена традиционных норм и связей, население отличается социально-статусной подвижностью, не стабильна социальная стратификация. Данные характеристики способны радикально трансформировать сложившиеся устойчивые связи и групповую солидарность, существенно увеличить разрыв между ростом материальной обеспеченности и социально-культурной социализации.

Таким образом, следует отметить, что устойчивость, надежность социального статуса и материального благополучия — важнейшая социологическая черта среднего класса, обеспечение которой неразрывно связано с политической стабильностью в стране. Политическая стабильность, в свою очередь, является главным свойством политической системы, означающей сохранение целостности, качественных характеристик и способности к эффективному функционированию.

Стабильность и устойчивость обеспечивает центристская политика. Ведь центризм рассматривается в качестве возможного и специфического способа стабилизации общественных порядков. Мировая практика показала, что именно центризм при условии наличия множества различных политических сил реализовал идею политической стабилизации в наиболее щадящем и сохраняющем в политическом пространстве вес противоборствующих сил варианте. Центризм выступал в качестве барьера различным этногегемонистским, расовым, классовым и иным идеям, внедрявшим в сознание образ врага, психологию враждебности, объяснявшим привилегии тех или иных слоев, обожествлявшим диктат и т.д.

Потребность в формировании настоящего политического центризма в Казахстане очень велика. Вместе с тем нельзя забывать о том, что политический плюрализм (левые, правые, радикалы, консерваторы, центристы и т.д.) — это зеркальное отражение множественности существующих в социальном мире интересов. Все партии и движения, включая, разумеется, центристские, выражают социально-экономические, ценностные и прочие позиции соответствующих групп, стремятся к усилению их общественного влияния, причем нередко за счет других, поддерживая те политические решения и ориентиры прогресса, которые в первую очередь отвечают требованиям их социальных контрагентов. Кстати, не исключено, что иногда такие требования могут совпадать с общенациональными интересами и пониманием всеобщего блага в данном обществе. К тому же в принципе стремится центризм, исполняя свою функцию политического балансира.

В социально-экономическую программу центризма, ориентированного на перспективные интересы казахстанского среднего класса, могли бы войти следующие предложения:

- о конкретных мерах по развитию научно-информационной и инновационно-внедренческой сферы (в частности, использование с учетом казахстанских реалий опыта в этих областях США, Японии, западноевропейских и новых индустриальных стран);
- о способах повышения уровня среднего и высшего образования, в том числе не требующих больших финансовых вложений;
- о путях реального повышения социального статуса инженерно-технических работников;
- об участии представителей трудовых коллективов в управлении на предприятиях;
- о развитии широкомасштабной системы переквалификации с учетом нужд модернизации предприятий и структурной перестройки хозяйства;
- о радикальной реформе системы здравоохранения.

Это лишь некоторые соображения, касающиеся материальных основ развития наемного среднего класса. Упрочение позиций его самостоятельных групп (товарцев, мелких и средних предпринимателей) требует, прежде всего, создания правовых гарантий их деятельности. Предстоящее утверждение на законодательном уровне нового Налогового кодекса — это один из важнейших шагов в данном направлении.

Разумеется, само становление подлинного центризма и выработка им своих требований в социально-экономической и политической областях невозможно без сильного давления снизу, без непосредственного участия общественных сил, к числу которых принадлежит нарождающийся средний класс.

В целом можно сказать, что возникновение сильного политического центризма в Казахстане зависит от возникновения сильного среднего класса, а то, и другое казахстанскому обществу еще предстоит создать. Этому должны способствовать процесс его модернизации, укрепляющий позиции среднего класса и устраняющий политическую поляризацию. Анализируя зарубежный опыт, можно увидеть, что во многих, прежде всего развитых демократических странах, преобладание центристски ориентированных партий и сил уже существенно давно является важнейшим условием поддержания стабильности политических порядков и в этом смысле залогом социального преуспеваия и развития данных государств и обществ. При исследовании современных развитых демократий, где превалируют настроения реформизма, центризм воспринимается в качестве наиболее приемлемого метода разрешения коренных проблем. При этом важно, чтобы центристские образования в политическом спектре не стали псевдоцентристскими конструкциями, выражающими лишь свои собственные интересы, а не интересы определенных социальных слоев.

Итак, можно ли рассчитывать, что в недалеком будущем формирующийся в Казахстане средний класс окажется способен выйти на социальную сцену страны, чтобы с его позицией считались другие различные политические и экономические группы?

Во многом это зависит от того, как в ближайшее время будут осуществляться реформы — приведут ли они к дальнейшей политической поляризации и социальному взрыву или окажутся приемлемыми для большинства населения.

В первом случае процесс формирования среднего класса скорее всего окажется сорван или отложен на неопределенное время из-за очередной «социальной революции», безразлично — сверху или снизу.

Во втором — уже довольно скоро казахстанский средний класс сможет заявить о себе и своем политическом мнении, не совпадающем полностью ни с одной из существующих сейчас позиций политического спектра.

Последний вариант прямо зависит от новой общественной и политической активности городских средних слоев, служивших до недавней поры главной опорой продвижения реформ, а сейчас впавших в апатию.

Тогда утвердится и подлинный центризм, столь необходимый для цивилизованного развития Казахстана, а средний класс исполнит функцию стабилизирующего и интегрирующего начала в обществе, предотвратив поворот к контрреформам. Как бы то ни было, если Казахстан хочет быть государством с эффективной рыночной экономикой и развитой культурой, ему не обойтись без влиятельного среднего класса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 2 / Нац. обществ.-науч. фонд. Рук. проекта Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2000. — С. 593.
2. Автономов А.С. Средний класс и центризм // Полития. — 2000. — №1(15). — С. 110—116.
3. Мехуев В.М. Политический центризм в системе существующих партий // Вестник ФРПЦ, 1999. — №6. — С. 25.
4. Казкенов К.М., Скворцов В.В., Жексембекова В.А., Таукелова Н.Б. Гражданское общество: история и современность. — Алматы: Данекер, 2004. — С. 343.
5. Жусупов С.Е. Люди «золотой середины» // Информационно-аналитический портал PostBack-USSR. — 2007, 25 января.
6. Шериева Д. Первый раз в средний класс, или кому в Казахстане будет жить хорошо // Литер. — 2004, 10 июня.
7. Матаев Г.М. Экономический и социальный контекст становления среднего класса в Казахстане // Казахстан-Спектр. — 2001. — №2. — С. 74.

Продовольственная безопасность как важнейшая задача государственной политики Казахстана

АЛДАШОВ Б.А.

Продовольственное обеспечение является одной из важнейших государственных задач, затрагивающей различные аспекты не только функционирования экономики Казахстана и регионов, но и жизнедеятельности каждого казахстанца в отдельности.

Именно об этом шла речь в Послании Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева в феврале 2008 г., в котором, в частности, отмечалось, что: «Современный этап развития ставит в повестку дня ряд новых важнейших задач перед агропромышленным комплексом страны. За прошедшие пять лет Казахстан достиг заметных результатов в развитии аграрного сектора. Валовая продукция сельского хозяйства выросла с 2002 г. почти в 2 раза... Принятые меры способствовали пяти четырехкратному росту общего товарооборота в сельском хозяйстве, который превысил отметку в 4 млрд долларов США».

Но при этом, по мнению Президента, не потерял актуальности вопрос обеспечения продовольственной безопасности, который был выделен особо. Для продовольственной безопасности необходимо:

- 1) увеличить привлечение инвестиций в сельское хозяйство и пищевую промышленность;
- 2) уделить внимание стимулированию производства важнейших продуктов питания, по которым не удовлетворяются потребности страны. К примеру, растительное масло, фрукты, сахар, овощи и др.

То есть определены две основные проблемы, решение которых будет способствовать обеспечению продовольственной безопасности страны. На самом деле обеспечение продовольственной безопасности — задача более сложная, глубокая и февральские тезисы требуют осмысления как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Следует отметить, что политика продовольственного обеспечения представляется двумя основными научными подходами. Авторы первого полагают, что основным способом обеспечения продуктами питания населения является импорт в сочетании с помощью более развитых стран. Авторы другого подхода убеждены, необходимо ориентироваться на развитие собственного сельскохозяйственного производства. Казахстан выбрал второй подход, хотя его реализация в настоящее время вызывает определенные трудности, в связи с недостаточно высоким уро-

нем производства сельскохозяйственной продукции, недостатками в аграрной политике государства.

Анализ данных Агентства государственной статистики Республики Казахстан показывает, что, несмотря на рост количества сельскохозяйственных предприятий (рис. 1) и особенно крестьянских (фермерских) хозяйств (рис. 2), доля сельского хозяйства в объеме ВВП Казахстана за последние пять лет снизилась на 3,2%, общая доля сельского хозяйства в общем объеме ВВП снизилась с 8,7 до 5,5%.

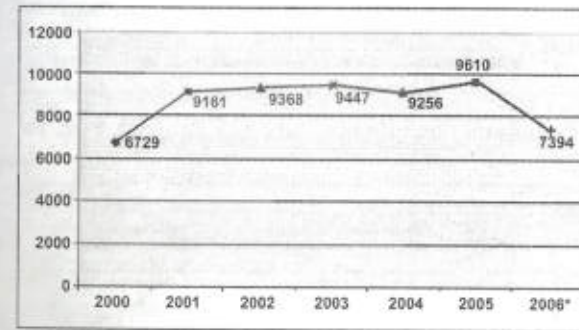

Рис. 1. Динамика численности сельскохозяйственных предприятий, ед.

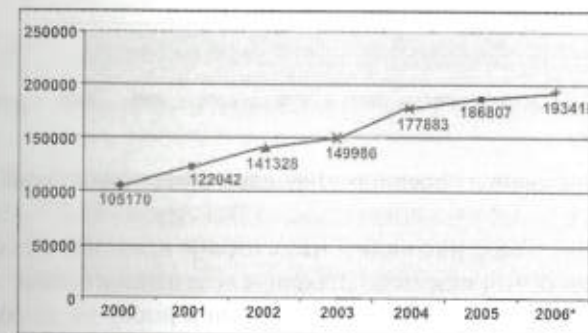

Рис. 2. Динамика численности крестьянских (фермерских) хозяйств, ед.

Уязвимая продовольственная позиция: снижение посевных площадей под такие культуры, как картофель, овощи и сахарная свекла (рис. 3, рис. 4, рис. 5.)

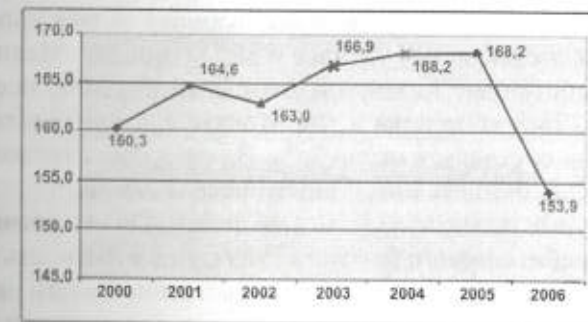

Рис. 3. Динамика снижения посевных площадей картофеля, тыс. га

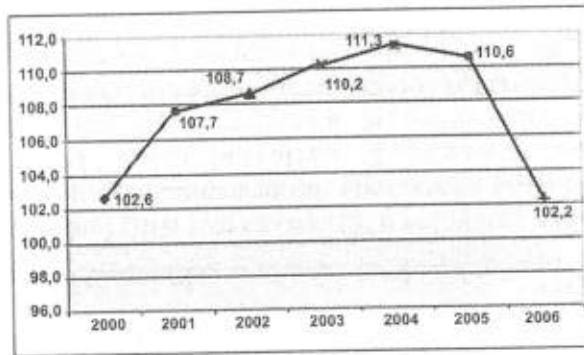

Рис. 4. Динамика снижения посевных площадей овощей, тыс. га

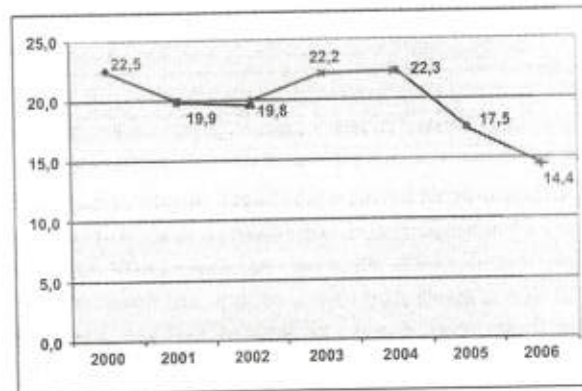

Рис. 5. Динамика снижения посевных площадей сахарной свеклы, тыс. га

На диаграмме (рис. 6) хорошо видно, что в стране в последние годы уверенными темпами росло лишь поголовье птицы, овец и коз, относительно прочих позиций можно сказать, что они стабильны, но тенденции к росту не демонстрируют.

По данным экспертов, Казахстан уже не может прокормить себя самостоятельно. По большинству продуктов питания продовольственной корзины импорт составляет от 40 до 60%, а по отдельным пунктам зашкаливает до 100%. Лишь по таким позициям, как хлеб и хлебобулочные изделия, страна обеспечивает себя и соседние страны. Сейчас в Казахстане, по официальным данным, на душу населения производится 65,8 кг мяса в живом весе и 267,6 кг молока в год. В сравнении: в России физиологически обоснованная годовая норма потребления на одного человека составляет 81 кг мяса и 392 кг молока. Медицинские нормы потребления, разработанные Казахской академией питания, несколько «мягче» — 42,3 кг мяса и 228,5 кг молока в год. Показатель продовольственной зависимости Казахстана составляет около 25%. За счет собственного производства обеспечиваются лишь базовые потребности населения [1].

Интересные данные приведены К. Берентаевым. По его расчетам, стоимость минимального потребительского бюджета 1989 г. еще в бытность СССР составляла 138,2 руб. на человека. Стоимость продовольственной части равнялась 51 рублю или составляла около 37% МПБ. При этом состав продуктовой корзины 1989 г. был намного шире казахстанской корзины, а нормативы потребления продук-

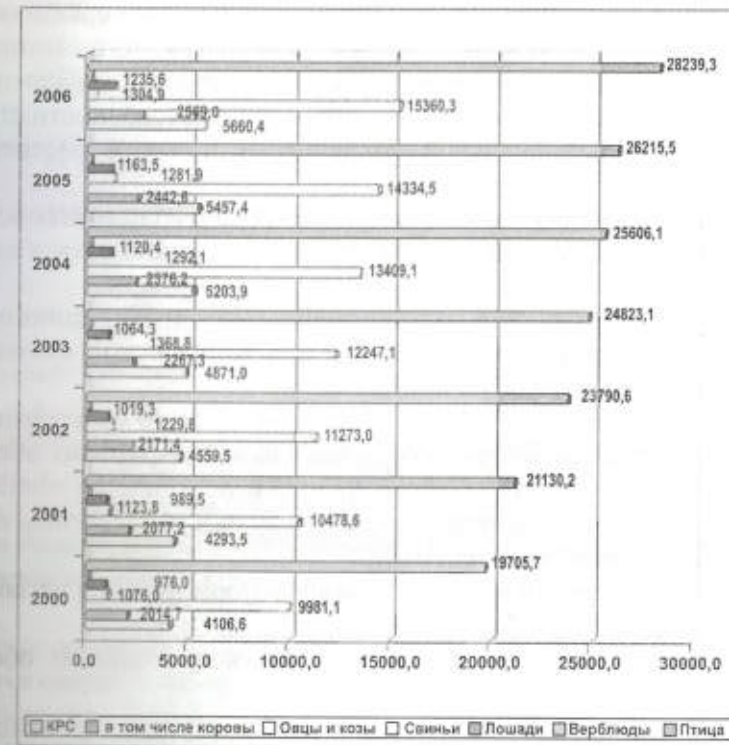

Рис. 6. Динамика численности поголовья скота и птицы, тыс. голов

питания выше. Так, нормативы потребления казахстанской корзины составляют по мясу — около 77,5% норм 1989 г., по молоку — 50%, по сахару — 75%, по картофелю — 65%. Это же относится и к другим продуктам питания, например, по капусте — 41,8%, по огурцам — 33%, сметане — 76%, творогу — 42,5%, яйцам — 80% [2].

Доля населения, имеющего доходы (использованные на потребление) ниже величины прожиточного минимума, по-прежнему остается в республике высокой — 18,2% (рис. 7).

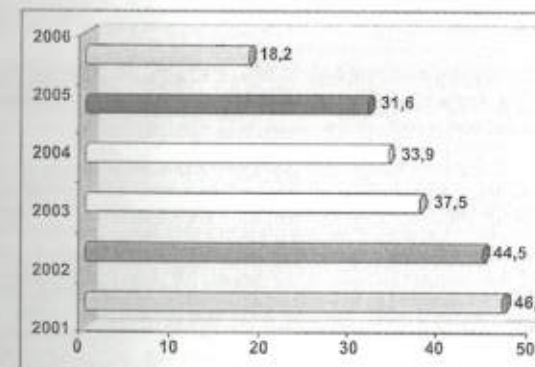

Рис. 7. Доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума, %

Главный вывод из вышесказанного заключается в том, что серьезная опора на импорт продовольствия, а также проблемы развития аграрного сектора делают Казахстан уязвимым в плане экономической и политической независимости. В этих условиях решение проблемы продовольственной безопасности становится важной составляющей национальной безопасности страны и, соответственно, приоритетной государственной задачей.

Полагаем, что в современных условиях формирование системы обеспечения продовольственной безопасности государства должно основываться на следующих принципах:

- решающая роль государства в регулировании продовольственного сектора;
- мониторинг воздействия глобальной мировой экономики на отечественный аграрный сектор и баланс спроса и предложения;
- регулярная оценка эффективности продовольственного обеспечения, основанная на степени развития аграрного сектора экономики, уровня обеспечения продуктами питания за счет собственного производства, общего уровня удовлетворения населения в продовольствии, степени доступности населению продуктов питания, особенно бедной части жителей;
- установление физиологически обоснованных норм питания населения различных возрастных групп;
- стимулирование развития отечественного сельского хозяйства, обеспечивающего устойчивый его рост;
- внесение коррективов в социальную политику государства через систему разработки нормативных актов, направленных на существенное повышение уровня доходов населения и уровня питания различных групп населения с низкими доходами, ликвидация бедности;
- создание в регионах достаточных объемов страховых запасов продуктов питания;
- оптимизация импорта продовольствия с учетом интересов жителей регионов через экономически обоснованные рычаги;
- формирование структуры продовольствия с учетом региональных особенностей и традиций населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урманов А. Хагатай и не пущать // Бизнес & Власть. — 2008, 28 марта. — №156.
2. Беренглаев К. Может ли Казахстан выйти на траекторию устойчивого развития? // Метан — 2008, 18 февраля. — №6 (371).

Финансовый кризис: истоки и уроки

ШАМШИЕВ Ч.Б.

Глобальный скачок цен на сырье и продовольствие обусловлен причинами, которые складывались в течение долгих лет. Поэтому обозначение его словом «шок» может ввести в заблуждение. Шок ассоциируется с чем-то случайным и одноразовым, тогда как мировая инфляция является закономерным следствием глубоких структурных сдвигов в мировой финансовой системе, которые будут еще долго давать о себе знать. Именно об этих сдвигах и их последствиях на примере прошлогоднего кризиса ипотечного кредитования пойдет речь ниже.

В качестве основных причин резкого повышения мировых цен на продовольствие указывается сокращение предложения сельхозпродукции во многих странах мира и увеличение спроса на нее в связи с ростом производства биотоплива и доходов в развивающихся странах (Китай, Индия и др.)¹. Также указывают на многократное удорожание нефти с 2003 г., которое, в свою очередь, объясняется преимущественно ростом мирового потребления и нестабильностью на Ближнем Востоке. Безусловно, все эти факторы играют важную роль, но они не являются ключевыми. Чтобы росли цены, должны произойти изменения в денежной сфере, тем более если они увеличиваются в таких пропорциях и с такой скоростью. Следует отметить, что финансовая составляющая продовольственного кризиса большинством политиков индустриально развитых государств либо отводится на второй план, либо не упоминается вообще. Одним из редких исключений является Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, который в своем майском выступлении на форуме ВЭФ по Ближнему Востоку в Шарм-эль-Шейхе справедливо заметил, что «в качестве причин этих катаклизмов называют изменения климата или производство биоэтанола. Но основная причина, на мой взгляд, это мощная спекуляция» [1].

¹ В недавно опубликованном Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) совместно с ФАО обзоре мировых цен на продовольствие основным фактором глобального роста цен названо увеличение производства биотоплива (см. OECD-FAO Agricultural Outlook 2008—2017). Отметим, что, согласно прогнозам, приведенным в обзоре, вероятность возращения цен на прежний (до скачка) уровень очень низкая, тогда как вероятность продолжения роста цен высокая. По мнению авторов обзора, распределение вероятностей зависит от того, будут или нет США, Канада и страны ЕС продолжать политику стимулирования производства биотоплива. Очевидно, что в ближайшие годы сокращения стимулирования не будет, поскольку к политическому решению о необходимости поддерживать биотопливную индустрию указанные страны шли долгие годы, были осуществлены большие инвестиции частным и государственным секторами. В одностороннем порядке обратный ход политики принять не смогут, поскольку при их активном содействии на биотопливе сфокусировались большие политические и экономические интересы. Для нового изменения курса потребуются длительное время, что означает, если исходить из логики авторов обзора, продолжение роста цен на продовольствие. Отметим, что далеко не все согласны с точкой зрения ОЭСР-ФАО. Власти США стараются принизить значение биотопливно-фактора продовольственной инфляции, но газета Guardian утверждает, что существует отчет внутреннего пользования Всемирного банка, объясняющий 75% роста продовольственных цен увеличением производства биотоплива (см. Chakraborty, A. Secret report: biofuel caused food crisis // The Guardian, — 2008, 1e 4 juillet). Директор Международного исследовательского института по продовольственной политике (IFPRI) Исаак фон Браун считает, что основным фактором взлета цен на продовольствие является рост цен на энергоносители, и прежде всего на нефть, хотя он не отрицает и воздействие падения мирового урожая и финансовых спекуляций (см. Braun, J. von. Que faire face à la flambée des prix alimentaires? — Politiques alimentaires en perspectives. — Avril 2008).

С конца 1980-х гг. начала меняться стратегия денежно-кредитной политики, проводимой Федеральной резервной системой США. Хотя в официальных документах это изменение не закреплялось, ученые, аналитики и журналисты его заметили. До этого времени ФРС управляла инфляцией посредством контроля над ростом денежных агрегатов. Такая политика называется «монетарное ориентирование». Однако в 1980-х гг. агрегаты начали выходить из-под контроля органов денежного регулирования, поскольку экономические субъекты нуждались в большем количестве денег для ведения бизнеса, и прежде всего для финансовых спекуляций. Ослабление регулирования финансовых рынков, открывшее просторы для финансовых сделок, сыграло в этом немалую роль. К примеру, доля прибылей финансового сектора в общей массе прибылей частного сектора в США возросла с 10% в середине 1980-х гг. прошлого столетия до 40% в 2007 г. При этом доля занятости в финансовом секторе в общей занятости частного сектора составляет лишь 5% [2]. Подобное усиление финансового сектора и потеря контроля над денежными агрегатами происходили во многих развитых странах, где контрольные механизмы Центробанков оказались не в силах противостоять инновациям в сфере финансов. Как заметил еще в далеком 1982 г. глава Центробанка Канады Джералд Буи: «Мы отказались от агрегатов, а агрегаты отказались от нас» [3].

В таких условиях более адекватной является стратегия инфляционного ориентирования, которую нередко называют неовикселианским режимом денежно-кредитной политики (по имени шведского экономиста К. Викселя)**. Ее суть — в полном или частичном отказе от денежных агрегатов в качестве промежуточной цели денежно-кредитной политики, то есть в управлении инфляцией при допустимом терпимом отношении к изменению денежных агрегатов. Если фактический темп инфляции находится в целевом диапазоне центрального банка, то рост денежной массы не должен вызывать тревогу, поскольку в таком случае он отвечает потребностям экономических субъектов в средствах платежа.

В течение 1990-х гг. эта политика набирала обороты. Одним из ее последствий было спекулятивное вздутие цен на акции компаний сектора информационных технологий. Это завершилось обвалом цен на акции и биржевым кризисом 2000 г., что отразилось на показателях экономического роста США и их партнеров. Однако успешная политика ФРС по смягчению последствий кризиса позволила продолжить политику инфляционного ориентирования. Денежная масса, как и прежде, расширялась, не вызывая сверхцелевого роста индекса потребительских цен в США. По мнению крупнейшего экономиста Акселя Лейонхувуда, это объясняется тем, что большая часть потребительских товаров завозится из-за границы, особенно из Китая и стран Юго-Восточной Азии [4]. В целях сохранения темпов роста объемов экспорта, центральные банки этих стран придерживались политики дешевой национальной валюты по отношению к доллару. Для этого они скупали поступающие на их валютные рынки доллары и таким способом наращивали свои валютные резервы. Это обеспечивало стабильность цен на ввозимые и реализуемые в США потребительские товары. Тем не менее валютные резер-

центральных банков не являются «слепой кишкой»: поступающие в них доллары вкладывались в финансовые инструменты, прежде всего на рынке США, что увеличивало спрос на американские ценные бумаги, а значит, и стимулировало их предложение.

Особенность финансовых инструментов в том, что рост их предложения в условиях слабо растущего реального сектора экономики сопровождается усложнением их форм, то есть изобретением все более изощренных видов ценных бумаг производного характера. Одним из таких производных финансовых инструментов являются долговые обязательства, выпускаемые на основе долгосрочных кредитов под приобретение жилья. Такие производные обязательства, обеспеченные ипотечными кредитами, в свою очередь, служат основой для производных ценных бумаг второго порядка и т.д. В условиях низких процентных ставок на денежном рынке и, как следствие, избытка ликвидности, банки были заинтересованы в поиске новых путей расширения ипотечного кредитного портфеля. Посредством специально созданных кредитных операторов, не подпадающих под систему банковского надзора, банки стали беспрепятственно наращивать кредиты мало-доходным заемщикам. Такие кредиты с повышенным риском получили название «сабпрайм» (сумма кредита должна превышать 55% от современной стоимости доходов заемщика или 85% от стоимости приобретаемого жилья). По сабпрайм-кредитам ставки (а значит, и величина погасительных взносов) были плавающие с привязкой к базовой процентной ставке ФРС*.

Увеличение выдаваемых кредитов вызвало ценовой бум на жилье, который начался в 2001 г., всего год спустя после сокрушительного обвала цен на акции компаний информационных технологий**. Довольно быстро рост цен на недвижимость стал восприниматься как норма, на основе которой принимались решения банками и их заемщиками. Это стимулировало еще большую кредитную экспансию. Механизм таков: если в будущем цены на приобретаемое в кредит жилье будут расти, при его продаже заемщик сможет либо погасить кредит и получить прибыль, либо погасить кредит, несмотря на снижение доходов от трудовой деятельности. Это толкало людей к получению ипотечных займов. Более того, удорожание недвижимости облегчило доступ заемщиков к потребительским кредитам, вследствие чего они получали возможность сохранять и даже увеличивать уровень текущего потребления, несмотря на выплаты по погашению займа. Это способствовало тому, что в 2006 г. задолженность американских семей возросла до 160% от ВВП [5]. Ипотечные кредиты стимулировали потребительские и наоборот. Кредитная экспансия вступила в фазу самостимулирования.

Ипотечные банки были в этом сильно заинтересованы. Во-первых, чем больше выдается кредитов, тем больше у банков прибыли. Рост рисков, неизбежный при быстром расширении кредитного портфеля, банки не беспокоил, поскольку они перепродавали часть выданных займов специально созданным ими структурам, так называемым «инвестиционным проводникам». Благодаря этому, банки вывели часть кредитов за пределы своих балансов. Инвестиционные проводники

* Ученые заговорили об этом еще с середины 1980-х гг. Что касается аналитики и прессы, то одной из первых статей констатирующих это изменение, является «Dr. Wicksell, we presume», опубликованная в журнале *The Economist* 4 апреля 1990 г.

** На сегодня самое полное изложение теоретических принципов неовикселианской денежной политики содержится в работе Woodford, M. *Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy*. Princeton University Press, 2003. За эту работу автор был удостоен престижной премии Deutsche Bank как автор одной из самых влиятельных работ в области денежной политики, которая активно используется экономистами центральных банков во многих странах мира.

Доступное и обобщенное описание того, как зарождался и протекал кризис, содержится в *Dodd, R. Subprime: topographie d'une crise // Finances et Développement*. — Décembre 2007.

Существует мнение, что повторение финансовых кризисов связано с высокой текучестью состава финансовых трейдеров. Например, между обвалами 2001 и 2007 гг. произошла достаточно большая смена поколений трейдеров, чтобы новички в своем большинстве не имели психологического предохранителя против финансового ажиотажа, которым обычно обладают трейдеры, познавшие это явление на собственном опыте.

выпускали на основе купленных кредитов облигации, которые продавали другим банкам и инвесторам (спекулятивным, инвестиционным и пенсионным фондам). Ипотечные банки, которые непосредственно работали с заемщиками, знали о подлинном уровне кредитных рисков. Смешивая займы с высоким и низким риском в единые «пакеты» и продавая их на финансовом рынке, они перекладывали риски на держателей пакетов, при этом последние были не в состоянии их самостоятельно оценить. Во-вторых, кредитные агентства, занимавшиеся текучкой по выдаче кредитов, получали с каждой выданной ссуды комиссионные, что толкало их выдавать как можно больше кредитов.

Банки и заемщики действовали рационально, согласно законам свободного рынка: они беспрепятственно максимизировали свои доходы. Также поступали рейтинговые агентства, специализирующиеся на оценке рисков финансовых инструментов. На финансовом рынке сложилась ситуация, при которой рациональной стратегией для агентств была общая переоценка качества ипотечных ценных бумаг (без изменения относительных оценок). Во-первых, агентства предоставляли банкам консалтинговые услуги по составлению ипотечных пакетов, о которых шла речь выше. Это делалось для того, чтобы пакеты могли получить максимальную оценку. Поскольку за консультации банки платили деньги, выходило, что агентства получали оплату от тех, чьи ценные бумаги они оценивали. Оформился конфликт интересов: так как для увеличения доходов за предоставление консультаций агентства были заинтересованы в завышении рейтинга ипотечных ценных бумаг. Последним присваивались наивысшие оценки, которые обычно получают облигации правительства США, Франции или Германии, несмотря на то, что в их основе лежали кредиты малообеспеченных слоев населения. Во-вторых, агентства не боялись потерять доверие в глазах участников рынка в случае, если обнаружится переоценка, поскольку они действовали в контексте всеобщего бума. Другими словами, агентства знали, что, если произойдет обвал цен на оцениваемые долговые инструменты, они все равно смогут сохранить репутацию, сославшись на то, что выносимые ими оценки опирались на прогнозные параметры, превалировавшие до кризиса среди большинства участников финансового рынка. В-третьих, имели место коррупционные сделки оценочными структурами, как это было несколько лет назад в случае махинаций отчетностью «Энрон» и других компаний.

Неэффективность регулятивной системы и преследование частных интересов привели к постепенному разложению кредитных стандартов качества. Кредиты выдавались людям, которые никогда бы не смогли их погасить и рассчитывали лишь на перепродажу жилья с прибылью. Дошло до того, что в некоторых структурах агенты предлагали заемщикам подписывать пустые формуляры и затем самостоятельно вписывали необходимые для получения кредита данные о доходах.

В условиях, когда кредиты раздаются вслепую, определенная часть заемщиков обязательно окажется не в состоянии их погашать. С 2006 г. начался спад цен на жилье. ФРС повысила с 2004 по 2006 г. базовую ставку процента с 1% до 5,25%, в результате выросли выплаты по погашению кредитов. Это привело к резкому увеличению банкротств заемщиков. Банки стали увеличивать продажу изъятого жилья, однако это вело к еще большему спаду цен, сокращению кредитов и банкротству заемщиков.

Все это могло ограничиться потерями ряда ипотечных банков, если бы не старые финансовые схемы, которые они соорудили. Потери начали нести держатели ипотечных облигаций. Слухи о низком качестве ипотечных ценных бумаг начались

пространяться среди участников финансового рынка. Это привело к падению спроса на них и к росту предложения, так как держатели ипотечных облигаций старались от них избавиться. Начался обвал цен на ипотечные облигации, который быстро распространился на финансовый рынок в целом. Падение цен затронуло другие активы, которые также ложились бременем на балансы участников финансового рынка. У последних начались серьезные проблемы с ликвидностью. Хотя банки стремились избавляться от рисков путем выпуска ипотечных облигаций, на самом деле они их косвенно сохраняли, участвуя в капитале и кредитуя инвестиционные фонды, на которых они пытались перекладывать риски. Сложился кризис доверия, создавший угрозу для ликвидности всей мировой финансовой системы.

Финансовый кризис подтолкнул центральные банки стран — экспортеров продукции в США ограничить покупку долларов на своих валютных рынках, что привело к укреплению их национальных валют. Доллар обесценился относительно большинства валют мира. Часть капиталов, покинувших финансовый рынок, переметнулась на товарно-сырьевые биржи, где ведутся сделки с контрактами на будущую поставку (фьючерсами) нефти, пшеницы, риса и т.п. По словам Дэвида Кинга, генерального секретаря Международной ассоциации сельскохозяйственных производителей, в 2007—2008 гг. ежедневные сделки с пшеницей на чикагской фьючерсной бирже составили около 80-ти годовых урожаев пшеницы США, тогда как в прежние годы объем таких сделок не превышал 20-ти годовых урожаев, то есть имело место четырехкратное увеличение инвестиций [6]*. С товарными фьючерсами спекуляции осуществляются по такому же принципу, что и с финансовыми ценными бумагами: скупаются по текущей цене для перепродажи по более высокой или продаются по текущей цене для последующего выкупа по более низкой. Приток капитала вызвал рост цен на фьючерсы, что рикошетом привело к росту текущих цен на товары (после кратковременного спада цен на нефть и ряд других товаров). Передаточный механизм простой. Допустим, что 1 августа 2007 г. право на приобретение 1 т пшеницы 1 октября этого же года стоило X долларов. После притока спекулятивного капитала цена этого фьючерса возрастает до Y, что означает рост цены 1 т пшеницы на 1 октября. Это толкает поставщиков пшеницы сократить ее продажу в августе и сентябре с целью воспользоваться более высокой ценой в октябре. Следовательно, для покупки пшеницы раньше этой даты необходимо предложить более высокую цену, что и вызвало резкий скачок цен 1 т пшеницы, поставляемой в августе или сентябре (спрос не понижался, поскольку речь идет о товарах с низкой эластичностью спроса по цене, а банки имели достаточно ресурсов для кредитования закупок)**.

* В этом же источнике со ссылкой на Citigroup указывается, что на конец марта 2008 г. портфель товарных фьючерсов различных инвесторов по всему миру составлял около \$400 млрд, что на 70 млрд больше по сравнению с началом 2008 г. и в два раза больше относительно 2005 г. Следует отметить, что увеличение притока спекулятивного капитала на товарные фьючерсные рынки наблюдается уже несколько лет. Кризис сабпраймов лишь придал процессу резкое ускорение.

** Среди сторонников финансового объяснения мирового скачка цен находятся такие крупные экономисты, как Аксель Лейокуфруд (университет с. Тренто) и Гильермо Калво (Колумбийский университет). В качестве основной критики подобного объяснения инфляции говорится, что при росте цен на товарно-сырьевые фьючерсы должны были возрасти товарные запасы, как это было в 1970-х гг. во время двух нефтяных кризисов (см. например, Krugman, P. The Oil Nonbubble. — The New York Times. — 2008, 12 May). Однако эта критика не имеет под собой прочной основы, поскольку ею не учитываются радикальные перемены, произошедшие в мировой денежной системе за последние 20—25 лет: рост фьючерсных цен смог перекинуться на текущие цены без увеличения запасов в силу того, что импортеры имели свободный доступ к кредитам и могли позволить себе закупки по более высоким ценам. В ходе последнего кризиса распределение во времени товарных потоков таким способом осталось неизменным. В 1970-х гг. кредитная эмиссия не была достаточно гибкой, чтобы не допустить увеличения товарных запасов и, как следствие, временного сокращения потребления вследствие роста текущих цен. Что касается влияния цен энергоносителей на продовольственные цены (производство, транспорт), то оно бесспорно. Однако это не отменяет влияния финансового фактора, поскольку финансовые спекуляции возросли на всех товарно-сырьевых фьючерсных рынках, включая энергосырьевые.

Рост цен на сырье и продовольствие спровоцировал новое обесценение доллара, потому что Центробанки стран-импортеров пошли на сокращение покупок долларов и укрепление курса национальных валют. Это делалось для сдерживания роста внутренней денежной массы и закупочной цены, выраженной в национальной валюте (например, по такой схеме действовали Национальные банки Кыргызстана и Таджикистана).

ФРС США, Европейский центральный банк, Банк Англии и Банк Японии крайне эффективно отреагировали на кризис ликвидности финансовых рынков, предоставляя банкам краткосрочные кредиты последней инстанции в размерах, которые превышают сумму подобных кредитов, выданных за последние пять лет. Более того, государство косвенно взяло на себя «плохие» кредиты, обеспечив участников финансовых рынков государственными обязательствами. Например, ФРС предоставила кредит банку JP Morgan в размере \$30 млрд для приобретения обанкротившегося банка Bear Stearns, а Банк Англии был вынужден национализировать обанкротившийся банк Northern Rock (впервые с 1970-х гг.).

Тем не менее до сих пор ничего не сделано для предотвращения таких кризисов. И вряд ли будет сделано, поскольку на кону стоят многомиллиардные финансовые интересы, а также устойчивая вера в способность финансовых рынков саморегулироваться и эффективно распределять риски между своими участниками. Скоро, всего, в будущем подобные кризисы будут повторяться после очередных периодов финансового ажиотажа и расширения долларовой ликвидности в мировом обращении. Повторяющиеся в течение последних 20-ти лет один за другим финансовые кризисы — тому подтверждение. Со времен финансового краха 1929 года изменилось только то, что центральные банки развитых стран научились предотвращать системное распространение кризиса ликвидности, но предотвращать сами финансовые кризисы и, следовательно, не допускать их распространения на реальный сектор экономики они по-прежнему не умеют.

* * *

Долгосрочные сдвиги в мировой финансовой системе указывают на то, что кризис ликвидности и проблемы с оттоком краткосрочных капиталов из банковского сектора Казахстана носят временный характер. По истечении небольшого отрезка времени поступление краткосрочных капиталов возобновится в сопоставимом или более высоком ритме, нежели в предыдущие годы. Соответственно для Национального банка и Правительства Казахстана крайне важно не перусердствовать с применением мер краткосрочного характера, направленных на сокращение бюджетного дефицита, ограничение прироста денежной массы, административного контроля цен, поскольку они чреваты тяжелыми побочными эффектами для реального сектора экономики. В таких условиях предпочтительнее следует отдать терпимому отношению к росту государственных расходов, денежных агрегатов (что позволит предприятиям за счет переноса возросших издержек на отпускные цены избежать сильного сокращения объемов производства) при одновременном предоставлении расширенной социальной поддержки для малообеспеченных слоев населения путем реализации продовольственных субсидированным ценам.

Необходимо в кратчайшие сроки приступить к структурным реформам, которые позволят значительно увеличить долю долгосрочных займов в совокупном

объеме внешнего частного заимствования. Нельзя забывать, что у Казахстана имеются внушительные внутренние ресурсы для финансирования инвестиций разной срочности, которые будут нарастать по причине роста мировых цен на экспортное им сырье. Более смелое использование этих ресурсов позволит извлечь выгоды из положительных сторон мировой финансовой конъюнктуры и в то же время свести к минимуму ее отрицательное влияние. Нельзя забывать, что основным аргументом против использования средств Национального фонда является то, что подобная мера приведет к росту инфляции. Не касаясь вопроса о том, насколько верна такая аргументация, заметим лишь, что в сегодняшнем экономическом контексте она теряет всякий смысл. На протяжении года наблюдается высокая инфляция и инвестиционный пессимизм во многих отраслях экономики. Для поддержания ликвидности в банках, стимулирования частных инвестиций и поддержки уязвимых слоев населения имеет смысл разблокировать часть средств фонда и направить их в государственные инвестиционные проекты, прежде всего в инфраструктурные. Благо проектов, долгие годы ждущих своего часа, в Казахстане много. Государство должно взять на себя инициативу инвестора последней инстанции, который своими действиями подтолкнет частный сектор восстановить свои сокращенные по причине кризиса объемы производства и возобновить отложенные до лучших времен капиталовложения. Нельзя забывать, что у Казахстана имеется развитый административный аппарат, которому по плечу политика индикативного планирования, способная сделать экономику страны более устойчивой по отношению к перекосам стихийных финансовых рынков.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.inform.kz>.
2. Aglietta, M. *Macroeconomie financière*. — Paris: La découverte, 2008.
3. King, M. No Money, no Inflation: the Role of Money in the Economy // *Economie Internationale*. — 2001. — n°88, 4. — P. 111.
4. Лейонхуфвуд А. Доклад в Университете г. Тренто 1 октября 2007 г.
5. Aglietta, M. *Op. cit.*
6. Young, J.E. *Speculation and World Food Market*. IFPR Forum. July 2008.

Новая инфраструктура политических исследований

ИРЕНОВ Г.Н., АРЫН Р.С.

В работах отечественных ученых осмысливается и обобщается сложный период обретения казахстанским народом независимости, становления национальной государственности и суверенного развития, что, безусловно, является весомым вкладом в разработку казахстанской политической науки и методологической основой для занимающихся изучением и исследованием, обобщением и прогнозированием политических процессов и технологий в республике и за ее пределами. В них прямо или косвенно освещены интересующие нас проблемы этнополитологии. Однако, при всей значимости этих работ и предпринятых попытках показать реальную ситуацию в трансформировании общества, в следователями рассмотрены лишь отдельные стороны идейно-политических консолидационно-национальных процессов в современном Казахстане.

Сегодняшние политические позиции и перспективы еще четко не выкристаллизовались, что ставит нас в крайне затруднительное положение. К тому же в обществе еще имеются достаточно мощные силы, которые не только тормозят наше продвижение вперед, но пытаются повернуть страну вспять или к другим ориентирам. Более того, отдельные политические организации и движения, как ни парадоксально, пытаются кардинально изменить общественное сознание.

В силу этих обстоятельств, формирование общеказахстанских идей консолидации общества на данном этапе является магистральной темой исследования. Требуют должной проработки такие безотлагательные проблемы, как становление в республике политической идеологии и консолидирующие факторы развития общества, степень воздействия их на самосознание граждан.

Основным ядром в исследованиях политической идеологии были и остаются такие проблемы, как обоснование, разработка ее методологических основ и статуса, определение ее места, роли в условиях суверенного развития Казахстана, растущее значение прогностических функций в период демократизации, образование политической системы, ее влияние на социально-экономические, политические и культурные сферы жизни казахстанцев, которые, на наш взгляд, в казахстанской политологии исследуются еще недостаточно.

Особенности развития республики по самостоятельному пути требуют более глубокого исследования закономерностей и новых тенденций, формирующихся идейно-политических позиций и выработки целостной научно обоснованной программы консолидации общества.

Среди доминирующих проблем, требующих повседневного внимания и критического осмысления, по-прежнему остаются природа и устранение противоречий и конфликтов в межнациональных отношениях, на исследование кото-

должны быть направлены усилия ученых-политологов без каких-либо крайностей и легковесных подходов. В сегодняшних научных разработках этнополитика и межнациональные отношения как важнейшие консолидирующие факторы освещены еще недостаточно.

Тем не менее политология как динамично развивающаяся отрасль научных знаний получила всеобщее признание. Она стала занимать свое достойное место среди социально-гуманитарных наук республики.

Следующей, наиболее важной ступенью развития политической науки, в целом деятельности аналогичных центров и школ, как нам представляется, должны стать анализ и систематизация позитивных тенденций, наметившихся в научных исследованиях, более обстоятельная и непрерывная работа по дальнейшей теоретической разработке основ самой науки, уровней функционирования политической идеологии и научно-практических методов исследования.

Предметом серьезного изучения и исследования, на наш взгляд, должны стать политический диалог и конструктивные действия всех казахстанских оппозиционных сил, посильный их вклад в разработку концепции, реализацию общенациональных идей, помня при этом о том, что огульное охаивание прошлой истории и противоборство общественно-политических сил сами по себе не создают ни материальных, ни духовных ценностей.

Стабильность существующего общественного устройства, как показывает мировая практика, должна постоянно поддерживаться, быть в центре внимания всей политики государства и политиков, направлена, прежде всего, на достижение ее адекватности интересам народа.

Как обязывает трансформационный период, необходимо более действенно анализировать и изучать особенности становления и реализации общеказахстанской доктрины и идеи консолидации общества, являющихся одним из приоритетных направлений в политике и идеологии, использовать весь имеющийся в республике арсенал средств формирования у граждан духовного единства и межнационального согласия во имя процветания и будущего Казахстана.

В последние годы все чаще поднимается вопрос о национальной идее и приоритетах национальной идеологии, которые должны стать основой самостоятельного развития республик.

С нашей точки зрения, в составную часть концепции национальной идеологии должны быть включены следующие идейно-консолидационные принципы:

- укрепление национальной государственности, суверенитета и конструирование новой модели общества; качественное преобразование механизма законодательной, исполнительной и судебной власти, отвечающей интересам казахстанского общества;
- сосуществование политических и общественных сил, социальных групп на платформе единства, общенационального и общественного согласия, осуществление постоянного равноправного диалога и взаимодействия, осознание взаимозависимости сторон, научное управление и регулирование отношений между ними принятым специальным кодексом;
- творческое развитие мировой, в том числе предшествующей казахстанской философской и идейно-политической мысли, воззрений, восстановление потерянных позиций в национальных идеях, использование духовного наследия казахского народа;

- источники огромной притягательной силы — это общегенетические исторические корни формирования титульной нации, ее менталитет, общность судьбы и интересов, многовековой опыт сотрудничества, взаимосвязи, взаимодействия различных консолидирующих факторов;

- уважение государственных обновленных символов, изучение и пропаганда особенностей их формирования, сплочение политических субъектов вокруг общенациональных ценностей и легитимных идей как реально действующих факторов в обществе;

- плодотворное сотрудничество в области освоения новых рынков, реализация взаимовыгодных бизнес-идей, принятие различных цивилизаций и духовно-культурных базовых ценностей;

- освобождение от засилья утопии, экспансии общественного сознания и безпринципной пропаганды, недопустимость всеобщей идеологизации политической, социально-экономической и культурно-образовательной сфер общества;

- реализация конституционных прав, свобод граждан и интересов различных социальных групп, этносов, конфессий, всех здоровых сил общества; отчетливое представление опасности национализма шовинистского толка и родоплеменной жузовской психологии;

- утверждение в обществе высокой языковой культуры как обязательного условия консолидации казахстанцев; казахский язык должен стать де-факто государственным;

- недопустимость насилия и национальной исключительности, культивирование гуманизма, добра, высокой нравственности и культуры, гражданской совести и милосердия; формирование национальных идей не по этническим признакам, а подчинение их сплочению и процветанию казахстанского общества, созидательному процессу и достижению намеченных стратегических целей;

- воспитание у граждан и подрастающего поколения национальной гордости и патриотизма, пробуждение национального самосознания, развитие самобытной духовной культуры, традиций и обычаев;

- подготовка кадров по проблемам националогии, политической идеологии, обеспечение «конвертируемости» исследований в области новых объединительных идей;

- признание разнообразия мира, стремление казахстанского общества к общечеловеческим стандартам и занятие своего достойного места в международном сообществе.

В настоящее время по не совсем понятной для многих причине, при определении номенклатуры специальностей научных работников, осталась за «бортом» специальность 23.00.03 — «Идеология».

На наш взгляд, следовало бы прежде разработчикам взвесить все складывающиеся обстоятельства, связанные с формированием общенациональных и политической идеологии, дать соответствующую критическую и принципиальную оценку прежним методам и стилям идеологической работы, выработать собственные концепции и направления, наметить пути и средства, отвечающие общекзахстанским и общечеловеческим интересам.

Сакральный и секулярный подходы к триединому процессу развития: сравнительный анализ

ЕРЕКЕШЕВА Л.Г.

Рассмотрим два подхода, отражающих две противоположные парадигмы, каждая из которых обладала/обладает значительным влиянием в истории различных регионов мира. Эти подходы — *сакральный* (теологический) и *секулярный*. Последний из них уже частично был освещен нами ранее при рассмотрении теории секуляризации Бергера [Ерекешева 2008b]. В продолжение анализа данной теории и для удобства проведем их сравнительное исследование в рамках триединой концепции развития общества, где основными моментами являются этапы экстернализации, объективации и интернализации. Для начала кратко охарактеризуем каждый из подходов.

Ключевые характеристики двух подходов

Если следовать логике триединого процесса развития и в качестве условия принять неизбежность трех этапов, то *доказательство с точки зрения теологии (сакральное)* может принять следующий вид. Во главу угла ставится высшая (предельная) реальность (Бог, Абсолют, Высший Разум, Дух), которая на этапе экстернализации «выплескивает» себя в мир, утверждает свои действия, то есть реализует себя в мире посредством своей деятельности, что в теологических конструкциях всех религиозных учений выражается в акте творения, создания космоса, мира, природы, человека. На этом этапе предельная реальность является полновластным и единственным участником процесса создания и рождения всего и вся.

Очень поэтично, образно и четко данный процесс выражен практически во всех вероучениях, особенно в мистических направлениях. Иоанн Скот Эриугена и Гуго Сен-Викторский являются, пожалуй, наиболее яркими представителями европейского раннесредневекового мистицизма, практически параллельно развивавшегося с мистицизмом исламским (суфизмом) и индийским (бхакти). Концепции европейских раннесредневековых схоластов о мире как об открытой сцене, на которой Бог являет себя своими деяниями (И.С. Эриугена), или же как о книге, которая написана Перстом Божьим (Г. Сен-Викторский) [Эко 2004: 122—123], совершенно созвучны концепции о «равнопрятии всего сущего» в движении бхакти, а также основному положению суфийской философии — о «единстве бытия», в соответствии с которым, например, в условиях Индостана по-своему интерпретировался тезис *ниргуни-бхакти* о едином Абсолюте, растворенном в природе, что приводило к тезису о фундаментальном единстве индусов

и мусульман [Ерекешева 2008a]. Поэтому идеи И.С. Эриугены о том, что «ничего видимого и телесного, что бы, как мне представляется, не означало бы бестелесного и непостижимого», звучат в унисон с двестишестидесятью поэтами *ниргуна* *бхакти* (Рамананды, Кабира, Равидаса, Гарибдаса), прославлявших единого Бога и его различные проявления, а также выступавших поэту против религиозной исключительности: «Творца я чтю и славлю, ибо знаю: / Вселенная наполнена им / А кто не чтит святое имя Хари, / напрасно в этом мире родился» [Эко 2004: 122; Кабир 1991: 214]. Аналогичное осознание и прославление акта творения мы можем найти в мифах практически всех народов и в метафизических конструкциях, которые весьма условно и для удобства определяются как доисламские верования народов Центральной Азии. Основным посыл тенгрианства, например, можно определить как мир-космическое, целостное восприятие действительности, где человек воспринимается как неразрывная часть всего космоса, созданный предельной реальностью, что находит свое выражение в периодически повторяющихся этапах творения, зафиксированных, в частности, в актах инициации, цикличности природного и жизненного цикла, в шаманизме в целом. Аналогичное «разлитие» предельной реальности во всем мире у древних китайцев выражалось в понятии об энергии *ци*, невидимые потоки которой постоянно циркулируют повсюду и вызывают определенные состояния как в природе и космосе, так и в человеке. Показательно, что связывание воедино энергии *ци* и морально-этических положений в условиях древнего и средневекового Китая привело к созданию широкого комплекса этических норм (в конфуцианстве и, соответственно, в учениях Конфуция, Мэн-цзи, Сюнь-цзи и др.), что со всей определенностью можно соотносить с морально-нравственным учением во всех религиях Писания. Вот что пишет, например, второй по значению после Конфуция мыслитель — Мэн-цзи о соединении энергии *ци* и моральных норм: «...Эта жизненная сила (*ци* — ЛЕ) высшей степени велика и тверда. Если питать ее высоконравственными поступками и не вредить ей, она наполняет все между Небом и Землей. Эта жизненная сила сочетается со справедливостью (*и*) и истинными принципами жизни (дао). Без этого человек слабеет, как от холода. Это то, что рождается путем накопления поступков, соответствующих справедливости, а не приобретается случайными проявлениями справедливости. Если какой-либо поступок не приносит удовольствия в душе, то от этого также наступает слабость...» [Мэн-цзи 2000: 42].

В этой связи уместно также заметить, что теологическое доказательство первого этапа — экстернализации — приводит одновременно и к такому важному моменту, как равенство всего и вся, поскольку постулируется, что все существующее в мире и космосе является творением предельной реальности, являющейся единой и общей для всех.

На следующем, втором этапе — объективации — когда предельная реальность осуществила акт создания и запустила данный механизм, происходит утверждение этого самого мира, космоса и человека, осознание ими своей роли в данном механизме, который с этого времени начинает жить своей самостоятельной жизнью и теперь уже сам оказывает влияние на все и вся вокруг. Этот момент достаточно четко отражен в иудео-христианской традиции, в так называемой концепции изгнания человека из рая, в результате которого он выходит из-под опеки Бога и превращается в относительно самостоятельный субъект, начинающий творить собственную историю. В восточных верованиях (индуизме, буддизме, конфу-

анстве, даосизме) данное положение не получает широкого развития в том смысле, что человек по-прежнему видится не в качестве уже достаточно автономной единицы, а по-прежнему в неразрывной связи с породившей его силой (предельной реальностью). Иными словами, в восточных учениях человек (и общество) на данном этапе как бы еще продолжает функционировать в рамках первого этапа — экстернализации и по-прежнему видит себя силой не активной и относительно самостоятельной (как того требует этап объективации), а ведомой и зависимой от предельной реальности (как это было на предыдущем этапе)*.

На третьем этапе — интернализации — происходит обратное влияние, усвоение предельной реальностью того конструкта, который был создан человеком (и обществом) в ходе своего развития. Предельная реальность как бы впитывает в себя, усваивает созданное человеком (и обществом), чтобы затем распорядиться этим по своему высшему усмотрению. Данный момент также хорошо отражен в различных верованиях — морально-нравственные концепции как раз и нацелены на то, чтобы усвоение предельной реальностью всего того, что создал (и совершил) человек в этой жизни (как в монотеистических религиях) или в совокупности жизней (как в буддизме и индуизме) проходило максимально сглаженно и благополучно для человека. Механизмами данного усвоения служат, в частности, концепции *кармы*, колеса перерождений *сансары*, спасения души, рая-ада.

Таковой предстает концепция триединого процесса развития с точки зрения теологии. Исключительная роль здесь придается предельной реальности, которая заявляет о своем присутствии в этом мире (и космосе в целом) не только на первом этапе — экстернализации, — что неудивительно, поскольку она осуществляет акт творения, но и на остальных этапах. Причем в восточных верованиях ее роль на втором этапе — объективации — также продолжает оставаться высокой. На третьем этапе предельная реальность вновь усиленно заявляет о себе посредством впитывания, усвоения всех поступков человека (и общества), приводящего к тому, что здесь она выступает в качестве не простой, а активной, осуществляющей справедливость силы, способной по своему усмотрению изменить статус-кво и ожидания человека (общества). В этой активности предельной реальности практически на всех этапах заложены особенности ее статуса и сакрального отношения к ней со стороны человека (и общества), которые не могут мыслить без нее своего существования вообще. Здесь, таким образом, мы видим ее доминирующую роль, причем, не только для человека и общества, но и для всего мироздания, космоса в целом.

В противоположность теологическому так называемое *секулярное доказательство* ставит в качестве главного приоритета человека его активную субъективную деятельность по формированию, поддержанию и усвоению мира, то есть то, что было рассмотрено нами ранее на примере теории секуляризации Бергера [Ерекешева 2008b]. Не вдаваясь в повторный анализ, выделим ее основную суть, которая сводится к гиперактуализированной роли субъекта на всех трех этапах и, соответственно, к практическому нивелированию всех остальных сил, в данном случае — предельной реальности. Роль человека, его разума, способностей (приводящих к расцвету логического, рационального, то есть научного объяснения действи-

* Проблема сравнительного религиоведения является исключительно интересной, заслуживающей отдельного изучения. Не ставя своей целью анализ данного вопроса в рамках настоящей работы, мы поэтому ограничились лишь констатацией отдельных положений.

тельности) здесь совершенно не оставляет места для предельной реальности, которая отодвигается в сторону и рассматривается поэтому в рамках алогичных, антиисторических и лишь в качестве одного (раннего) из этапов развития.

Сравнительный анализ обоих подходов

Таким образом, уже в самом начале можно отметить, что ключевым отличием между обоими подходами является разное прочтение в определении главной действующей силы — соответственно предельной реальности или человека. Это различие означает разработку диаметрально противоположных концепций, несущих в себе и одновременное отрицание друг друга. Выработка настоящего антагонизма являла собой достаточно длительный процесс, выраженный в классической теологической (христианской — в условиях европейского и западного развития) и философской мысли нового времени и современности. Апофеозом данного противостояния стала сама постановка проблемы «разум-вера», своего логического завершения получившая в теориях секуляризации в XX в.

Образовавшаяся дихотомия «религиозное-секулярное» в ее основной части — относительно главенства предельной реальности или же человека — на первый взгляд является вещью в себе, законченной, установившейся, неизменной и потому приводящей лишь к разделению на два лагеря и не дающей ключа к дальнейшему пониманию проблемы. Тем не менее, если в качестве первичных модулей взять макрокосмос (мироздание, окружающий мир), микрокосмос (человек) и расширить и углубить рамки анализа. В этом случае возможно установление масштабов влияния каждой из главных сил на данные модули, в результате чего можно будет говорить о совокупном наибольшем влиянии той или иной силы или же отсутствии такового.

Как уже было отмечено выше, теологическое доказательство заявляет о доминировании предельной реальности и *всеохватности ею всех сфер* — как макрокосмоса и микрокосмоса. По отношению к макрокосмосу это предстает в виде акта творения всего и вся — от планет и звезд до песчинки. По отношению к микрокосмосу постулируется не столько и не только физический аспект создания человека, сколько духовный, имеющий прямое отношение к душе человека и связанному с этим процессу зарождения, укрепления, перерождения (как в индуизме и буддизме) души и духовных сил. Причем, если акт творения (макрокосмос) вначале доминировал, то впоследствии наиболее значимым стал акт спасения человека и его души (то есть микрокосмоса), что фиксируется практически во всех вероучениях. Особую актуальность данный тезис получает на современном этапе в условиях падения нравственности и морали. В теологическом подходе акт творения символизирует собой создание всего мироздания, включая человека, то есть всеобщей единой и связанной между собой системы мир-космических связей. Иными словами, здесь постулируется некая общая рамочная конструктивная структура, упорядоченность, которые всегда олицетворяются со стабильностью, прочностью, традицией и вечностью. Данная стабильность по сравнению с минутной, быстротечной деятельностью и жизнью человека носит поэтому бы неподвижный, статичный характер. Именно поэтому можно отметить, что макрокосмос, а вместе с ним и сама предельная реальность утопают в вечности.

Таким образом, первое (теологическое) доказательство предоставляет общую структуру, статику и стабильность, задает рамки объективного развития. В силу этого, оно несет на себе оттенок консерватизма и традиций. Вместе с тем оно направлено и на микрокосмос, обращаясь посредством развития этических доктрин, нравственности и морали к святым святым, к тому, что предстает в человеке одним из главных — его душе. Разрабатывая этические нормы поведения не только в отношении самого человека (сотериологические концепции спасения его души), но и относительно его взаимодействия «со значительными другими» — семьей, друзьями, коллегами и т.д., — то есть относительно социума и культуры в целом, оно также постулирует свое участие и в процессах поддержания (объективация) и усвоения (интернализация) человеческих поступков, то есть на так называемом микро- и в социальном космосе.

По сравнению с теологическим, секулярное доказательство, наоборот, во главу угла ставит субъективную деятельность человека, которая по своему изначальному определению направлена на микрокосмос, на самого себя, то есть на развитие всего того, что помогает адаптации человека в этом мире, делает его жизнь удобной, длительной, приносит пользу и цивилизует его. Достаточно смко это можно выразить словом «эволюция». В качестве примеров можно привести длинный исторический ряд научных достижений, имеющих отношение, прежде всего, к человеку, включая такие последние достижения в области биомедицины, идущие в буквальном смысле «вглубь» человека, как генная инженерия, стволовые клетки и др. Приоритетный характер, таким образом, здесь остается за *прикладной деятельностью*, в конечном счете направленной на адаптацию человека к окружающей его физической, социальной среде, на удовлетворение его запросов и нужд, то есть на микрокосмос и космос социокультурный соответственно. Однако, наряду с этим, вместе с открытием космической эры второе доказательство претендует и на то, что именно человек вправе распространить свою деятельность (акт создания) и на все мироздание (макрокосмос) в целом. Но, распространяя свою деятельность на макрокосмос, человек, тем не менее, не создает и не творит его изначально, а лишь *видоизменяет и по-своему интерпретирует*, то есть опять-таки использует в соответствии со своей прикладной целью то, что уже изначально было создано и сформировано. Именно данный прикладной и субъективный характер его деятельности не позволяет ему в конечном итоге приравниваться к статичным и неподвижным категориям структуры, задаваемой предельной реальностью. Ибо по своему своему определению категории статики и динамики есть категории, функции которых диаметрально противоположны. Секулярное доказательство, определяющееся субъективным характером деятельности человека и социума (вплоть до культуры), на фоне упорядоченности и космической неспешности мироздания ратует за динамизм и быстрые изменения.

Таким образом, секулярное доказательство доминирует в своей непосредственной сфере — микрокосмосе, а также в космосе социокультурном. На уровне макрокосмоса, однако же, человек по-прежнему остается вторичен. Путь его, таким образом, разворачивается от обратного — от единичного к общему. В этом движении человек посредством своих усилий и получаемых знаний расчищает себе дорогу к тому (макрокосмическому) состоянию, которое прежде было лишь сферой теологического доказательства и для человека совершенно недоступно и непостижимо. В этом смысле можно перефразировать Бергера и отметить,

что не религия, а современная наука (а значит, и человек) становится дерзкой попыткой понимания всей вселенной как значимой для человека [Berger 1990: 28]. Отдельный вопрос состоит в том, насколько удачны и, главное, гармоничны действия человека по освоению макрокосмоса. Примеры последних десятилетий (экологические проблемы, озоновые дыры, космический мусор и т.д.) пока дают отрицательный результат.

В итоге мы можем предварительно вывести первое (теологическое) доказательство как направленное на разработку рамочных и стабильных конструкций и обладающее поэтому статичностью, в то время как второе (секулярное) — как нацеленное на субъективную, активную прикладную деятельность (или адаптацию) и обладающее поэтому динамикой. На первый взгляд оба подхода ратуют за то же самое, но различными средствами — путем актуализации роли предельной реальности, с одной стороны, или человека — с другой. В этом смысле общий алгоритм познания ими объективной реальности предстает одинаковым, различаются лишь субъекты действия. Однако более детальный анализ свидетельствует о некоторых отличительных значимых нюансах. Для лучшего понимания обратимся сначала к понятию иерархии систем и функций религии.

Два доказательства, иерархия систем и функции религии

Понятие о системах действия, как известно, было введено и разработано крупнейшим теоретиком социологии (и общественных дисциплин в целом) Т. Парсонсом в 1930—1950-х гг. XX-го столетия. Основной посыл данной концепции состоит в выделении четырех основных систем (культурной, социальной, личности и организма, обладающего поведением) и двух так называемых окружений (предельной реальности, соприкасающейся с культурной системой, находящейся на самом вершине иерархии, и физического окружения, стыкующегося с системой организма, обладающего поведением, которая находится внизу иерархии). Иерархический характер систем, их взаимопроникающий и взаимозависимый характер, статус религии как наивысшей ценностной категории приводят к тому, что религия в данной структуре занимает исключительное место и потенциально рассматривается в качестве важного фактора развития всех систем (по Парсонсу — дифференциации или эволюции систем) [подр. см. Парсонс 2002: Ерекешева 2008с].

Из положения Парсонса о четырех системах, двух окружениях и иерархии систем можно сделать следующие выводы. Основываясь на данных посылах, представляется целесообразным рассматривать процесс эволюции (дифференциации) систем как определяющийся рядом факторов, среди которых религия принадлежит особое место. Роль религии особенно заметной и главенствующей была на начальных этапах исторического развития самых различных обществ, как восточных, так и западных. В этом случае процесс дифференциации между культурной и социальной системами еще только вырисовывался, в то время как системы личности и организма, обладающего поведением, вообще не отделялись друг от друга как самостоятельные. В ходе дальнейшего исторического развития прежде всего в западной социокультурной системе, роль религии постепенно уменьшалась и своего минимума достигла к середине XX-го столетия, что и было зафиксировано теориями секуляризации. Снижение ее роли, однако, вовсе

не означало отсутствия религии вообще, поскольку ее основные характеристики — изначальный высокий статус в культурной системе как наивысшей ценностной ориентации и флуктуационный характер действия (то есть распространимость на все системы) — по сути, задают параметры работы всей системе координат действия (или всей иерархии систем). Тот факт, что роль религии в определенный момент приблизилась к минимальному значению, должен свидетельствовать не об ее исчезновении, но об усилении нестабильных характеристик всех систем, поскольку в этом случае религиозный фактор перестает быть высшей ориентацией на значение, то есть задавать параметры, направление развития всем системам. Проявления этой нестабильности и девиантного развития проявляются сегодня во всех системах и не требуют особых комментариев. Исключительный разрыв между ценностными стандартами (поведения, мышления) культурной системы и нормами социальной системы, а также ролями системы организма отчетливо виден в отсутствии морали в политической сфере и экономическом обогащении, на уровне социальной системы — в разрушении института семьи, на уровне системы личности — в усилении психологической нестабильности людей, на уровне системы организма, обладающего поведением, — в экологической катастрофе.

Таким образом, сохранение основных функций и изначального высокого статуса религии в общей системе координат приводит к тому, что религия обладает потенциальными возможностями влияния на все системы действия в ходе их дальнейшего развития. Поэтому в данном случае не приходится говорить об ее исчезновении, изменению подвергаются ее отдельные «параметры» (функции), влекущие за собой то усиление, то ослабление ее роли в обществе в целом. Например, на ранних этапах развития доминировала интегративная функция религии, что хорошо показал Эмиль Дюркгейм, изучавший самые начальные формы зарождения религиозной жизни на примере тотемизма австралийских аборигенов. На том этапе развития обществ коллективные формы преобладали над индивидуальными, а человек еще мыслил себя неотъемлемой частью огромного мироздания, коллективного по своей сути, которое было для него всем — и государством, и религией, и природой, и искусством. Именно поэтому и религия, в свою очередь, являла собой не просто комплекс определенных верований, но и матрицу науки, философии, искусства. И именно поэтому Дюркгейм основной упор делал на значимости коллективного и социального, подчеркивая в том числе социальный характер происхождения универсальных категорий времени и пространства [Durkheim 2001: 12—13]. Таким образом, особенности единой социальной жизни древних обществ определяли специфику религиозного мышления, коллективного по своей сути, в котором не было и не могло быть достойного места индивидуальным явлениям. Религия была всем, она тотально присутствовала во всем и формировала образ жизни и мышления в древности. В этом смысле Дюркгейм, а вслед за ним и представители школы системного функционализма, опирающиеся на идеи французского ученого, прежде всего, крупнейший из них — Парсонс — абсолютно правы, подчеркивая религиозное происхождение культуры, понимаемой в широком смысле, а также всех ее элементов [Durkheim 2001: 11, 152, 168, 181, 283; Парсонс 2002: 745, 758].

Другая значимая функция религии — динамики и изменений, — как известно, более ассоциируется с именем Макса Вебера, изучавшего совершенно иной

исторический пласт на примере позднесредневекового западноевропейского общества. По сути, предметом анализа Вебера стал процесс дифференциации различных систем, прежде всего, культурной, социальной и индивидуальной. Так, в культурной системе из единой религиозной матрицы выделяются наука и искусство, что позволяет науке постепенно дистанцироваться от собственно религиозных представлений и заявлять о своем более-менее автономном существовании. Одновременно происходит дифференциация как между культурной и социальной системами, так и между социальной системой и системой личности, своего апогея достигающей в формировании идеологии протестантизма и выделения принципа индивидуализма как основополагающего фактора развития обществ. Именно данный процесс и стал предметом изучения Вебера, а принцип индивидуализма, ставший выражением торжества принципа динамики и социальных изменений, лег в основу рассуждений немецкого мыслителя о роли религии в целом [Вебер 1990].

Две ключевые функции религии — интегративная и изменений — попеременно и вместе показывали свою значимость на различных этапах развития обществ, то усиливая, то ослабляя свою роль в истории. Поэтому приходится еще раз отметить, что религия как таковая не исчезает, доминируют лишь те или иные ее функции, приводя, например, к религиозному утверждению как в древности или же, наоборот, к секуляризации сознания и поведения.

Таким образом, отметим, что религия неминуемо обладает флуктуационными свойствами, обнаруживая свое доминирующее присутствие (как в древних системах) или же просто воздействие (посредством этических норм в условиях секуляризации) на всех уровнях — культурном, социальном, личностном, организационном. Именно данный «текущий», сквозной характер религии свидетельствует не просто о всеохватности ею всех систем, но и о том, что религия будет продолжать оказывать влияние на различных уровнях и впредь. Флуктуационный характер религии приводит в нашем анализе к тому, что она неизбежно должна присутствовать не только на уровне макрокосмоса и космоса социального (что особенно хорошо видно на примере исторического развития обществ древности и средневековья как Запада, так и Востока). Религия присутствует и в так называемом микрокосмосе, являющемся сферой внутреннего мира и души человека. Именно в этом внутреннем микрокосмосе религия как раз и получает свое, пожалуй, наиболее интенсивное раскрытие, оказывая влияние на внутреннее состояние человека и его внешнюю деятельность. Здесь религия выступает частично в веберовском смысле — как источник влияния и изменения состояния человека и целых социокультурных систем, что хорошо было показано им на примере формирования и развития протестантизма. Таким образом, посредством участия в процессах сугубо личностных, внутренних, относящихся к индивидууму, его душе и его воле, религия постулирует свое присутствие и в микрокосмосе. Причем осуществляет это она также глубоко и всеохватно, как и в случае с макрокосмосом. Отличие состоит, пожалуй, только в том, что направление влияния здесь происходит невширь, а вглубь, что отражается на интенсивности и глубине переживаний человека. Именно поэтому, когда средневековые суфии, бхакти или же схоласты говорят о растворении в мире Абсолюта и наполнении им собой всего и вся в мире, а также обращаются к нему со словами любви, то это как раз и свидетельствует об исключительно высоком накале переживаний, происходящих

в их душах, стремящихся к познанию этой предельной реальности или хотя бы к частичному прикосновению с ней.

Поэтому в теологическом доказательстве мы можем отметить распространение влияния предельной реальности на все уровни космоса — макро-, социокультурный, микрокосмос. Опять-таки, если следовать концепции Парсонса об иерархии контроля, то направление влияния идет от культурной системы, обладающей наивысшим знанием и информацией, а значит, и контролем, к системе, обладающей наибольшей энергией, то есть организму, обладающему поведением. Если при этом учесть также и стыкующиеся с ними так называемые два окружения — наивысшую предельную реальность и низшее физическое окружение, то становится ясным и направление движения — сверху вниз. Таким образом, помимо широты охвата (то есть воздействие на все системы), вырисовывается и направление влияния предельной реальности — от большего по своему совокупному потенциалу, экстенсивного и протяженного макрокосмоса к меньшему по объему, но оттого и более интенсивному по своему внутреннему давлению, потенциалу и накалу микрокосмосу. Причем степень влияния в обоих случаях является высокой, несмотря на различные «внешние параметры». Это приводит к тому, что в первом (теологическом) доказательстве роль предельной реальности соотносится со всеми уровнями и потому может считаться всеохватной. Если же оперировать категориями концепции триединого процесса, то роль предельной реальности может действительно считаться ключевой и полной на всех трех этапах — экстернализации, объективации и интернализации.

В этом смысле секулярное доказательство следует, как уже было отмечено выше, от обратного, то есть от изучения человека и создаваемого им вокруг себя пространства (как социального, так и природного) к постижению космоса и вселенной. Если оперировать положениями Парсонса, то направление движения здесь идет снизу вверх. В своих попытках продвижения к макрокосмосу человек должен располагать достаточными для этого охватом и широтой действия, не говоря уже о механизмах. И если в настоящее время им постепенно создаются различные механизмы продвижения своего влияния и утверждения себя в космосе, то для охвата и широты действия необходим иной набор — контроль. Говоря языком Парсонса, система личности, стремящаяся к подчинению физического окружения и, следовательно, претендующая на обладание наибольшей энергией, должна превратиться в систему, обладающую наивысшим контролем, каковой является культурная система. Иными словами, крайние системы и связанные с ними два окружения (предельная реальность и физическое окружение) должны поменяться местами, а иерархию контроля необходимо перевернуть с ног на голову. В этом случае вся стройность и функциональность конструкции или общей системы действия оказывается под угрозой, поскольку нарушаются устоявшиеся связи между ними. Контроль в кибернетическом смысле (в каком подразумевал это и сам Парсонс) может осуществляться лишь вышестоящей системой, аккумулирующей в себе достижения всех этапов и всего совокупного потенциала достижений и творений духа человечества, каковой является наивысшая культурная система. И, наоборот, именно система организма, обладающая поведением, но никак не культурная система, располагает тем поистине огромным и экстенсивным запасом энергии, позволяющим ей преобразовывать природу и адаптировать ее в соответствии с запросами человека.

Поэтому какими бы ни были успешными попытки человека по подчинению себе макрокосмоса в будущем, можно предположить, что они, тем не менее, все же будут оставаться частичными и относительными, поскольку без обладания механизмом контроля о полном и абсолютном распространении своего влияния не может быть и речи. А механизм контроля связан с точкой стыка, условным соединением между наивысшей культурной системой и предельной реальностью. Макрокосмос будет продолжать оставаться для человека вещью в себе, хотя и становящимся близким, но неподвластным полностью и оттого — всегда манящим и пугающим. Поэтому, в своей дерзкой попытке сделать всю вселенную как значимую для него, человек будет вынужден проникать в макрокосмос, постоянно при этом преодолевая, но не охватывая полностью широту его связей, однако при этом продолжая максимально утверждать себя на уровнях микрокосмоса и космоса социокультурного. Опираясь категориями триединого процесса развития, это утверждение будет распространяться также на три уровня — экстернализации, объективации и интернализации. Однако на первом из них человек так и не будет максимально полностью «выплескивать» и утверждать себя в макрокосмосе. Здесь, как представляется, и заключен важный нюанс, позволяющий понять односторонний характер теории секуляризации и, соответственно, всех заявок на то, что в мире произошла полная десакрализация.

***

Таким образом, сравнительное сопоставление степени охвата обоими доказательствами уровней (пользуясь концепцией Парсонса) или этапов (используя теорию триединого процесса развития) показывает абсолютную значимость сакрального доказательства для развития человека, а также творимой им социокультурной системы. Но это ни в коем случае не означает, что роль субъективного фактора сводится к нулю. Наоборот, роль человека предстает одним из закономерных и необходимых элементов общей конструкции всех систем, без которого невозможно в конечном счете развитие все той же культурной или социальной системы. В этом смысле дихотомия двух доказательств находит свою аналогию в других, классических парадигмах в науке, связанных с именами Дюркгейма и Вебера, частично о которых уже говорилось выше — религия как фактор изменений или же как фактор интеграции обществ; роль индивидуального и коллективного, практического и идеального⁶. А вместе с данными парадигмами закономерно появляются и следующие дихотомические пары, становящиеся особо актуальными в последние десятилетия — «традиция-модернизация», «локальная цивилизация-глобализация». Если рассматривать значимость обоих доказательств сквозь призму функций религий, о которых упоминалось выше,

⁶ Показательно, что акцент Дюркгейма, равно как и представителей школы системного функционализма на коллективном (социальном) начале, как известно, привел позже к появлению обратного направления в социологии религии, подчеркивающего роль индивидуального в современном обществе. Своим крайним выражением данный подход получил в теории рационального выбора применительно к религии, а именно к отождествлению религии с рыночным экономическим механизмом (так называемой системой затрат и прибыли), в соответствии с которым религии продают товар и вычитают издержки, то есть основывают свою деятельность на чисто рациональной основе, при этом сами религии уподобляются конкретным, рациональным, индивидуальным субъектам [Berger 1990: 127—153; Stark, Finke 2000]. Данная теория как современный, хотя и односторонний отголосок Вебера является классическим примером «обмирщения», причем не только окружающего мира, но и самой религии вообще, что закономерно ведет к тотальной десакрализации всего и вся и в буквальном смысле «не оставляет ничего святого». В этом смысле теорию рационального выбора можно представить как разновидность теорий секуляризации в целом. Показательно, что само появление данной теории связывается (например, Бергером) с развитием экономического либерализма и плюрализма в условиях Запада, что еще раз может служить подтверждением тезиса о процессе секуляризации как отразившей в первую очередь западную модель развития.

то можно обнаружить тождественность сакрального подхода с интегративной функцией религии, а секулярного — с функцией динамики и изменений. Это может свидетельствовать о том, что первое сакральное доказательство обладало и будет обладать характеристиками системности, стабильности, традиции и консерватизма, в то время как секулярное, наоборот, — субъективностью, динамикой, непостоянством, новизной. Данный тезис во многом проливает свет на дихотомии «традиция-модернизация», «локальная цивилизация-глобализация» и приводит к новым постановкам вопросов, например, к такому: какова степень высвечивания тех или иных свойств каждым из доказательств на современном этапе, что напрямую выводит к проблеме религиозного ренессанса. Однако это уже тема отдельного исследования.

Поэтому в споре о том, что важнее — рамочная стабильная конструкция, утопающая в вечности (на уровне научных решений мы можем назвать это также и теорией) или же динамичная субъективная прикладная деятельность (на уровне научных решений олицетворяемая с практикой) — ответ может быть один. Оба подхода важны, актуальны и взаимосвязаны, при этом, тем не менее, совокупный потенциал сакрального доказательства в конечном итоге имеет больший охват действия, что оставляет за ним право на конечное решение. Это означает также и то, что секулярный подход не может сниматься вовсе. Он также имеет право на жизнь, особенно в той своей части, которая связана с деятельностью человека. При всем том данная субъектная деятельность не должна становиться вещью в себе, существующей для себя и лишь собой определяющейся. Иными словами, человек не может быть единоличным субъектом деятельности и покорять пространства ради себя одного. Очень хорошо данное понимание развито в индийской, даосской, буддийской, а также шаманских, мифических и натурфилософских «природных» традициях, где круговая цикличность бытия и рождений охватывает собой все пространства (индивидуальное, природное, космическое). Не в этом ли кроется одна из причин интереса к данным традициям в настоящее время, когда интуитивно и остро чувствуемый диссонанс в данной сфере вызывает, говоря словами М. Элиаде, «ностальгию по истокам»? Деятельность человека должна направляться также и на осознание и принятие сакрального подхода. Равно как и наоборот — сакральное доказательство, причем именно в силу своего большего совокупного потенциала, не может и не должно отнимать право на жизнь у субъективной прикладной деятельности, поскольку это чревато разрушением стабильности и устойчивости общей конструкции систем действия.

Понимание значения двух подходов — сакрального и секулярного — в последнее время начинает осознаваться многими знаковыми интеллектуальными фигурами, условно представляющими два доказательства, в частности, Юргеном Хабермасом как «олицетворением либерального, индивидуалистического, секулярного мировоззрения» и Папой Римским Бенедиктом XVI [Хабермас 2006: 33]. Весьма показательна трансформация во взглядах Хабермаса — характеризую свою философию как политический либерализм, лежащий в русле традиции рационального права, сегодня он постулирует тезисы, казалось бы, совершенно противоречащие данной традиции. Так, развивая дискуссию о «постсекулярном обществе», Хабермас отмечает, что «в постсекулярном социуме складывается признание того обстоятельства, что «модернизация общественного сознания» охватывает при переходе к новой фазе как религиозный, так и светский менталитет

и рефлексивно видоизменяет их. Каждая из сторон может, если они одинаково понимают секуляризацию общества как взаимодополняющий процесс обучения, теперь уже и на когнитивных основаниях принимать всерьез роль друг друга в дискуссии на сложные общественные темы» [Хабермас 2006: 44, 70]. Как бы в подтверждение этому он и вовсе заявляет далее о том, что «натуралистические (секулярные — Л.Е.) картины мира... вовсе не заслуживают автоматического признания своего приоритета перед конкурирующими мировоззренческими или религиозными представлениями», а «мировоззренческая нейтральность государственной власти... несовместима с политическим распространением секуляристского мировоззрения на всех людей. Нерелигиозные граждане, поскольку они выступают в роли граждан государства, не должны принципиально отказывать религиозному видению мира в потенциале истинности и не должны отнимать у верующих сограждан права вносить с помощью религиозных понятий свой вклад в общественную дискуссию» [Хабермас 2006: 74—75].

Столь поистине радикальные с точки зрения рационального права и политического либерализма заявления, тем более из уст приверженца индивидуалистического и секулярного мировоззрения, каким является Хабермас, фактически подтверждают проведенный выше анализ и свидетельствуют о необходимости более широкого использования религиозного фактора (прежде всего, религиозных морально-этических ценностей) в современной жизни.

Показателен также взгляд на происходящие процессы и обратной стороны — современного христианского католического богословия, которое представляет Й. Ратцингер (Бenedикт XVI). Несмотря на разницу в подходах, которую мы в самом начале работы определили как разное прочтение в определении главной действующей силы — предельной реальности или человека — Й. Ратцингер фактически размышляет в том же русле: необходима «готовность учиться и обоюдное самоограничение» [Ратцингер (Бenedикт XVI) 2006: 104].

Здесь хотелось бы заострить внимание на его двух основных постулатах, относящихся к рассматриваемой теме и, кроме того, позволяющих получить также и представление об изменениях, которые происходят сегодня в католической теологии. Первый тезис сводится к тому, что существуют опасные патологии как религии, так и разума (гордыня разума). Поэтому необходима «коррелятивность» разума и веры, разума и религии, призванных к обоюдному очищению и освящению, нуждающихся друг в друге и обязанных это признать» [Ратцингер (Бenedикт XVI) 2006: 105—106]. Второй тезис подчеркивает значимость интеркультурного контекста современности, поэтому развитие в данном случае должно сводиться к тому, чтобы «для обоих компонентов западной культуры (христианской веры и секулярной рациональности — Л.Е.) важно научиться слушать эти культуры и находить подлинную «коррелятивность» и с ними» [Ратцингер (Бenedикт XVI) 2006: 106—107]. Таким образом, подчеркивается необходимость коррелятивности в двух ключевых областях — между религией и разумом, с одной стороны, и между культурами — с другой. Такая постановка вопроса напрямую выводит к проблеме диалога, который, как отмечалось выше, есть, по сути, двустороннее движение, а потому в нем всегда должны приниматься во внимание позиции каждой из сторон. Данные подходы являются сегодня исключительно актуальными и подтверждают выведенную нами выше концепцию о необходимости принятия двух подходов — сакрального и секулярного — в их взаимосвязи и сосущество-

вании. Таким образом, именно в принятии друг друга могут быть заложены основы гармоничной конструкции, стирающей все односторонние определения и приводящей к целостному холистскому пониманию макро-, микрокосмоса и космоса социокультурного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berger, Peter L. The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion. 2nd Edition. — New York: Anchor Books, a Division of Random House, Inc., 1990. — 229 p.
2. Durkheim, Emile. The Elementary Forms of Religious Life. Transl. from French by C. Cosman. Introduction and notes by Mark S. Cladis. Series "Oxford World's Classics". Oxford: Oxford University Press, 2001. — 358 p.
3. Stark, Rodney and Roger Finke. Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion. University of California Press, 2000. — 350 p.
4. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990.
5. Ерекешева Л.Г. (2008а). Религия и социо-культурные системы: индийская модель развития / Сб. статей, посвящ. 70-летию со дня рожд. проф. Р.Б. Рыбакова. — М.: Восточная литература, 2008.
6. Ерекешева Л.Г. (2008б). О триедином процессе развития общества (к анализу теории секуляризации П. Бергера) // Казахстан-Спектр, 2008. — №2. — С. 81—90.
7. Ерекешева Л.Г. (2008с). О статусе и функциях религии в равновесных системах (к анализу теории системного функционализма Т. Парсонса) // Вопросы философии, 2008.
8. Кабир. Двустышия из книги «Ади Грантх» / Колесница солнца. Восемь тетрадей индийской классической лирики в переводах С. Северцева. — М.: Наука, ГРВЛ, 1991. — 336 с.
9. Мэн-цзы. Сюнь-цзы / Классическое конфуцианство. В 2-х т. Т. 2. Перевод с кит., статьи, комментарии И. Зограф. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 206 с. (Серия «Мировое наследие»).
10. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. Пер. с англ. — М.: Академический Проект, 2002. — 831 с. (Серия «Концепции»).
11. Ратцингер Й. Чем держится мир. Дополнительные моральные основы либерального государства / Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бenedикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. — М.: Библиско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. — С. 77—107.
12. Хабермас Ю. Дополнительные основы демократического правового государства? / Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бenedикт XVI). Указ. соч. С. 39—75.
13. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 288 с.
14. Элиаде М. Ностальгия по истокам. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. — 216 с.

Народ, нация и национальное чувство*

САДЫКОВА Б.И.

Если целый народ попадает под господство другого народа, то несколько поколений побежденных обречено жить в атмосфере презрения. Они долго не могут вновь подняться из пучины социальной деградации, и только много позже им удается занять статус равных в среде завоевателей, но при этом они теряют свой национальный облик.
Карл Реннер

О народе и нации

Понятия «народ» и «нация» фундаментальны. Эта тема продолжает сохранять свою актуальность, ибо, по мнению современных исследователей, «общепринятого всем международным сообществом понятия “народ” до сих пор нет. Не только в правовой, но и в этнографической литературе дискуссии на эту тему идут с XIX в.» [1].

В советской науке не было ясных и четких критериев разграничения понятий нации и народа. Под термином «народ» подразумевалось все население определенной страны, а понятие «нация» трактовалось как «историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территориальных, экономических связей, литературы, языка, некоторых особенностей культуры и характера». К тому же утверждалось, что «при социализме, ликвидирующем социальные и национальные антагонизмы, нации преобразуются в *социалистические нации* (выделено мной — Б.С.), основа которых социально-политическое и идейное единство. Протекает процесс расцвета и сближения наций, развития их братского сотрудничества и взаимопомощи на основе принципов интернационализма». Также указывалось, что «в СССР сложилась новая социальная и интернациональная общность — советский народ», что «крепнет содружество социалистических государств» и «в зрелом коммунистическом обществе можно предвидеть слияние наций в единое человечество» [2].

Из-за волонтаристского деления народов СССР Сталиным на нации, народности и этнические группы, в советском обществе произошло полное смешение понятий «народ», «нация» и «национальность», что справедливо подвергалось критике западными советологами А. Беннигсеном и Ш. Лемерсье-Келькеже. Французские ученые, в частности, отмечали, что, выделив территориальный признак как основ-

* Статья подготовлена на основе материалов книги Бахыт Садыковой «Mustafa Tchokay dans le mouvement prométhéen» (IFEAC-Наматтан, 2007), авторские права на которую охраняются французским издательством. При перепечатке и использовании отдельных цитат либо положений ссылка на настоящую статью или вышеназванную книгу обязательна.

ной, Сталин поставил этот вопрос на службу своей идеологии. Так, лишив крымских татар своей территории, Сталин, сославшись на свою же «классификацию», наказал их за несовершенное преступление и отнял у них право называться нацией [3].

Сталинская «классификация» отвергалась и Мустафой Чокаем, полагавшим, что отношение государства ко всем своим согражданам, как бы они ни классифицировались (нации, народности и этнические группы), должно быть уважительным: «Нет плохих народов, есть среди них отдельные плохие люди. И уровень гуманности страны зависит от того, насколько гуманны населяющие ее граждане» [4], — считал он, а в статье более позднего периода (1937) уточнял, что различия между народами касаются, главным образом, уровня их общей и политической культуры [5].

Желание внести определенную ясность в разграничение сути этих понятий заставляет обратиться к трудам предшествующих исследователей, в первую очередь лидеров национально-освободительных движений, членов движения «Прометей».

Эта фундаментальная тема поднимается ими в первом номере издания, вышедшем после реорганизации движения. Ее выбор был вызван тогда необходимостью определения позиции прометеевцев по отношению к национализму и, в особенности, к его радикальным формам — шовинизму и нацизму. Этого требовала сама ситуация соперничества фашизма и большевизма, каждый из которых находил своих сторонников и противников не только в Европе, но и во всем мире.

В статье «Нация и национальное чувство» Александр Шульгин [6] обращается к трудам авторитетных ученых и политических деятелей различного толка, в частности Жозефа Эрнеста Ренана⁷, согласно которому душу нации составляют две вещи: «коллективное владение завещанной наследственной памятью и согласие в настоящем жить совместно, приумножая полученное неделимое наследие».

«Существование нации, — подчеркивает Ж.-Э. Ренан, — есть каждодневный плебисцит. Человек не является рабом ни своей расы, ни своей религии, ни течения рек, ни направления горных гряд. Великое единение здоровых душой и горячих сердцем людей рождает сознание, называемое нацией» [7]⁸.

Поскольку определение Ж.-Э. Ренана скорее поэтическое, чем научное, А. Шульгин отмечает необходимость выявления объективных критериев для выяснения сути понятия нации: «Сторонники определения нации с чисто субъективных позиций забывают, что в основе национального сознания должно быть нечто, что скрепляет индивиды, составляющие нацию, некое крепкое, цементирующее средство, способное морально объединить их очень сильными, мощными узами» [8].

Понятия «народ» и «нация» далеко не идентичны. Если исходить из понимания народа как «исторически сложившейся на определенной территории устойчивой общности людей, отличающейся от остальных единым языком, относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием

⁷ Движение «Прометей» просуществовало на территории Европы с 1926 по 1940 г. Оно объединило в своих рядах глав национальных автономий, которые были разгромлены Красной армией в период с 1917 по 1921 г. Движение имело свои периодические издания: журнал Prométhée, который в 1938 г., в связи с реорганизацией движения, получил название La Revue de Prométhée, а также ряд журналов на национальных языках.

⁸ Ренан Жозеф Эрнест (1832—1892) — французский писатель, автор Истории происхождения христианства (1863—1868), других трудов по востоковедению и философских драм. По утверждению авторов Энциклопедического Словаря по Мировой Истории, Ж.-Э. Ренан — самый крупный французский теоретик в рассматриваемом вопросе (см. Mourre, M. Dictionnaire encyclopédique d'Histoire. — P., Larousse-Bordas, 1996. — P. 3836).

⁹ Здесь и далее все переводы с французского выполнены Бахыт Садыковой.

своего единства и фиксированным самоназванием» [9], то необходимо определить то цементирующее звено, которое способно трансформировать народ в более крепкое единство — нацию. Проблема становится тем более сложной, когда речь идет о многонациональном народе, проживающем в границах одной страны.

Александр Шульгин отмечает, что чаще всего социологи и историки в определении народа либо нации исходят из следующих критериев:

- а) территории, в которой проживает народ;
- б) антропологического типа;
- в) языка, имеющего особую важность в формировании национальной культуры;
- г) литературы, искусства, обычаев, фольклора;
- д) периода жизни, проведенного под какой-либо династией;
- е) религии;
- ж) общности исторической памяти.

«Все это расширяет и увеличивает число факторов, сближающих индивиды, входящие в единую нацию. Однако ни один из этих признаков не является универсальным для всех наций, — заключает он, — так как есть народы, которым удалось сформировать нацию, несмотря на расовые различия (США) и на разнообразие языков, на которых они говорят (Швейцария)» [10].

Правомерно будет, на наш взгляд, опираться на принятое международным сообществом понимание нации как социального организма, скрепленного прочными узами и объединенного общим желанием «приумножать полученное неделимое наследие», включая сохранение и защиту прав нации.

Каковы были взгляды прометеевцев на понятие нации? Александр Шульгин считает, что формированию нации предшествует длительный исторический отрезок времени. Так, например, французская нация сформировалась в течение ряда веков под бдительным оком короля [11], а это означает, что народ может сформироваться в нацию при строго определенных условиях.

Мнения Александра Шульгина и Мустафы Чокая совпадают в том, что формирование нации в странах, где народ неоднороден по своему происхождению, зависит не только от исторического отрезка времени, но и от того, насколько с течением времени стала высока степень спаянности представителей разных национальностей, проживающих в границах общегосударственной территории. И таким цементирующим элементом является уровень общей и политической культуры, а начальной ступенью в достижении культуры сожителства является чувство толерантности, перерастающее затем в чувство взаимного уважения. Именно эти факторы предшествуют рождению единой нации в рамках единого государства.

Могло ли зародиться такое цементирующее начало в отношениях между народами Центральной Азии и России или же между китайским народом и туркестанскими тюрками? Прометеевцы подкрепляют свои рассуждения конкретными примерами.

На страницах *La Revue de Prométhée* Мустафа Чокай делает экскурс в историю вопроса, дает общую картину того, как начинали «строить отношения» с местным населением Туркестана русские политические силы: «Год 1919-й. Две силы. Обе русские. Одна из них — красный империализм, другая — империализм белых контрреволюционеров. Обе одинаково враждебны по отношению к

национально-освободительному движению нерусских народов, проживающих в границах распавшейся русской империи. Обе оспаривали пальму первенства в борьбе, которую они вели против угнетенных масс, только что выбравшихся из “тюрьмы народов”.

Для белых вообще недопустима была сама мысль о существовании национализма (то есть национального чувства — *Б.С.*) других народов, кроме русского национализма. Они называли “большевиками”, то есть врагами России, всех тех, кто не признавал “святую Русь, единую и неделимую”, ту Россию, где инородцы были бесправны де юре и де факто. Для белых “освободителей” любой нонконформизм граничил с предательством и как таковой пресекался.

Красные же (большевики), придя к власти с лозунгом и требованиями свободы самоопределения народов вплоть до отделения от России, сразу же “вывернули свою одежду наизнанку”, чтобы затем с невероятной быстротой пустить пыль в глаза мировому сообществу. Они по-своему реализовали “священные права революционных свобод” в тех окраинах бывшей империи, где народы жили надеждой на получение независимости. Их методы отличались оперативностью. “Белыми” они прозвали всех, кто не был согласен принять право на “самоопределение” в понимании Советов. К тому же белые были обвинены пресловутым ЧК в “мерзком преступлении, став агентами Антанты”» [12].

Не уступал России в жестокости и Китай, сумевший покорить восточную часть Туркестана (китайское название — Синь-Цзянь). История колонизации Восточного Туркестана Китаем компактно и емко изложена Мустафой Чокаем в его статье «Восточный Туркестан» [13]. «Этот огромный край имеет территорию, достигающую полутора миллиона квадратных километров. На севере он граничит с Монголией; на западе — с советским Туркестаном (Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном); на юго-востоке — с Афганистаном; на юге — с Индией и Тибетом; на востоке — с китайскими провинциями Кан-Су и Чинхай. Основная масса населения — тюрки, идентичные тем, которые проживают в советском Туркестане. Тюрки, проживающие в южной части края, Кашгарии, часто называемой собственно Восточным Туркестаном, называют себя уйгурами, тогда как на севере в Джунгарии они называют себя так же, как жители советского Казахстана и Киргизстана. По своим родовым и религиозным истокам, а также языку и правам тюрки Восточного Туркестана и тюрки советского Туркестана составляют единый народ.

Китай давно наложил свою тяжелую руку на Восточный Туркестан, и в 1765 г. он полностью завершил его завоевание. Нескончаемые братоубийственные войны создали для этого благоприятные условия, тем более что имели место внутренние раздоры не только между населявшими регион тюрками, монголами (торгут-калмыками, которых русские историки называют джунгарами), дунганями; нескончаемы были и кровавые соперничества между самими тюрками и правящей династией Аппак-Ходжа, или Ходжа. Нет, по-видимому, в мире такой страны, которая не воевала бы так часто и с таким постоянством против завоевателей, как Восточный Туркестан. В течение первых 60-ти лет XIX-го в. тюрки Восточного Туркестана десять раз (!) восставали против Китая, несмотря на репрессии, которые велись со свойственной только китайцам жестокостью» [14].

Мустафа Чокай цитирует Певцова — руководителя экспедиции, побывавшей в Восточном Туркестане: «Многочисленное население города Кашгара, подоз-

реваемое в верности Ходже (речь идет о Ходже Валихане, законном наследнике Кашгарского ханства), было истреблено, а головы убитых, нанизанные на шести, были выставлены в клетках вдоль дорог, ведущих к воротам города. Мечети претерпели в конюшни, над мужчинами издевались, женщин насиловали...»^{*}.

Туркестанский лидер отмечает, что эти проявления бесчеловечности вовсе не умилили пыл восточно-туркестанских тюрок; они продолжали упорствовать и при новом удобном случае вновь восставали против угнетателей. Если даже не принимать во внимание родовую и религиозную формы антагонизма между тюрками и китайцами, то даже сам по себе китайский режим с его непередаваемой жестокостью и бесчеловечностью толкал их к мятежу [15].

В изучении вопроса Мустафа Чокай ссылается также на записи Чокана Валиханова — одного из первых исследователей Восточного Туркестана, чье мнение в данном вопросе он считает очень авторитетным: «Чокан Валиханов в 1858 г. объехал территорию Восточного Туркестана под видом секретного агента русского правительства и подытожил свои впечатления: «Непосильные налоги, бесконечные поборы, ростовщичество, притеснения со стороны китайцев и беков, назначаемых ими. — все это приводит в отчаяние население «шести городов»»^{**}.

Тюрки возненавидели китайцев и их наместников. Сами китайцы, живя в окружении враждебного к ним населения, вымещают злобу на народе, проявляющем молчаливую терпимость и утешающем себя мыслью о мести, которая не минует китайцев, когда вернется Ходжа. Китайцы доверяют только тем, кто притесняет людей, и, соответственно, не имеет ничего общего с этим народом. Совпадение интересов чиновников и интересов населения встревожило бы китайцев и стало бы для них угрозой. Таковы причины, которые превратили родовую и религиозный антагонизм в глухую ненависть, ставшую пропастью между тюрками-мусульманами Восточного Туркестана и китайцами», — заключает Мустафа Чокай^{***}.

Колонизация — это насильственный захват чужих стран и территорий и установление в них жестоких колониальных режимов в целях ограбления и эксплуатации коренного населения, хищнического использования природных ресурсов. В этих условиях полностью исключается возможность появления цементирующего начала между народом страны-колонизатора и народом колонизированной страны.

О национальном чувстве

Что же касается *национального чувства*, включая его высшую точку — патриотизм, то оно под влиянием внешнего контекста может либо усиливаться в момент нависшей угрозы (к примеру, период Жанны д'Арк во Франции), либо ослабевать, как это случилось тогда, когда Людовик XIV заявил: «Государство — это я», сочтя тем самым народ как нечто, не имеющее отношения к управлению государством. Таким же фактором, ослабившим национальное чувство французов, был нахлынувший в XVIII в. космополитизм [16].

^{*} Мустафа Чокай ссылается в указанной работе на: Pevtsov — chef de l'expédition au Thibet. Voyage au Turkestan oriental, le Kouen-Loun, le versant nord du plateau de Thibet et la Dzoungarie. — Saint-Petersbourg, 1895.
^{**} Шесть городов («Алты-Шахар») — так иногда называют южную часть Восточного Туркестана — Кашгарию (примечание Мустафы Чокая).
^{***} Мустафа Чокай ссылается на: Oeuvres de Tchokan Valikhanov. — Saint-Petersbourg, 1904.

В СССР Сталин для упрочения своей власти манипулировал национальным чувством (национализмом) русских рабочих и крестьян, представлявших самую малообразованную часть населения. Русский национализм, превращенный им в доктрину, стал инструментом подавления народов национальных окраин. Проявление национальных чувств нерусских народов преследовалось как буржуазный национализм, которому был противопоставлен пролетарский интернационализм.

В этой связи представляется достойным внимания мнение современных исследователей, которые указывают, что при сталинском тоталитаризме, породившем эгократию, истоки верховной власти исходили не от народа, а ее выражение не было подчинено процедурам, закрепленным законами. Если Людовик XIV идентифицировал себя с государством, то эгократия Сталина завела его еще дальше — он идентифицировал себя со всем обществом [17].

А. Шульгин, приводя различные мнения по вопросу о национализме и интернационализме, указывает, что идея пролетарского интернационализма, проповедовавшаяся в Манифесте Маркса и Энгельса, не сумела пройти проверку жизнью. Он оппонирует Марксу и Энгельсу в этом вопросе, приводя мнение австрийских социалистов Отто Бауэра и Карла Реннера⁴, которые вынуждены признать наличие у каждого народа национального чувства, охватывающего и буржуазные слои, и пролетариат. Национальный дух, как они признают, сильнее чувства, пропагандируемого известным лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Еще более сильным оппонентом авторов Манифеста, по утверждению А. Шульгина, является Жан Жорес — руководитель французской социалистической партии, основатель газеты «Юманите», который в ответ на утверждение Маркса и Энгельса о том, что «пролетариат не имеет родины» (то есть пролетарский интернационализм не признает границ), заявляет: «Истина в том, что везде, где есть родина, то есть исторически сформировавшиеся группы, осознающие преемственность и единство, всякое посягательство на свободу и целостность родины является покушением против цивилизации, возвращением в варварство» [18].

А. Шульгин отмечает: «Если некоторые сторонники идей Жореса “вернулись в варварство”, то это ясное заявление одного из видных деятелей движения социалистов XX в. доказывает, что дух интернационализма потерпел провал даже в этом кругу космополитов» [19].

Высшим проявлением национального чувства является патриотизм. Шульгин опирается на высказывание великого Руссо, утверждавшего, что «чувство патриотизма делает из человека доброго гражданина. Без этого чувства государство не может нормально существовать: это чувство является единственно глубоко моральным». «Руссо тем самым отвергает космополитизм в силу невозможности любить весь мир», — заключает Шульгин [20].

Завершая полемику, Александр Шульгин задается вопросом «Всегда ли необходим патриотизм?» и отвечает на него так: «Парадоксально, что для ответа на него мы прибегнем к словам русского автора, хотя именно русские противостоят самым злым образом национально-освободительному движению прометеевских народов:

⁴ Отто Бауэр и Карл Реннер — лидеры австрийской социал-демократии и 2-го Интернационала.

Градовский* абсолютно уверен, что основным условием человеческого прогресса является существование в мире большого числа народов, и каждый народ при этом должен сохранять свои национальные особенности: «Желание унифицировать земную цивилизацию, придать однообразие интеллектуальному (или скорее культурному) развитию противоречит основному условию человеческого прогресса»» [21].

Как же ускорить выход из «пучины социальной деградации»? Ответом на данный вопрос может быть утверждение Мустафы Чокая о необходимости единения народа Туркестана на основе принципа демократического национализма, что по своей сути есть, по его словам, не что иное как «формирование духа здорового национального демократического государства» [22].

Точка зрения Мустафы Чокая и А. Шульгина совпадает с точкой зрения русского юриста А.Д. Градовского**, считавшего, что «каждая нация имеет право развиваться самостоятельно, то есть самому создавать собственную историю». Это право, по его глубокому убеждению, «укоренено в невидимых законах нравственности человеческого существа. И оно оправдано самим ходом мировой истории. Но это право могло бы остаться мертвым словом, если бы оно не было поддержано внешними условиями, то есть политической независимостью народа. Для реализации возможности развиваться самостоятельно интеллектуально, морально и экономически каждый народ должен создать свое государство, иметь собственную суверенную власть» [23].

Таким образом, скорейший выход из социальной деградации зависит во многом от уровня политического сознания народа.

Шульгин подкрепляет эту мысль высказываниями Ле Фюра, предупреждающего, что «смешанное государство, которое не опирается на национальные умы, всегда слабее» [24], и Михаила Драгоманова***, который указывает, что «национальный дух не должен исключать идею согласия всех народов, свободных и равных», а для реализации своего права «народ должен проявить сильную, единогласную, непоколебимую волю» [25].

Все изложенное позволяет заключить, что патриотическое чувство народа зависит от того, насколько в каждом гражданине присутствует его Родина.

Выводы

Степень спаянности отношений внутри общностей, называемых народом и нацией, различна: она высока внутри нации и слаба внутри народа. Формирование нации находится в прямой зависимости от уровня общей и политической культуры социальной общности, а также от характера ее общей исторической памяти и соблюдения принципа демократического национализма.

Что касается национального чувства, то оно может усиливаться либо ослабевать в зависимости от внешнего контекста (наличие/отсутствие внешней угрозы государству). Однако ни одно государство не может существовать без высшего проявления национального чувства у своих граждан — патриотизма.

* Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889) — историк, публицист, профессор, автор трудов по истории права и государственных учреждений России, государственного права западноевропейских стран.

** А. Шульгин характеризует А.Д. Градовского как одного из лучших специалистов по данной проблеме.

*** А. Шульгин называет Михаила Драгоманова «видным политическим идеологом Украины конца XIX в.».

ЛИТЕРАТУРА

1. Международное право. Словарь-справочник. — М., 1997. — С. 174.
2. Советский Энциклопедический Словарь. — М., 1980. — С. 870, 879—880.
3. Bennigsen, A., Quelquejay, Chantal Lemerrier. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union soviétique. — P., 1981. — Pp. 81—82.
4. Мария Чокай. Я пишу Вам из Ножана... (воспоминания, письма, документы). — Алматы: Қайнар, 2001. — С. 28.
5. Ресейдегі ұлттық мемлекет мәселесіне орай. Яш Түркістанның. 92—93 сандары. 1937 ж. Мустафа Шоқай. Таңдамалы. 2-ші том. — Алматы: Қайнар, 1999. — 121—124 бб.
6. Choulguine, A. La nation et le sentiment national // La Revue de Prométhée. — T. I, No. 1, 1-er octobre 1938. — Pp. 58—67.
7. Ibid. P. 58.
8. Ibid. P. 61.
9. Международное право. Словарь-справочник...
10. Choulguine, A. Op. cit. Pp. 59—60.
11. Ibid. P. 61.
12. Tchokay, M. S'avenir... incitant à l'action. 1919 — novembre — 1939. La Revue de Prométhée. T. III, No. 7, 1-er décembre 1939. — Pp. 9—10.
13. Tchokay, M. Le Turkestan Oriental. La Revue de Prométhée. T. II, No. 1 (3). 1-er février 1939. — Pp. 93—102.
14. Ibid. Pp. 93—95.
15. Tchokay, M. Op. cit. P. 95.
16. Choulguine, A. Op. cit. P. 61.
17. Lefort, C. L'invention démocratique. Les limites de la domination totalitaire. — P., Fayard, 1994. — P. 127.
18. Choulguine, A. Op. cit. Pp. 62—63.
19. Ibid. P. 63.
20. Ibid. P. 65.
21. Ibid. Pp. 66—67.
22. Tchokay, M. Les buts et les tendances du mouvement nationaliste au Turkestan. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série E, sous-série Russie d'Asie, dossier 39, ff. 218—219.
23. Choulguine, A. Op. cit. P. 64.
24. Ibid.
25. Ibid. P. 66.

Медресе «Расулия» как центр мусульманской культуры и образования в Северном Казахстане и Приуралье во второй половине XIX — начале XX в.

ШАБЛЕЙ П.С.

Город Троицк, основанный в 1743 г. на окраине Российской империи как важный торговый пункт и стратегический опорный рубеж на границе с Казахстаном, стал в XIX в. крупным религиозным и культурным центром Приуралья и Северного Казахстана. Этому способствовало удачное географическое положение уездной столицы Оренбургской губернии. Троицк располагался на перекрестке торговых сообщений и почти на границе между Европой и Азией. Через город протекали пути различных послов, паломников и купцов. Это способствовало культурно-бытовой коммуникации народов Центральной Азии, Урала, Поволжья. Частота и глубина контактов усиливали понимание различных образов мыслей, жизненных укладов и культуры. Сравнительно небольшое количество общеобразовательных школ и отсутствие средних и высших учебных заведений* приводили во второй половине XIX в. учащуюся молодежь из Казахстана, Урала и Башкирии в Троицк [1].

Высокая плотность мусульманского населения в Троицке** (преимущественно татары и башкиры) предопределила доминирование в образовательной сфере исламских конфессиональных учебных заведений [2]. В городе перед революцией 1917 г. было шесть медресе. Наибольшую известность имели: «Мухаммадия», «Галия» и «Расулия». Из них самой популярной была последняя. Интересно, почему? Ведь более передовой, по мнению местных краеведов, считалась «Мухаммадия», в которой изучались многие предметы, входящие в курс общеобразовательной средней школы. В том числе и русский язык [3]. Между тем, если перед первой мировой войной учащихся в «Мухаммадие» было около 250-ти человек, то контингент «Расулии» в 1913 г. составлял, по разным данным, от 300 до 400 шакирдов [4].

* По данным Т.Т. Тажибаева, в Тургайской области Казахстана на конец XIX в. охват образованием учащихся школьного возраста был незначительным. Так, в 1890 г. на 341 648 человек населения приходилось всего 95 школ с числом учащихся 582. Таким образом, на одну школу приходилось 3838 человек. Кроме того, во второй половине XIX в. на территории Казахстана новометодных мусульманских школ еще не было.

** По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. в Троицком уезде Оренбургской губернии мусульманского населения было 17 286 человек. Если учитывать, что значительная часть татарских и башкирских мусульман проживала в городах, то становится понятным доминирование интеллектуального ислама в общественной жизни Троицка.

Большую известность троицкое медресе «Расулия» приобрело благодаря своему основателю и покровителю — ишану, мудarrisу и имам-хатибу Зайнулле Расулеву. Ишан З. Расулев своей разносторонней просветительской, религиозной, культурной и другой общественной деятельностью завоевал себе огромный авторитет и уважение среди народов не только Урала и Казахстана, но и всего мусульманского мира Российской империи. Газета «Вақыт», издававшаяся в Оренбурге, назвала его в посмертном некрологе «духовным королем нации» [5]. В ряде научных работ он именуется самым великим накшбандийским шейхом Волго-Уральского региона [6].

Несмотря на свою принадлежность к суфизму, З. Расулев известен как сторонник реформы системы мусульманского образования в духе джадидизма. Открытое им медресе «Расулия», по мнению французского историка А. Бенигсена, было одним из лучших академических институтов в мусульманском мире [7]. Более того, многие исследователи (М.Н. Фархшатов, Я.Г. Абдуллина, З. Ишмухаметов) причисляют это учебное заведение к джадидистским [8]. В этой связи трудно установить соответствие между идеологией исламского мистицизма, связанной с именем основателя троицкого медресе «Расулия» и нацеленной (как это было веками характерно для суфизма) на отказ от активной общественной жизни, проповедь традиционных исламских ценностей и четкое соблюдение религиозно-обрядовой практики, и теми общественными переменами, захлестнувшими мусульманский мир Российской империи в конце XIX — начале XX в.

Решение противоречия скрыто в личности самого З. Расулева и того суфизма, который он представлял. Его религиозный облик и духовная деятельность уже в полной мере не соответствовали тому классическому образу мусульманского мистика с чрезмерными религиозными обрядами, консервативной и жестко регламентированной структурой общин. Огромное влияние, оказанное на него его учителем — стамбульским шейхом ордена Накшбандийа Ахмедом Зияутдином Гюмешханеви, стало переломным в жизни и мировоззрении З. Расулева. Гюмешханеви призывал вести борьбу с деградацией науки, изучать научные труды и биографии ученых, создавать библиотеки и вести активную общественную деятельность [9]. После возвращения из своего второго хаджа, во время которого у троицкого ишана состоялось свидание со своим духовным наставником, им было основано медресе «Расулия». Именно религиозно-общественная деятельность таких шейхов, как З. Расулев, позволила французскому историку Тьерри Зарконе рассматривать урало-поволжский суфизм второй половины XIX — начала XX в. как одно из проявлений исламского реформаторства [10].

В этом плане важно уточнить: как З. Расулеву, будучи дважды преследуемому властями за деятельность, якобы несоответствующую нормам шариата, удалось добиться крупных прогрессивных результатов в религиозной и просветительской деятельности, приблизив свое учебное заведение ко многим джадидистским начинаниям.

Во второй половине XIX — начале XX в. политика правительства Российской империи в отношении мусульманских конфессиональных учебных заведений носила неопределенный характер. Власти просто не знали, как можно ими эффективно управлять при слабом понимании их назначения и места в жизни мусульман и поэтому совершенно оставили без внимания. Только в 1874 г. мектебы и медресе подчинили Министерству народного просвещения, хотя от этой реформы самой

по себе многого и не ждали. Это свидетельствовало лишь об усилении контроля и внимания за некоторыми обязательствами и ограничениями, введенными правительством. Главными из них были: обязательное наличие русских классов при медресе, запрет преподавать в них лицам, учившимся за границей, запрет на использование рукописных учебников и т.д. [11].

На основании циркуляра Министерства внутренних дел от 3 августа 1892 г. учреждение магометанских конфессиональных школ было поставлено в зависимость от разрешения подлежащих директоров народных училищ. Согласно мнению Комитета Министров, Положение 1892 г. «поставило дело магометанского Духовного обучения в положение еще более неустойчивое, во многом зависящее от личного усмотрения (в основном заведующего — Ш.П.), изменчивого по месту и времени своего применения» [12]. Более того, в Правилах о начальных училищах для инородцев, живущих на восточной и юго-восточной территории России, утвержденных 14 января 1906 г. министром народного просвещения И.Д. Толстым, было отмечено, что «знания заведующего вероисповедным училищем по соответствующим вероучениям контролю инспекции не подлежат» [13]. Таким образом, можно согласиться с мнением М.П. Фархшатов, утверждающего, что «медресе в отличие от европейских учебных заведений не имело школьно-правового статуса и всецело зависело от заведующего, который мог оказать на его традиционную программу ощутимое влияние» [14]. Государство не только не вмешивалось во внутренние дела мусульманского образования, но и отказало ему в финансовой поддержке. Фактически конфессиональные исламские учебные заведения были обречены на саморазвитие*. Такое положение вещей, на наш взгляд, только ускорило в ряде регионов Российской империи (Поволжье, Урал, Крым) беспрепятственное продвижение джадидистской реформы.

В 1893 г. в медресе «Расулия» вместо буквослагательного был принят новый, фонетический, метод обучения. З. Расулев по этому поводу даже издал фетву, утверждавшую, что «троицкие ученые не имеют возражений в вопросе расширения программы медресе за счет включения светских наук при условии, что основой учебного курса будут оставаться дисциплины по изучению Корана и Сунны» [15]. И, действительно, в начале XX в. программа преподавания в медресе «Расулия» включала не только вероучение, татарский, арабский языки, чтение, чистописание, заучивание и толкование Корана и хадисов, но и математику, российскую, татарскую и всеобщую историю, историю ислама, мусульманское право, логику, гигиену, географию, естествознание, физику, химию, зоологию и педагогику [16]. Брошюра, в которой была опубликована фетва З. Расулева и его коллег, неоднократно переиздавалась и стала решающим фактором в повсеместном внедрении нового фонетического метода в конце первого десятилетия

* По свидетельству В.С. Дякина, «Министерству просвещения мешало поставить под контроль мусульманские конфессиональные школы Министерство внутренних дел, боявшееся усиления недовольства мусульман и нового переселения татар за пределы России» (см. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. — 1996. — №11-12. — С. 140). С другой стороны, вполне разумным представляется расчет имперской политики держать мусульманское образование на крайне низком уровне, сохраняя его религиозно-схоластический характер. Об этом откровенно заявляется в секретном письме временно управляющего Министерством народного просвещения от 24 февраля 1902 г. на имя попечителя казанского учебного округа. В нем написано: «Будет вполне правильным предоставить мусульманское учебное дело самому себе вне всякого стороннего воздействия в смысле улучшения и реформы этих учебных заведений, воспитывающих по принципу враждебных нам деятелей. Предоставленные самим себе мусульманские школы будут по-прежнему пользоваться рутинной, которая обрела на застой мусульманскую школу... Не представляется никаких оснований к вмешательству в учебную часть мусульманских школ органов Министерства народного просвещения» (см. Ишмухаметов З. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. — Казань: Татарское книжное издательство, 1979. — С. 124).

XX в. Согласно мнению профессора Калифорнийского университета Х. Алгара, именно благодаря З. Расулеву Троицк превратился в основной образовательный центр мусульман Российской империи [17].

Мударрис Зайнулла, который, помимо прочей деятельности, сам преподавал в своем учебном заведении, был противником схоластики, господствовавшей тогда в религиозных школах ислама, поэтому в его медресе лучшие учащиеся не столько зубрили традиционную логику и калам, сколько постигали суть учения пророка Мухаммада по первоисточникам — Корану и хадисам, а также по новаторским трудам Г. Курсави и Ш. Марджани. При медресе имелась богатая библиотека, которой З. Расулев завещал бесценную коллекцию своих книг и 3,5 тыс. руб. в вакф [18].

Однако наличие некоторых джадидистских принципов еще не дает полного основания безоговорочно причислять учебное заведение к совершенно обновленному. Многие медресе, сочетавшие старые и новые формы и методы обучения, невозможно самостоятельно классифицировать. Исключением не являлась и «Расулия». Скорее это было учебное заведение смешанного типа, или половинного, как заметил Х. Алгар [19]. По словам троцкого историка Р.Н. Гизатуллина, это медресе сочетало кадимистские и джадидистские черты, традиционное и новаторское в обучении [20].

Установление соответствия между джадидистскими принципами обучения и организацией учебного процесса в «Расулие» дает нам более полную картину. Так, например, за счет сокращения часов на изучение богословия во многих джадидистских медресе был расширен курс светских дисциплин, введен русский язык, а в некоторых даже французский и немецкий («Хусаиния», «Галия»). В медресе «Расулия», по данным Ж. Абызгильдина и С. Султанова, хотя богословие и сократилось, но программы по светским, в первую очередь в старших классах, значительно уступали программе «Хусаинии» [21]. Кроме этого, в статье «Мусульмане в Троицке», помещенной в газете «Сибирия» (№77 от 15 февраля 1913 г.), со слов журналиста, побывавшего в медресе «Расулия» в 1914 г., сообщается: «Арабский язык и другие науки преподаются хорошо. В медресе «Расулия» русский язык не преподается». Здесь также высказывается мысль о том, что медресе Зайнулли-ишана было далеко до превращения в светское учебное заведение. Журналист пишет: «Нельзя, однако, сказать, что в этом медресе совсем нет ишанского духа. До настоящего времени мы живем, еще не основываясь на нашем святом желании и усердии, а надеясь лишь на молитву» [22].

Были и другие обстоятельства, влияющие на уровень и качество учебного процесса в мусульманских учебных заведениях. Самое существенное из них — отсутствие финансовой поддержки со стороны правительственных органов. Материальную поддержку в основном оказывали богатые купцы, прогрессивные деятели национальной интеллигенции. В этом отношении бюджет «Расулии» в сравнении с некоторыми другими реформированными повышенными мусульманскими школами был невелик. Основанное на средства казахского бая Алтынсарина и имама Зайнуллы (19 тыс. руб.), оно обзавелось двумя главными зданиями [23]. Заметим, что на строительство медресе «Галия» в Уфе было затрачено 40 тыс. руб. При этом в 1910—1911 гг. в ней обучалось всего 227 учеников [24] (по данным газеты «Сибирия», в «Расулие» в 1913 г. училось около 400 шакирдов [25]). Другое повышенное мусульманское учебное заведение «Хусайния» получало из

рук меценатов ежегодный доход от 18 до 25 тыс. руб., что позволяло содержать прекрасно оборудованные учебные кабинеты, библиотеку и пансионат, а также привлекать к преподаванию авторитетных педагогов (Р. Фахретдинова, М. Бигиева, З. Кадири, Ф. Карими и др.) [26].

Несомненно, все описанные нами обстоятельства сыграли свою субъективную роль в развитии мусульманского образования не только в «Расулие», но и в других конкретных случаях. Неупорядоченность учебного процесса, различная степень преобразований и наличие ряда неблагоприятных факторов были обусловлены объективно сложившимися во второй половине XIX — начале XX в. тенденциями в образовательной политике конфессиональных исламских школ. Отсутствие единой программы преобразований, единой образовательной политики, а следовательно, и общего координационного образовательного центра придало процессу реформирования мусульманских заведений вполне самобытный импровизированный характер. Его эффективность и глубина зачастую зависели от этноконфессиональных традиций общества и экономических возможностей тех или иных лиц. Вместе с тем конфессиональные исламские повышенные школы, не имея государственной поддержки и финансируясь на частные средства, фактически были предоставлены самим себе. Поэтому выделять «чистые» типы мусульманских учебных заведений (джадидистское или кадимитское) без разбора внутренних особенностей довольно сложно.

Близкое расположение Троицка к казахским степям, а также на юго-востоке Приуралья (на достаточном удалении от других мусульманских образовательных центров: Оренбург, Уфа, Казань) влекло сюда студентов из татар, башкир и казахов. Веками эти народы жили бок о бок, ведя сходный образ жизни, исповедуя одну религию, заимствуя друг у друга некоторые элементы культуры. Таким образом, сложился практически единый этнокультурный регион, включающий Северный и Северо-Западный Казахстан, Приуралье, отчасти Поволжье (особенно та территория, которая граничила с Буковской ордой до ее упразднения). Отсутствие сильных различий в языке, религии, обычаях; смешанный этнический состав предопределили относительно свободное совместное проживание татар, башкир, казахов. Усилившиеся в XIX в. культурные контакты (досуг, учеба, миссионерская деятельность, межэтнические браки) между этими народами подчеркнули равенство их статуса и прав в области не только культурно-национального самоопределения, но и политического.

Крупным очагом межкультурной взаимосвязи стало в конце XIX — начале XX в. медресе «Расулия». З. Расулев, будучи человеком весьма образованным и имеющим среди друзей и последователей представителей различных народов, попытался в своем учебном заведении организовать свободный диалог с общемусульманской, татарской, казахской, башкирской, русской и западноевропейской культурой. В брошюре «Новый метод и троичские ученые» ишан-просветитель восклицает: «У народа, исповедующего общую религию, разговаривающего на одном языке и имеющего единое происхождение, не должно быть спора ни по какому вопросу» [27]. В разные годы в медресе «Расулия» обучались: выдающийся татарский поэт М. Гафури, известный общественный деятель и первый муфтий Башкортостана М. Халиков, великий казахский писатель С. Торайгыров, казахский и татарский поэт, писатель, заместитель редактора журнала «Айкап» А. Галимов, «сын» трех народов (башкирского, казахского, татарского) поэт

М. Акмулла, татарский журналист и педагог Х. Искендеров, каракалпакский поэт Ажинияз Косыбай-улы и др.

Бесспорно, многих прогрессивных деятелей этой сложной эпохи привели в «Расулию» новые методы обучения, а также довольно невысокая оплата — 8 руб. за весь курс. Например, для сравнения, в медресе «Хусайнийя» средняя плата составляла 100 руб., в «Галие» — 15 руб. [28]. Поэтому появлялась возможность продолжить свое образование по новому методу у сына бедняка — казахского писателя С. Торайгырова, учившегося в медресе Зайнуллы-ишана [29]. М. Гафури*, будучи тоже из несостоятельной семьи, прошел пешком из Троицка 500 верст, томимый желанием получить хорошее образование [30].

Среди многих известных шакирдов, учившихся в медресе «Расулия», довольно яркий след в общественной жизни Приуралья, Башкирии и, особенно, Казахстана оставил поэт А. Галимов (1892—1913). Совсем в юном возрасте (21 год) уйдя из жизни, этот человек запомнился самой разнообразной просветительской культурой, общественной деятельностью. Ее значение, проживи он еще немного времени, могло бы поставить его в ряд с выдающимися представителями как казахского, так и татарского просвещения и культуры, с такими, например, как И. Алтынсарин, А. Кунанбаев, М. Гафури, Ф. Акмулла, К. Насыри и др. Галимов родился в городе Акмолинске в татарской семье. Учился в медресе шейха З. Расулева в Троицке. Затем работал заместителем и секретарем первого казахского журнала «Айкап». С раннего возраста и в годы учебы А. Галимов писал стихи на татарском и казахском языках, перевел на казахский язык ряд произведений русских и западных поэтов. Его труды публиковались на страницах «Айкапа» и татарского «Акмуллы» под псевдонимом «Шала татар». А. Галимов — автор одноактной комедии «Проблема масла», впервые поставленной на сцене самодеятельного театра в Кустанае, где он некоторое время работал учителем [31].

Другим выдающимся учеником троичского медресе «Расулия» был известный поэт, мыслитель и педагог М. Акмулла. Его называли «соколом» трех народов — башкирского, казахского и татарского. После непродолжительной учебы в знаменитом Стерлибашевском медресе Акмулла приезжает в медресе Зайнуллы-имама [32]. Известно, что они были хорошими друзьями**. Наличие в «Расулие» четко спланированного учебного года позволяло шакирдам иметь много свободного времени, в течение которого Акмулла самостоятельно изучает персидский и арабский языки, увлеченно читает восточных классиков. Как и многие студенты, летом он учительствует в ближайших казахских аулах и зарабатывает деньги на зиму [33]. В ходе своей насыщенной жизни и деятельности Мифтахетдин у себя на родине обретает славу башкирского поэта, а в Казахстане он становится известным казахским акыном. В Кустанайском, Троицком, Акмолинском и Петропавловском уездах Акмулла обучал грамоте казахских детей. Простые казахи получили учителя, искреннего поэта, признали его высокограмотным и образованным человеком и стали называть его Акмуллой (праведный учитель) [34].

Учениками медресе «Расулия» были не только выдающиеся поэты, писатели, педагоги, но и крупные общественно-религиозные деятели. Одним из таких яв-

* Мажит Гафури хотел поступить учиться в медресе «Османия», но у него не хватило средств.

** Это подтверждают воспоминания внука З. Раулиева Аттилы Расиха. Он пишет: «Известно о том, что популярный поэт татарского, башкирского, казахского народов Акмулла был близким другом моего деда» (см. Насыров Р. Трагическая судьба поэта // Ватандаш. — 2005. — №9. — С. 149).

ляется Мансур Халиков — первый муфтий Башкортостана и крупный просветитель. По словам башкирского ученого-краеведа Г.Г. Шафикова, «после того, как (Халиков — Ш.П.) блестяще его окончил, хозяин учебного заведения сделал ему лестное предложение остаться при медресе, став его учителем. Но выпускник отверг предложение ишана, вернулся в родное Утяшево. Он видел неминуемый конец своего отца и сразу стал активным его помощником в плане ведения дел в утяшевском медресе [35].

Биографические данные М. Гафури воспроизводят картину общественной жизни в учебном заведении З. Расулева. Сам поэт и его друзья читали и распространяли в медресе передовую по тем временам джадидистскую газету «Тарджеман». Шакирды знакомились также с произведениями татарского педагога К. Насыри, с трудами Р. Фахрутдинова, Ф. Карими [36]. Таким образом, расширялись не только интеллектуальный кругозор молодежи, но и отслеживались и осмысливались перемены, происходящие в общественно-политической жизни мусульманского мира.

Ориентация З. Расулева на рациональные методы обучения и изучение светских дисциплин повлекли за собой активизацию научной деятельности студентов. В троицком медресе возникла в 1901 г. шакирдская организация «Жамгыяты гыйльмия» («Научное общество»), которое просуществовало, правда, всего с 1901 по 1902 г. Его лидерами были будущий поэт М. Гафури, журналист и педагог Х. Искандеров. Члены организации занимались распространением среди сокурсников передовых для того времени идей и знаний [37].

Многое из сказанного наталкивает на противоречивые рассуждения, но не следует забывать о противоречивом характере самой эпохи и людей, которые в ней жили. С одной стороны, такие личности, как З. Расулев, были убежденными гуманистами, сторонниками реформы образования, критиковали фанатизм и схоластику, но, с другой — выступали против полной секуляризации и демократизации конфессиональной школы, отстаивали традиционную логику религиозно-бытового сознания, что замедляло становление светской системы образования в Башкирии, Приуралье, Казахстане. Но это не показатель отсталости, а скорее фактор этнокультурной и конфессиональной природосообразности. Народы рассматриваемого нами региона к концу XIX в. практически полностью сохранили свою национальную и культурную идентичность, выражавшуюся в соблюдении народных обычаев, исповедовании того ислама, который был популярен у кочевого и полукочевого населения (народно-бытовой в отличие от интеллектуально-городского). Поэтому смешанный тип таких учебных мусульманских заведений, как «Расулия», очень удобно вписывался в среду региона. Троицкое медресе служило своеобразным мостиком (а не трамплином), направленным на эволюционную модернизацию общественного сознания. Как правило, с такой задачей лучше всех справляется не революция, и не войска, а образование. Таким образом, существенное значение медресе «Расулия» заключается в его культурно-просветительской деятельности. Народы Башкирии, Урала, Казахстана видели в нем, прежде всего, очаг образованности, знаний и передовой культуры. Вместе с тем, в условиях колониальной политики Российской империи, обусловленной экспансией христианской религии, культуры, троицкое медресе выполняло вполне идеологическую задачу — борьбу за умы верующих, то есть исламизацию населения. Польза от этих действий заключалась в способности ислама ханифитского толка сохранять культурно-ценностные ориентации и традиции народов края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. — Алма-Ата, 1962. — С. 23.
2. Исхаков Д.М. Татары (популярный очерк этнической истории и демографии). Набережные Челны: Камаз, 1993. — С. 48.
3. Гизатуллин Р.Н. Мусульманские учебные заведения в дореволюционном Троицке // Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. «Россия: взгляд изнутри». — Челябинск, 2005. — С. 97; Абубакирова М.Т., Шамсутдинов И.В., Хасанжанова Р.В. Историю оставить народу своему. — Троицк: ЗАО «Типография им. Сыромолотова», 2002. — С. 75—82.
4. Остроумов Н.П. Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мусульманский мир. — 1913. Т. 2. Вып. 6. — С. 459; Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев — последний Великий Шейх суфийского братства Накшбандия в Волго-Уральском регионе // Ватандаш. — 1998. — №9. — С. 133.
5. Ишмухаметов З. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. — Казань: Татарское книжное издательство, 1979. — С. 57.
6. Алгар Х. Указ. соч. С. 131.
7. Бенишесен А., Лемерси-Келькеже М. Суфии и комиссары (гл. Ислам в Советском Союзе) // Деловая неделя. — 2006, 17 февраля. — №6. — С. 10.
8. Очерки истории татарской общественной мысли. — Казань: Татарское книжное издательство, 2000. — С. 147; Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60—90 гг. XIX в. — М.: Наука, 1994. — С. 94; Ишмухаметов З. Указ. соч. С. 142.
9. Ислам на европейском Востоке: Энцикл. сл. / под ред. д.и.н. Р.А. Набиева. — Казань: Магариф, 2004. — С. 279.
10. Тьерри Зарконе. Суфизм в татарском мире в начале XX в. // Панорама-Форум. — 1997. — №12. — С. 51.
11. Гильмутдинов Д.Р. Ислам и государство в Средневолжском регионе в 1870—1917 гг. (на материале Казанской губернии). Автореферат диссертации к.и.н. — Казань, 2005. — С. 17.
12. Закон о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводящих статей, комментариев и предложений Д.Ю. Арапов. — М.: Академкнига, 2001. — С. 178—179.
13. Распоряжения и действия Правительства и законоположения, относящиеся до мусульман // Мир ислама. — 1913. Т. 2. Вып. VI. — С. 271.
14. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60—90-е гг. XIX в. — М., 1994. — С. 84.
15. Алгар Х. Указ. соч. С. 131.
16. Фархшатов М.Н. Расулия // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энцикл. сл. Вып. 1. — М.: Восточная литература, 1999. — С. 86.
17. Алгар Х. Указ. соч. С. 133.
18. Там же. С. 13.
19. Там же. С. 131.
20. Гизатуллин Р.Н. Указ. соч. С. 48.
21. Фархшатов М.Н. Хусайния // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энцикл. сл. Вып. 1. М.: Восточная литература, 1999. — С. 101.
22. Остроумов Н.П. Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мусульманский мир. — 1913. Т. 2. Вып. VI. — С. 459.
23. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60—90-е гг. XIX в. — С. 86.
24. Религиозные мусульманские медресе в старое время // <http://www.good-design.ru>.
25. Шафиков Г.Г. Дыхание жгучей истории. — Уфа: Китап, 1998. — С. 459.
26. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60—90-е гг. XIX в. — С. 101.
27. Распоряжения и действия Правительства и законоположения, относящиеся до мусульман... С. 86.
28. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60—90-е гг. XIX в. — С. 101.
29. История казахской литературы. Т. 2. — Алма-Ата: Наука, 1979.
30. Рамазанов Г. Творчество М. Гафури / пер. с башк. Р. Ахметова. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1970. — С. 43.
31. Валиуллина Р.Н. К вопросу истории казахстанских татар // <http://www.tatar.kz>; Мамраев Б.Б. Казахские литературные связи начала XX в. — Алматы: Гылым, 1991. — С. 51.
32. Вильданов А.Х., Кунафин С.Л. Башкирские просветители-демократы XIX в. — М., 1981. — С. 213.
33. Мамраев Б.Б. Казахские литературные связи начала XX в. — Алматы: Гылым, 1991. — С. 213.
34. Мифтахетдин Акмулла (1831—1895). Рекомендованный указатель литературы. — Уфа, 1981. — С. 3.
35. Шафиков Г.Г. Дыхание жгучей истории. — Уфа: Китап, 1998. — С. 47.
36. История казахской литературы... С. 46.
37. Рамазанов Г. Указ. соч. С. 121.

Рецензия

Обзор новейшей литературы по Центральной Азии

ЛАУМУЛИН М.Т.

Данный обзор не носит характера развернутых рецензий, а представляет собой действительно краткий обзор литературы по Центральной Азии и Казахстану, которая по тем или иным причинам не попала в поле зрения нашей рубрики «Рецензии» в журнале «Казахстан-Спектр». Мы намерены устранить этот досадный пробел, осветив данную литературу за период с 2005 по 2008 г. с целью информирования читателей о тенденциях в современной политологии, занимающейся нашим регионом. При этом отметим, что по некоторым наиболее важным и крупным изданиям были или будут опубликованы специальные рецензии.

В 2005 г. без нашего внимания остались следующие издания. Так, в частности, увидела свет любопытная работа Шахрама Акбарзаде «Узбекистан и Соединенные Штаты: авторитаризм, исламизм и повестка дня Вашингтона в сфере безопасности»^{*}. Данная книга посвящена ухудшению отношений и противоречиям между США и Узбекистаном, которые в 2005 г. уже ни для кого не являлись секретом. И хотя книга, по-видимому, была завершена еще до прекращения военно-стратегического сотрудничества Вашингтона и Ташкента, негативные

тенденции были налицо уже тогда. Автор видит основные причины кризиса американо-узбекских отношений в противоречии между попытками США демократизировать своего союзника по антитеррористической войне в Афганистане и жесткостью режима Каримова в отношении попыток либерализации, в которых он усматривал почву для угрозы со стороны воинствующего исламизма.

Французский автор Гаэль Рабаллан выпустил в том году книгу «Центральная Азия или фатальность анклавности?»^{**}. Работа посвящена проблемам и специфике географического положения региона, зажатого между крупными геополитическими силами в центре Евразии. Уделяя особое внимание так называемой проблеме «замкнутости» (land-locked), автор видит в ней главную причину всех геополитических проблем региона, лишенного свободного доступа к мировым коммуникациям.

Роберт Легвольд посвятил свою очередную работу «Новая стратегия США в Центральной Азии»^{***} пересмотру и выработке новых подходов в политике Вашингтона в регионе. Данное исследование вполне логично перекликалось с новой на тот момент концепцией Ф. Стар-

ра «Большая Центральная Азия», вызвавшей столь бурную полемику в академической среде, и предложениями Национального совета по американской внешней политике по изменению подходов Соединенных Штатов в тактике и стратегии в отношении отдельных стран региона.

Немецкоязычная политолог в лице Й. Гравинхольта предложила вниманию общественности труд «Дурное государственное управление, предотвращение кризисов и дилемма политики развития на примере Центральной Азии». Данное исследование написано полностью в духе концепций и подходов европейских авторов к региону как конгломерату авторитарных режимов, с которыми, однако, Европа должна мириться ради сохранения стабильности и предотвращения кризисов, которые могут отразиться на безопасности самого Евросоюза[†].

В 2006 г. увидела свет книга Кэтлин Коллинс «Клановая политика и трансформация режимов в Центральной Азии», изданная в Кембриджском университете. Автор, которая провела многолетние полевые работы по сбору материалов в регионе, исходит из того, что так называемая клановая система является важнейшим неформальным институтом общественных связей в центральноазиатских обществах. Тем не менее трактовка автором характера местных режимов остается до конца неясной. В теоретическом плане Коллинс приближается к характеристике клановой системы, данной Максом Вебером как «патримониального господства», но в то же время она не разделяет общепринятого мнения, что

эта система эволюционирует в сторону «политического клиентизма». В целом ее работа носит в большей степени этнографический характер, за что ей пришлось выслушать упреки ее западных коллег^{**}.

В рамках программы исследований Принстонского университета в 2006 г. была издана работа А.Л. Эдгар «Племенная нация: создание Советского Туркменистана». В книге, носящей преимущественно исторический характер, делается попытка найти истоки родоплеменной системы ниязовского Туркменистана, легшей в основу его одиозного режима, в недавнем советском прошлом страны. Многие выводы этого исследования представляются спорными специалистам по Туркменистану^{***}.

В аналогичном духе выстроена книга Р. Уэллера «Пересмотр казахской и центральноазиатской национальной идентичности», изданной в рамках программы Азиатской Исследовательской Ассоциации. Автор делает попытку отойти от традиционных взглядов и клише на характер местных обществ в ЦА, распространенных на Западе, делая это в основном на примере Казахстана. Современное казахстанское общество предстает в работе более динамичным, более современным и более вестеринизированным, чем это принято думать в западных СМИ и общественном мнении^{****}.

Две книги, увидевшие свет в том же году, имеют ярко выраженный экономический характер. Это работы К.М. Макманна «Экономическая автономия и демократия» и Ричарда Помфрета «Центральноазиатские экономики и

^{*} Graevingholt, J. Schlechte Regierungsfuehrung, Krisenpraevention und das Dilemma der Entwicklungspolitik am Beispiel Zentralasiens. — Baden-Baden: Nomos Verlag, 2005. — 410 S.

^{**} Collins, K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 376 p.

^{***} Edgar, A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. — Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. — XVI+296 pp.

^{****} Weller, R.Ch. Rethinking Kazakh and Central Asian Nationalhood. — A Challenge to Prevailing Western Views. — Los Angeles: Asia Research Associates, 2006.

^{*} Akhbarzadeh, Sh. Uzbekistan and the United States. Authoritarianism, Islamism and Washington's Security Agenda. — London: Zed Books, 2005. — 166 p.

^{**} Raballand, G. L'Asie Centrale ou la fatalité de l'enclavement? — Paris: L'Harmattan, 2005. — 360 p.

^{***} Legvold, R. New US Strategy in Central Asia. — New York, 2005.

период независимости»*. В первой книге делается сравнительный анализ экономической политики в таких разных странах, как Россия и Кыргызстан, причем автор увязывает уровень экономических реформ со степенью и скоростью демократических преобразований. Обе экономики и основанные на них режимы Макманн характеризует как «гибридные»: то есть смесь политического авторитаризма с экономическим либерализмом и, наоборот, наличие демократических институтов в политической системе и спорадическое государственное вмешательство в экономические процессы. Р. Помфрет давно известен своими работами 1990-х гг. по экономике постсоветского Казахстана и других республик Центральной Азии. Данная монография носит фундаментальный характер и освещает экономическое развитие государств региона за 15-летний период с момента обретения независимости.

В 2006 г. в центральноазиатских исследованиях лидировала академическая группа во главе с профессором Фредериком С. Старром в рамках Института Центральной Азии и Кавказа (ИЦАК, Университет Джонса Гопкинса). В том году ими была подготовлена серия исследований по самым различным аспектам политики и экономики региона. Среди них: «Кланы, авторитарные правители и парламенты в Центральной Азии» (Ф. Старр), «Исламский радикализм в Центральной Азии и на Кавказе» (З. Баран, Ф. Старр, С. Корнелл), «Ана-

томия американо-узбекского кризиса» (Дж. Дэйли, К. Меппен, В. Сококор, Ф. Старр), «Экономика Центральной Азии» (М. Дуулинг, Г. Виньяраджа)** и ряд других. Данные исследования подробно освещены в наших предыдущих рецензиях***.

Немецкая историография в 2006 г. предложила нашему вниманию ряд интересных монографий. В первую очередь следует упомянуть работу А. Варкоча «Центральноазиатская политика Европейского Союза: интересы, структуры и выбор реформ»****. Изучая характер местных режимов, автор обогатил политологический словарь новыми неологизмами. Так, режим в Кыргызстане Варкоч характеризует как «демокрадуру» (то есть демократия + диктатура), а в Туркменистане — как «неототалитаризм». Выводы автора в целом не внушают оптимизма. Он констатирует, что Евросоюз не добился практически ни одной из своих стратегических целей, поставленных еще в 1990-е гг.: бедность не устранена; сопротивление реформам в Узбекистане и Туркменистане не сломлено; положение с правами человека и уровень демократии остались на прежнем уровне; энергетические интересы ЕС не защищены. В сфере безопасности ЕС также топчется на одном месте. Варкоч советует коренным образом сменить стратегию и тактику ЕС в регионе, чтобы «вернуть доверие к ЕС». В сфере безопасности ЕС должен, наконец, отмечает автор,

выступать в качестве серьезной силы, а не в образе «беззубого бумажного тигра»; в энергетической политике Европа должна вести себя более самоуверенно; в области демократии ей следует проявлять больше реализма. Кроме того, он считает, что ЕС мог бы теснее координировать свою стратегию с другими интернациональными акторами, в частности с НАТО и ОБСЕ. В целом же Варкоч в своей книге неожиданно вышел за пределы центральноазиатской проблематики. Очевидно, что изъяны и недостатки внешней политики, стратегии Евросоюза и методов их реализации неэффективны не только в ЦА, но и в других регионах, и причины этого заложены в самой структуре ЕС — сложного геополитического и геоэкономического механизма, лишённого единого центра принятия решений.

Книга Б. Фрагнера и А. Каппелера «Центральная Азия с 13 по 20 век: история и общество», изданная в Вене, своим примером подтверждает, что прежняя блестящая австрийская школа исторической этнокультурологии не исчезла и традиции изучения Центральной Азии, заложенные К. Йегтмаром, живы. Работа Д. Листа «Региональная кооперация в Центральной Азии: препятствия и возможности» возвращает нас в современность**. Данная монография перекликается с работами немецких экономистов середины 1990-х гг. и доказывает, что ЕС по-прежнему делает ставку на региональную интеграцию (теперь — кооперацию) в Центральной Азии как форме и способе самоидентификации и самоопределения региона, несмотря на то, что прошлый опыт

убедительно доказал несостоятельность искусственного форсирования этих процессов.

Р. Книпер посвятил свою книгу «Правовые реформы вдоль Шелкового пути» проблемам реформирования правовых систем ряда стран СНГ****. Подготовить такое солидное издание Книперу позволил его пятнадцатилетний опыт советника во всех республиках региона и Закавказья, а также в Молдове, России, Украине, Монголии и КНР. Автор подробно и детально изучает конституционные и правовые реформы этих стран, административные изменения, законодательство на фоне шоковой трансформации правовой и политической систем после распада СССР. Немало места уделяется и опыту Казахстана, особенно в связи с реформой системы госуправления, которая вызывает у автора положительную оценку.

С 2006 г. Фонд им. Фридриха Эберта ввел добрую традицию: выпускать книги по Центральной Азии на немецком и русском языках, подготовленные силами местных авторов. Первое издание такого рода называлось «Центральная Азия: взгляд изнутри»****. В 2007 г. фондом была издана работа кыргызских коллег «История и идентичность: Кыргызская Республика»****. Насколько известно, в этом году также планируется издание коллективной монографии, посвященной внешним связям стран региона. Польза от таких изданий очевидна: они позволяют немецкоязычной аудитории ознакомиться с альтернативными точками зрения на развитие региона в отличие от тех, которые вольно или невольно навязывают им западные авторы.

* *McMann, K.M. Economic Autonomy and Democracy. Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan.* — New York: Cambridge University Press, 2006. — 278 p.; *Pomfret, R. The Central Asian Economies since Independence.* — Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. — 256 p.

** *Starr, S.F. Clans, Authoritarian Rulers, and Parliaments in Central Asia.* — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. — 27 p.; *Baron, Z., Starr S.F. Cornell, S.E. Islamic Radicalism in Central Asia and the Caucasus: Implications for the EU.* — Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. — 57 p.; *Daly, J.C.K., Meppen, K.H., Socor, V., Starr, F.S. Anatomy of a Crisis: U.S.-Uzbekistan Relations: Studies Program, 2006.* — 110 p.; *Dowling, M., 2001—2005.* — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. — 114 p.

*** См.: Казахстан-Спектр. — 2006. — №2. — С. 109—113; там же. 2006. — №3. — С. 95—101.

**** *Warkotsch, A. Die Zentralasiatische Politik der Europäischen Union: Interessen, Strukturen und Reformoptionen.* — Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. — 253 S.

* *Fragner, B., Kappeler, A. (Hrsg.) Zentralasien, 13 bis 20. Jahrhundert. Geschichte und Gesellschaft.* — Wien: Promedia, 2006. — 224 S.

** *List, D. Regionale Kooperation in Zentralasien. Hindernisse und Möglichkeiten.* — Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. — XII+237 S.

*** *Knieper, R. Rechtsreformen entlang der Seidenstraße. Aufsätze und Vorträge während der beobachtenden Teilnahme an einem gewaltigen Transformationsprozess.* — Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2006. — 353 S.

**** *Zentralasien: eine Innenansicht.* — Berlin: FES, 2006. — 498 S. (auf Russisch und Deutsch).

**** *Geschichte und Identität: Kirgisische Republik.* — Bishkek: FES, 2007. — 273 S. (auf Russisch und Deutsch).

В 2007 г. в рамках исследовательской программы Колумбийского университета (Институт Гарримана) увидела свет книга нашего бывшего земляка Р. Абазова «Культура и обычаи Центральноазиатских республик»¹. Это полезное во всех смыслах издание, информирующее западного читателя об историко-культурном наследии народов региона. На следующий год Абазов выпустил новую работу по истории региона — «Исторический атлас Центральной Азии»².

Ф. Старр из уже упоминавшегося нами Института Центральной Азии и Кавказа выступил в 2007 г. в качестве координатора крупного проекта, результатом которого стала книга «Новый Шелковый путь: транспорт и торговля в Большой Центральной Азии». Профессор Старр собрал для реализации этого проекта интернациональный коллектив авторов, географически охватывающий ареал Центральной Азии, Афганистан, Азербайджан, Индию, Китай, Турцию и Россию. Не трудно заметить, что концептуально данный проект является как бы продолжением его прежней идеи «Большой (расширенной) Центральной Азии» (БЦА), которая вызвала в свое время такую острую полемику. В своей вступительной статье к книге, раскрывающей концепцию данного издания, Ф. Старр проводит параллели между историческим Великим Шелковым путем и современными транспортными возможностями Евразии. Американский ученый считает, что современная эпоха открывает новые возможности для транспортного соединения Западной Европы, Китая, Среднего и Ближнего Востока, Индостана. «Новый Шелковый путь» имеет, по его мнению, необъятный потенциал.

Как всегда, Ф. Старр выдвигает новые и неординарные идеи, касающиеся роли Соединенных Штатов в этих процессах, способных изменить лицо и характер внутриевразийских связей. В первую очередь он признает, что новый транспортный потенциал открывает широкие финансовые возможности для тех участников — местных и транснациональных, которые примут участие в создании новой транспортной сети. В этой связи руководитель проекта настойчиво предлагает учредить при госдепе США пост специального посла по торговле в БЦА. Затем Старр задается вопросом, если идея внутриконтинентальной торговли так хороша, почему она до сих пор не реализована? И сам отвечает на этот вопрос. Во-первых, проблема состоит в том, что реализация этого проекта зависит от большого количества «отдельных элементов», под которыми он понимает совокупность юридических, налоговых, организационных, банковских, управленческих, технологических, человеческих (кадровых) вопросов, а также проблемы безопасности и коммуникации. Все это завязано на чрезмерно большое количество участников — стран-транзитеров, чья государственная и торгово-экономическая политика к тому же серьезно отличается как друг от друга, так и от общепринятых мировых стандартов и правил. В этом контексте Китай демонстрирует большую гибкость к адаптации удобных нормативов, в то время как Россия с ее высокой степенью централизации — меньшую.

Говорит (причем на примере Казахстана) Старр и о коррупции, препятствующей транспортной активности. К большим моментам автор относит

такие явления, как государственный протекционизм в Узбекистане, негативные последствия непродуманного вступления Кыргызстана в ВТО. Старр подчеркивает, что в отличие от Китая Индия и Иран активно участвуют в континентальной торговле. В своем анализе торгово-транспортной проблематики американский исследователь затрагивает такой феномен, как нелегальная торговля (undertrading). Под этим термином он подразумевает принявшую колоссальный размах несанкционированную внешнегосударственную торговлю, статистическая оценка которой затруднительна. Оценивая предыдущие попытки развивать региональную торговлю (в рамках ОЭС, ЕврАзЭС, ТРАСЕКА), Старр пессимистичен в своих выводах. Но он видит и позитивные явления, которые относятся в основном к области двусторонних соглашений (например, казахстанско-китайских, кыргызско-китайских) или компактных многосторонних (трубопровод БТД, транзитный проект «Север — Юг» через Каспий).

Для Старра не вызывает сомнений, что Америка несет ответственность и должна принять участие в создании евразийской системы транспортных коридоров (в этой связи он приводит слова Р. Дейча, ответственного в госдепе за этот вопрос, который заявил: «Здесь слишком много яиц и много цыплят»). Автор уверен, что США должны поддерживать проекты такого рода в силу, прежде всего, простого факта — в случае реализации эти проекты укрепят независимость стран БЦА, что, в свою очередь, отвечает национальным интересам Соединенных Штатов. Помимо этого, укрепление

внутриконтинентальных торговых связей будет способствовать разрешению таких старых конфликтов, как, например, кашмирского и, конечно, стабилизации Афганистана.

В рамках программы, руководимой профессором Ф. Старром, в ИЦАК были подготовлены в 2007 г. исследования Эрики Мэйрат (Э. Марат) «Государственно-криминальные связи в Центральной Азии: организованная преступность и коррупция в Киргизстане и Таджикистане»³. Это солидное исследование, построенное на богатом фактическом материале и непосредственных полевых наблюдениях автора.

Д. Люис в рамках серии Колумбийского университета по проблемам безопасности выпустил в 2007 г. книгу под претенциозным названием «Искушение тиранией в Центральной Азии»⁴. Автор исходит из того, что после начала кампании в Афганистане страны региона стали ключевыми союзниками Америки в борьбе против международного терроризма. Военная и экономическая помощь странам региона (?) со стороны Запада должна была способствовать демократизации и стабилизации региона. Автор описывает события 2005—2006 гг. — андижанский мятеж, цветную революцию в Кыргызстане и смену власти в Туркменистане, чтобы объяснить провал американской стратегии в ЦА, но вряд ли достигает своей цели. Основной вывод Люиса: Вашингтон «пленился искушением» вступить в союзнические отношения с местными «тираниями», чтобы достичь стратегических целей в борьбе с терроризмом, но изменить характер этих режимов не смог.

¹ Abazov, R. Historical Atlas of Central Asia. The Palgrave Concise. — New York: MacMillan, 2008.

² Starr, S.F. (ed.) The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2007. — 510 p.

³ Marat, E. The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan. — Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program — A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C., 2007. — 39 p.

⁴ Lewis, D. The Temptations of Tyranny in Central Asia. — New York: Columbia University Press, 2007. — 224 p.

В свое время казахстанские СМИ обратили внимание на появление книги американского автора К. Роббинса «В поисках Казахстана: страна, которая исчезла». Впрочем, название книги можно перевести и как «страна, которая разочаровала». Автор в основном опирается на собственные впечатления, накопленные во время его путешествия по республике. Роббинс следовал знаменитым россиянам, так или иначе, связанным с Казахстаном (Достоевский, Троцкий, Солженицын). Много места автор уделяет своим личным впечатлениям от знакомства с Президентом РК Н.А. Назарбаевым, которого он описывает как человечного, полного юмора и харизматичного лидера. В целом данная книга является удачной комбинацией из историко-культурологических эссе, вояжистских наблюдений, целенаправленных интервью и готовых блоков для туристического гида.

Т. Гомар и Т. Кастуева-Жан обобщили результаты работы своего коллектива из отдела России и СНГ Французского института международных исследований (ИФРИ) и выпустили монографию «Понимание России и новых независимых государств». Издание включает в себя аналитические труды сотрудников института и их партнеров из стран СНГ, посвященные геополитическим проблемам, затрагивающим безопасность и международное положение Содружества, а также и Центральной Азии. В виде отдельных статей можно ознакомиться с их содержанием на сайте ИФРИ (в том числе и на русском языке).

Уместно отметить, что Центральной Азией занимаются не только на Западе.

В 2007 г. увидело свет совместное исследование индийских и казахстанских ученых «Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия». Оно было подготовлено силами интернационального коллектива из индийских и казахстанских ученых. С индийской стороны проектом руководили профессора К. Сантанам и Р. Дживеди. Данное издание охватывает практически все аспекты двусторонних отношений, включая международный и геополитический факторы^{***}.

В 2007 г. в последний раз увидело свет традиционное издание «Актуальные проблемы Центральной Азии и Южного Кавказа», которое публиковалось силами международного коллектива под эгидой Фонда Сасакава и Дэвис-центра Гарвардского университета с 2002 г. и под руководством профессоров Б. Румера и Лау Сим И^{****}. К сожалению, Фонд Сасакава прекратил финансирование программы по ЦА, длившейся полтора десятилетия.

Германский Федеральный центр политического образования предпринял в 2007 г. грандиозную попытку осветить в одном издании прошлое и современность Центральной Азии. Это коллективное исследование, увидевшее свет при поддержке легендарного издания «Остойропа», под редакцией М. Заппера, Ф. Вейхзеля и А. Хутерера, носит название «Мозаика власти в Центральной Азии: традиции, ограничения, стремления»^{*****}. Отметим, что с самого начала данный проект претендовал на размах и широкий формат рассматриваемых проблем. Круг авторов, приглашенных

к участию в издании, насчитывает 52 исследователя. В книге представлен фактически весь цвет современной немецкой политологии, занимающейся проблемами Центральной Азии и сопутствующими вопросами. Тем не менее издание можно считать интернациональным, так как для участия в нем приглашены представители англосаксонской (М.Б. Олкотт, Ю. Румер, Р. Аллисон) и французской политологии (С. Пейруз, М. Ларюэль). Однако в целом доминирование германской политологической мысли в настоящей книге представляется бесспорным. Этот фактор не мог не наложить определенный отпечаток на композицию материалов и характер рассматриваемых проблем.

Издание привлекает внимание своим академическим масштабом и хорошим оформлением. Оно снабжено значительным количеством карт и иллюстраций, статистических материалов по каждой из республик Центральной Азии в отдельности, схем, графиков и диаграмм экономического характера. Кроме того, в книге имеется ценный обзор основных изданий по Центральной Азии, вышедших на Западе и в СНГ за последние годы. Однако данная коллективная монография страдает недостатками, свойственными всем изданиям такого рода. В силу своей «коллективности», в книге отсутствует целостность и концептуальность. Большинство авторов повторяют собственные идеи, изложенные в их предыдущих работах. Книга, действительно, получилась «мозаичной» и тем самым оправдывает свое название. В этом случае положение могла бы исправить вводная редакционная статья, написанная именно на концептуальном уровне, но таковая, к сожалению, отсутствует. Тем не менее

остаться незамеченной такая книга, обращенная к немецкоязычной аудитории, не избалованной литературой по Центральной Азии, не может в силу своей фундаментальности^{*}.

В текущем 2008 г. среди публикаций по Центральной Азии доминируют исключительно работы интернационального коллектива в рамках ИЦАК программы, руководимой профессором Ф. Старром.

Так, следует отметить исследование Эрики Мэйрат «Национальная идеология и строительство государства в Киргизстане и Таджикистане»^{**}. Автор рассматривает зарождение национальной идеологии в обеих республиках в советский период, затем прослеживает формирование новой идеологии на основе новой национальной идентичности в постсоветский период. Далее Э. Мэйрат детально рассматривает элементы каждой из этих идеологий, среди которых праздники независимости, государственные символы, роль религиозных и советских праздников, памятные места и даты, национальные трагедии и историческая память, взаимодействие религиозной идентичности и советской идеологии, создание мифов о соседях, противоречия между национализмом и регионализмом, влияние внешних факторов на формирование национальной идентичности. Автор правильно подмечает, что при создании новой идентичности все центральноазиатские лидеры столкнулись со схожими проблемами. Это многонациональный характер руководимых ими государств. Настоящий фактор положил пределы использованию этноцентрических инструментов. Другой фактор состоял в том, что элиты региона, получив международное признание, не могли полностью игнориро-

* Robbins, Ch. In Search of Kazakhstan. The Land that Disappeared. — London: Profile Books, 2007. — 296 p.

** Gomar, Th., Kastueva-Jean, T. (dir.) Understanding Russia and the New Independent States. Travaux et recherches de l'Ifr. — Paris: IFRI, 2007. — 204 p.

*** India-Kazakhstan Perspectives. Regional and International Interactions. Eds. by K. Santhanam, K. Baizakova, R. Dwivedi. — New Delhi: ICAF, 2007. — XXII+270 pp. Рус. пер.: Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия. — Алматы/Дели: КазНУ, 2007. — 283 с.

**** Rumer, B., Lau Sim Yee (eds.) Central Asia and South Caucasus Affairs: 2006. — Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. — 283 p.

***** Sapper, M., Weichsel, V., Huterer, A. (Hrsg.) Machtmosaik Zentralasien. Traditionen, Restriktionen, Aspirationen. — Bonn: BPB, 2007. — 648 S.

* Подробнее см. нашу рецензию: Казахстан в глобальных процессах. — 2008. — №2.

** Marat, E. National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. — 103 p.

вать принцип гражданства. Наиболее успешными в этом плане были Казахстан и Кыргызстан. В-третьих, всем элитам региона пришлось столкнуться с проблемой роли и места ислама в новой идеологии.

В заключении автор дает несколько рекомендаций правительствам обеих республик. По мнению Э. Мэйрат, государство должно отказаться от любых институциональных механизмов по искусственному формированию идеологии. Это фактически наследие советской эпохи (идеологические отделы ЦК КПСС); в современной интерпретации — это должности госсекретарей. Далее, государство должно признать этнические меньшинства. В качестве рекомендации автор предлагает также многообразно развивать гражданскую культуру. Особое внимание государство должно обратить на реформирование языковой политики. На индивидуальном уровне правительству Кыргызстана рекомендуется приложить усилия для стирания различия между Севером и Югом республики. Правительству Таджикистана рекомендуется лишить государство как институт механизма контроля над производством национальной идеологии. Как убедительно удалось показать автору, в ходе этого сложного процесса на формирование новой идеологии оказывали влияние многочисленные и самые разные факторы, и процесс этот еще далеко не завершен.

С. Пейруз посвятил свою работу «Экономические аспекты китайско-центральноазиатского сближения» политике Китая в регионе*. Автор выделяет четыре основные проблемы торгово-экономических отношений сторон. Первая глава посвящена истории

и характеру этих отношений. Пейруз обращает внимание на тот факт, что с самого начала эти отношения приняли неравноправный характер в пользу КНР. В качестве второй проблемы автор выделяет роль пограничных пунктов в налаживании приграничной торговли. Третья глава работы освещает вопрос китайских инвестиций в экономику и инфраструктуру региона. Китайскую сторону интересуют четыре направления для инвестирования: цветная и черная металлургия, гидроэнергетика, транспортная инфраструктура, телекоммуникации. И, наконец, последняя глава посвящена анализу отношений в углеводородной сфере. Именно эту область Пейруз считает ключевой в многовариантной стратегии КНР в регионе. Он также предполагает, что географически замкнутый характер положения Центральной Азии определит решающую роль Китая для будущего региона. Фактически Китаю предстоит сыграть в XXI в. для региона ту же роль, что сыграла для него Россия в XIX и XX вв.

М. Ларюэль изучила политику России в Центральной Азии с точки зрения влияния на формирование тактики и стратегии Москвы фактора русского национализма, то есть ее работа «Центральноазиатская политика России и роль русского национализма» в большей степени посвящена не самой Центральной Азии, а внутривнутриполитическим процессам и борьбе внутри российской элиты за выработку внешней политики в регионе**. В некотором смысле Ларюэль повторяет свои идеи и соображения, высказанные ранее, и с которыми наш читатель имел возможность ознакомиться в переводах ее книг***. В новой работе французская

исследовательница описывает «возвращение России» в регион в новом столетии и все связанные с этим политические и экономические последствия. Затем в двух разделах автор подробно описывает российскую политическую сцену с точки зрения отношения к Центральной Азии. Как считает Ларюэль, повестка дня отношений между РФ и странами ЦА состоит из трех основных пунктов: так называемая «мягкая сила» (культурное влияние и языковое присутствие), проблема русской и русскоязычной диаспоры, вопросы миграции. В целом автор приходит к выводу, что все группировки, течения и круги российской политической элиты, несмотря на идеологические различия, склонны рассматривать присутствие (доминирование) России в Центральной Азии как благо и необходимость, причем каждая политическая сила оперирует своими аргументами в пользу этого вывода.

Два исследования ИЦАК посвящены непосредственно Казахстану. Первое — это работа Э. Бойера «Парламент и политические партии в Казахстане». Автор вначале дает краткое описание становления партийно-политической системы в Казахстане, затем переходит к современному политическому ландшафту, выделяя так называемые пропрезидентские партии — в первую очередь «Отан», «мягкую» и «жесткую» оппозицию. Вторая часть исследования посвящена изучению казахстанского парламента как государственного и политического института. Бойер считает, что 2010 г., когда Казахстан займет кресло председателя ОБСЕ, может стать критическим для однопартийного Парламента РК. Автор генерирует две группы рекомендаций.

Первая обращена к властям Казахстана и включает в себя следующие пунк-

ты: модифицировать выборное законодательство, включить прямые выборы хотя бы в одну из палат; вернуть право партиям формировать политические блоки; снизить 7-процентный барьер до 5% и ниже; диверсифицировать ЦИК в плане политического плюрализма; развивать политический диалог, в котором уважались бы права и интересы всех участников политического процесса; расширить доступ оппозиционных сил к СМИ; оппозиции следует отказаться от принципа группироваться вокруг отдельных политических персон и необходимо выходить на общенациональный уровень; усилить транспарентность в работе парламента.

Вторая группа рекомендаций своим адресатом имеет правительство США и включает в себя следующее: усилить взаимодействие и сотрудничество между Конгрессом США и Парламентом РК; осуществлять тщательный мониторинг реальных изменений в законодательстве и практической деятельности Казахстана как будущего председателя ОБСЕ в контексте принятых Астаной обязательств; больше внимания уделять изучению Парламента РК как перспективного института и нового растущего центра силы; оказывать прямую помощь Парламенту РК в техническом и академическом плане, создавать совместные комитеты по глобальным проблемам (всемирное потепление, продовольственный голод, глобальная миграция, безопасность и т.д.); оказание профессиональной помощи ЦИК в реформировании выборного законодательства и на процедурном уровне; продолжать оказывать поддержку политическим партиям, независимым СМИ, способствовать развитию гражданского общества.

Второй работой по Казахстану стало исследование Д. Дэйли «Становление

* Peyrouse, S. The Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Rapprochement. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. — 73 p.
 ** Laruelle, M. Russia's Central Asia Policy and the Role of Russian Nationalism. — A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C., 2008. — 79 p.
 *** См.: Ларюэль М. Идеология русского евразийства или Мысли о величии империи. Пер. с фр. Т.Н. Григорьевой. — М.: Наталис, 2004. — 287 с.; Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. Предисловие Н. Космарской. Пер. с франц. Т. Григорьевой. — М.: Наталис, 2007. — 360

* Bowyer, A.C. Parliament and Political Parties in Kazakhstan. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 71 p.

казахстанского среднего класса»*. В основу своей работы автор ставит следующий вопрос: что такое казахстанский средний класс? Пытаясь ответить на него, Дэйли изучает практически все сферы потребления — стиль жизни, жилье, питание, досуг, моду, политику, бизнес и т.д. Параллельно автор анализирует другие стороны казахстанской экономики, ее феноменальный рост в последние годы и влияние этого процесса на формирование среднего класса, финансовую и банковскую систему. Автор приходит к выводу, что формирование среднего класса в Казахстане является целью всей государственной экономической политики. Дальнейшей задачей правительства является защита этого класса от многочисленных вызовов и проблем, среди которых коррупция, разрыв между сельским и городским уровнем жизни, инфляция и разрушающее влияние глобальных финансово-экономических потрясений. Крупные валютные накопления в Казахстане позволяют автору сделать оптимистический прогноз, что у государства остаются резервы для поддержки среднего класса в будущем.

Таким образом, как нетрудно заметить, мировая литература последних лет по Центральной Азии богата и разнообразна. Зарубежные исследователи не оставляют без внимания ни одной более или менее крупной проблемы региона. В то же время продолжается процесс изучения на уровне отдельных республик. С точки зрения методологии и идеологии исследования можно заметить, что западная политическая мысль в целом не отказалась от своих прежних представлений, подходов и стереотипов. Хотя, с другой стороны, имеют место и новые методы, отказ от старых клише и представлений. Ареал центральноазиатских исследований остается прежний. Это Западная Европа, Соединенные Штаты, Турция (сейчас в меньшей степени), Индия, Китай (который заслуживает отдельного изучения). Нельзя не обратить внимания на такую позитивную тенденцию, как то, что появляется все больше коллективных и совместных изданий зарубежных и постсоветских авторов, вырабатывающих синтезированную точку зрения, хотя и не всегда успешно.

* Daly, J.C.K. *Kazakhstan's Emerging Middle Class*. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 100 p.

Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. — Алматы: Credos, 2008. — 920 с.

СЫРОЕЖКИН К.Л.

В начале года на книжном рынке Казахстана произошло долгожданное (во всяком случае, для меня) событие — вышла в свет новая книга авторов Библиографической энциклопедии Казахстана и ряда книг по его новейшей истории Данияра Ашимбаева и Виталия Хлюпина. Давно собирался высказаться по этому поводу, но все как-то не хватало времени, тем более что дежурная рецензия в данном случае, по-видимому, неуместна. На то обязывает хотя бы уважение к труду, который был проделан авторами.

Задумка о написании подобной книги у них появилась давно. Сами авторы пишут, что на подготовку книги у них ушло более десяти лет. И в этом, скорее всего, нет желания прибавить изданию значимости. Во всяком случае, мне приходилось обсуждать с Данияром эту идею в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Именно тогда, готовя рецензию на шестое издание Библиографического справочника «Кто есть кто в Казахстане», в котором списки действующей элиты были впервые дополнены «историческими персонажами», мною было высказано пожелание об издании в перспективе такого рода работы с более детальными историческими ретроспекциями. Для меня как историка и политолога настоящий источник представлялся чрезвычайно важным, поскольку он позволял не только проследить историю Казахстана в персоналиях, но и на этой основе сделать более глубокие политологические выводы о том, как эта история развивалась и какой была кадровая политика ушедшей советской эпохи.

Тогда я получил уверения в том, что такая мысль у авторов Библиографического справочника уже возникала и они активно работают в этом направлении. Но прошло шесть лет, прежде чем книга, о которой речь пойдет ниже, вышла в свет. Оно и понятно, авторы поставили перед собой задачу, которую даже большим авторским коллективом решить очень непросто. Об этом говорят как 920 страниц убористого текста, так и тот объем информации, который содержится в предлагаемом издании.

По сути, перед исследователем (именно так, поскольку книга, на мой взгляд, предназначена для тех, кто стремится глубже понять политическую реальность Казахстана, а не только удовлетворить свою жажду к «жареным» фактам) две довольно объемные книги. Первая касается истории Казахстана с древнейших времен до 1917 г. и посвящена этногенезу, истории и специфике борьбы за власть в досоветский период. Вторая — скрупулезно подобранная политическая хроника с 1917 по 2007 г., внимательное прочтение которой позволяет не только приоткрыть запретные страницы истории, но и понять, кем, как и почему именно так делалась эта история.

Возможно, авторам следовало бы выпустить двухтомное издание, поскольку первая и вторая части «Истории власти...» не только значительно различаются в содержательном плане, но и по характеру изложения материала. Кстати говоря, это значительно облегчило бы изучение книги. Согласитесь, объемные книги читать тяжело (чисто физически). Но это так, к слову, поскольку на

РЦЕНЗИИ

общем содержании книги это никак не сказывается. Более того, можно понять и логику авторов, объединивших две книги в одном издании.

Ну, а теперь, по сути. Первая часть — добротное историографическое исследование, построенное на солидной источниковой базе. Виталий Хлюпин использовал практически всю известную литературу по истории казахских ханств и этногенеза казахов, изданную, главным образом, на русском языке. Приводимый им список источников в примечаниях к каждому из очерков ценен сам по себе. Пожалуй, это наиболее полная библиография по данному вопросу.

Второе несомненное достоинство этих очерков заключается в том, что впервые в одном издании дается самое подробное описание разветвленного родового древа казахского этноса. При этом описываются не только характерные особенности каждого из трех жузов, но и дается подробная характеристика практически каждого из родоплеменных объединений, входящих в эти жузы.

Безусловный интерес представляют и фамильные списки представителей различных казахских родов в современной элите Казахстана. Авторы отдают себе отчет в том, что они могут быть неточны, но при этом подчеркивают, что базой для составления этих списков послужили опубликованные шежере, биографические справочники, а также консультации с аксакалами. Для тех, кто изучает историю Казахстана по ее персоналиям, да и для тех, кто просто интересуется биографией того или иного представителя казахстанской элиты, эти сведения просто находка.

Вторая часть первой книги — история казахских ханств и борьбы за

власть в XV — начале XX в. с небольшой, но необходимой ретроспекцией в XIII—XIV вв. С точки зрения историографии раздел написан великолепно и поставленная авторами задача (не вдаваясь в научную дискуссию, осветить существующие точки зрения на историю борьбы за власть в казахских ханствах, а также их существование в составе Российской Империи), на мой взгляд, блестяще решена. Перед нами практически весь спектр точек зрения на данную проблему, представленный в исследованиях на русском языке.

Мне бы тоже не хотелось втягиваться в научную дискуссию, поскольку, как справедливо подчеркивают авторы во введении, «суть настоящей книги — скорее сухое описание и факт, нежели оценка и вывод». Желаящих же поспорить с авторами по тому или иному вопросу отсылаю к фундаментальной научной работе коллектива казахстанских авторов по поводу современных мистификаций в истории Казахстана*.

Вторая часть «Истории власти...» — подробная политическая хроника, охватывающая советский период (1917—1990 гг.) и современный период (1991—2007 гг.). По вполне понятным причинам, автор выстроил свою хронику в контексте истории формирования властных структур и кадровых перестановок. Именно поэтому тот, кто ожидает найти в этой части книги подробное описание политических событий, скорее всего, будет разочарован. Однако, если уж речь идет об истории власти, другого подхода я не вижу. Более того, те сведения, которые приводятся автором, дают достаточно полное представление о перипетиях политической борьбы в указанные периоды.

Самое замечательное в этом разделе

* См. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. — Алматы: Дайк-Пресс. 2007.

— не столько хронология кадровых перестановок (о ней чуть ниже), а довольно развернутые выдержки из выступлений тех или иных государственных деятелей, постановлений и решений властных органов. Найти все эти сведения в библиотеках — тяжелый, а порой и напрасный труд (большая часть источников просто уничтожена), и уже за одно это будущие историки Казахстана должны быть признательны Данияру Ашимбаеву.

Второе несомненное достоинство — подробная хронология кадровых перестановок. Приводимые автором данные о персоналиях во власти рисуют историю Казахстана, что называется, в картинках и дают возможность внимательному исследователю понять не только «кто есть Who» в Казахстане, но и почему именно он стал этим «Who».

Еще любопытнее проследить по книге политические судьбы сегодняшних «звезд» казахстанского политического небосклона. Здесь масса не только интересного материала, дающего основания для выводов о политической и иной эволюции этих «звезд», но и материала, позволяющего проследить не только тенденции сегодняшней кадровой политики, но и политической мимикрии властной элиты.

Первое, что бросается в глаза, в специфике формирования политического класса мы недалеко ушли от советской системы. Напомню, что одной из ее характерных черт было то, что основой социальной стратификации являлось обладание властью и доступ к системе распределения. Причем формировался политический класс, по образному выражению одного из авторов тех лет, в основном из «людишек от бильярда» — маргинальных слоев, не имеющих прочной социальной опоры в «старом обществе» и не способных к созиданию в «новом обществе». Но главная траге-

дия заключалась в том, что, при всем их идейно-политическом различии, этих «людишек» объединяло стремление поставить себя с помощью государственной машины не только над всем обществом, но и над самим государством, фактически приватизировав его.

Но самый главный порок той Системы заключается в том, что в ней фактор личной преданности, как и фактор личной ненависти, действовал в полной мере. Если все зависит от Верха, то нельзя упускать ни малейшей возможности укрепить свое положение. Наверху также надо полностью контролировать подчиненную себе часть Системы. В итоге Система не может воспринимать нужных себе руководителей. Она обречена на то, чтобы каждое новое назначение было хоть на вершок, но хуже предыдущего решения. Происходит закономерная деградация кадров, а вакантные посты занимают «выдающиеся посредственности», окружая себя еще большими посредственностями. Вступает в действие закон Паркинсона — бюрократия начинает плодить бюрократию. Аппарат разрастается до невероятных размеров и перестает эффективно работать. Вспомните гениальный фильм «Забывтая мелодия для флейты». Или не менее гениальную фразу: «Вторую партию народ не прокормит». Вот он образец вырождения первых руководителей СССР и их аппарата.

Не менее любопытно и то, что Система становится независимой не только от общества, но и от своего руководителя. Не он диктует ей «правила игры», а она определяет, каким образом ему позволяется озвучивать волю Системы. Как только первый руководитель, опершись на «волю народных масс», пытается начать борьбу с Системой, она «списывает его в расход», какой бы харизмой он ни обладал.

Во-вторых, казахстанская «кадровая колода» уже основательно поистрепалась, но менять ее кардинально, по-видимому, не собираются. Новые «звезды» на политическом небосклоне Казахстана зажигаются редко. Но это не потому, что таковых вовсе нет. Просто для того, чтобы их свет стал заметнее сонму поблекших «звезд», необходимо расступиться, уступив им свое место. Однако это вряд ли произойдет, поскольку только присутствие на политическом небосклоне открывает массу возможностей. К сожалению, принцип «власть — собственность» пока остается доминирующим.

В-третьих, закатившуюся «звезду» (что, говоря обычным языком, означает снятие с должности по политическим мотивам) ожидает судьба метеора, она просто сгорает. Причем сгорает стремительно, и что самое примечательное — без всяких последствий для

казахстанского социума. Это говорит лишь об одном — настоящих «звезд», оставляющих след в истории, на казахстанском политическом небосклоне не так уж и много.

В-четвертых, любопытна судьба отставников не по политическим, а по иным, особенно коррупционным мотивам. Спустя какое-то время они вновь появляются на властном Олимпе. Причем, как правило, на своем «новом-старом» месте, разве что должности называются по-новому.

Наконец, вполне очевидна и еще одна характерная черта кадровой политики в Казахстане — смена первого руководителя (будь то руководитель государственного учреждения, национальной компании или аким) почти всегда ведет к смене второго и третьего эшелонов руководителей в данном ведомстве.

Вот такой невеселый расклад.

К 80-летию доктора исторических наук, профессора Ибрашева Жараса Умаровича

Жарас Умарович Ибрашев является ведущим казахстанским специалистом по процессам европейской интеграции. Изучение интеграционной идеи во французской политической мысли он начал еще в 70-е гг. прошлого столетия, уделяя особое внимание трудам президента Ш. де Голля, считая его одним из основателей современной интегрированной Европы.

Профессор Ж.У. Ибрашев и в настоящее время продолжает работу над исследованием европейской интеграции с учетом актуальности ее опыта для процессов, происходящих в Центральной Азии.

В течение долгих лет профессор Ж.У. Ибрашев преподает историю зарубежных стран, международных отношений, читает интерактивные лекции по проблемам западноевропейской политической мысли.

Ж.У. Ибрашев родился 10 августа 1928 г. в Западно-Казахстанской области. После окончания университета в 1950 г. он начал свою трудовую деятельность в качестве ассистента кафедры всеобщей истории КазГУ. В 1970 г. Ж.У. Ибрашев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мальгашско-африканские государства в политике Франции», в 1986 г. — докторскую диссертацию на тему «Голлизм в политической мысли Франции».

В 1987—1994 гг. Ж.У. Ибрашев работал заведующим кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби. После провозглашения государственного суверенитета Республики Казахстан как специалист в области международных отношений содействовал открытию в университете факультета международных отношений. Он активно налаживал международные связи с университетами России, Франции, Германии, США. В сентябре 1998 г. при его непосредственном участии в КазНУ им. аль-Фараби был открыт Центр Европейской документации (European Documentation Centres), который снабжает материалами исследователей всех стран Центральной Азии.

Профессору Ж.У. Ибрашеву удалось создать научную школу по изучению современных международных отношений. Он принял непосредственное участие в открытии в 1997 г. диссертационного совета по специальности «07.00.15 — История международных отношений и внешней политики», который в 2003 г. был преобразован в докторский совет по двум специальностям — «07.00.03 — Всеобщая история» и «07.00.15 — История международных отношений и внешней политики». Профессор Ж.У. Ибрашев являлся членом экспертного совета ВАК РК,

членом научно-координационного центра ВАК РК (НКЦ) по утверждению тем диссертационных исследований.

Под его руководством подготовлено семь докторов наук, один доктор философии PhD, более 30-ти кандидатов наук. Круг изученных ими проблем разнообразен и касается политических аспектов конституционной доктрины голлизма, проблем европейской интеграции и позиции стран — членов ЕС, истории формирования системы региональной безопасности в Центральной Азии, внешнеполитических полномочий президентов Франции и России, вопросов становления дипломатической и консульской службы Республики Казахстан, различных аспектов внешней политики Республики Казахстан, проблем безопасности в Центральной Азии и т.д.

Профессором Ж.У. Ибрашевым издано пять монографий, опубликовано более ста статей и целый ряд учебно-методических пособий. Ж.У. Ибрашев выступал с докладами на международных, республиканских, университетских конференциях, симпозиумах и семинарах. Он отстаивает в своих новейших публикациях по европейской интеграции тезис о том, что региональная интеграция, как и глобализация, является новым веянием XXI в., она закономерна и необратима, поэтому центробежные тенденции, наблюдаемые нами в различных регионах мира, носят временный характер и сменятся на противоположные тенденции.

Являясь специалистом в сфере политических отношений, профессор Ж.У. Ибрашев принимает активное участие в обсуждении проблем внутривластной жизни нашей страны. В своих статьях он доказывает необходимость сильной президентской власти в эпоху политических реформ для обеспечения преемственности власти и стабильного развития государства.

За свою плодотворную работу и активную жизненную позицию доктор исторических наук, профессор Ж.У. Ибрашев был награжден многочисленными медалями и грамотами, имеет более 20-ти благодарностей за подготовку высококвалифицированных специалистов.

Профессор Ж.У. Ибрашев является членом редакционного совета журнала КИСИ «Казахстан-Спектр», принимает активное участие в международных научно-практических и казахстанских конференциях и «круглых столах». Его статьи публикуются в периодических изданиях и пользуются популярностью у широкой читательской аудитории.

Лукпанова С.С.,
к.и.н., Ученый секретарь КИСИ

Summary

Integration as a new type of regional interstate relations

Ibrashev Zh.U. — Professor of international relation and foreign policy department of the Republic of Kazakhstan of Al-Farabi Kazakh National University

Dzhumadilova Sh.G. — Master student of international relations faculty of Al-Farabi Kazakh National University

The article is devoted to a new type of regional interstate relations — integration processes. The author focused on such kinds of integration as political, economic and cultural integration. Integration became XXI-st century's trend. Some regions of the world are overtaken by integration idea and have started to realize it. Central Asia does not stand apart from this process. The creator of integration idea is not some scientist-thinker and he is an outstanding statesman, President of the Republic of Kazakhstan. According to the author, this feature of Central Asian integration gives more chances to its implementation.

Migration processes of Soviet-Chinese border in 1940—1960

Kozhirova S.B. — Candidate of History, Senior lecturer of international relations department of Eurasian National University named after L. Gumilev

The article examines migration problem of Kazakhs, Tatars, Uigurs and Russians from China in the USSR in the 40s-60s of the XXth century. The history of migration waves from China to Kazakhstan allows estimating specifics of USSR management's relation towards to Chinese migrants. It makes the opportunities to draw some parallels with today in respect of response to such delicate issue: "How do Chinese migrants adapt to living conditions in the former USSR?" Moreover, it allows to answer a question how migration streams were formed, who and when strive for permanent residence or in search of work in modern Kazakh territory. The author comes to opinion that despite migrants' development program, they could not adapt and was long time closed socio-society.

Political situation in Central Asia and Iran in the first third of the XVIIIth century and Nadir Shah's assumption of power

Timchenko S.V. — Candidate of History, Senior lecturer of Kazakh National Pedagogical University named after Abay

This article is about the history of political relations in Central Asia in the beginning of the 18th century. The author defines the character of the relations between following states of Central Asia: Bukhara, Chiva, Iran and gives describing of the political situation in Iran of this period.

According to the author, constant civil strives of various feudal clans, afghani invasions, hunger and inept management of Shah Tahmasp II flown on khanate have resulted to palace revolution and Nadir Shah's assumption of power.

Political pluralism and multi-party system as the integral attributes of democracy

Karmazina L.I. — Candidate of Political Sciences, Acting senior lecturer, Lecturer of theoretical and applied political science department of Kazakh National Pedagogical University named after Abay

The article is devoted to political pluralism and multiparty system for which existence such conditions as freedom of speech and mass-media freedom, free elections, parliamentarism, public organizations independent of the state are needed. Political pluralism appears as one of the main principles of social system according to which socio-political life should include a number of different interdependent (and

at the same time independent) social and political groups, parties, organizations, whose moods, ideas and programs are in constant comparison and competitive struggle.

All abovementioned allow to sum up that political pluralism and multiparty system are values of contemporary civilized democracies.

Attestation of public service staff in the process of modernization of modern society of Kazakhstan

Isakulov Ye.B. — Deputy of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences

In general view, staff attestation including civil servants is carried out in a view of objective estimation of major qualities of the person, his work and reached results within the framework of requirements of organizational culture. The last one serves as the reliable tool of perfection of selection, arrangement and staff education. Along with it, attestation as a personnel process defines a correct condition of personnel potential. In this context, working out of scientific bases of civil servants attestation and

studies of the advanced foreign experience have conceptual value for monitoring of efficiency of realizable staff policy. The primary goal of the article is consideration of attestation under such point of view that makes opportunity to expand essentially its solved problems. The essence of these problems will be changed considerably and be concretized depending on at what stage of development the organizational culture is.

Contemporary stage of the fight against corruption within the framework of administrative reform in Kazakhstan

Aitbay K.O. — Candidate of Political Sciences, Deputy Secretariat of the State Secretary of the Republic of Kazakhstan, Division Manager of Office of the President of the Republic of Kazakhstan

The problem of the fight against corruption within the framework of implementation of administrative reform of Kazakhstan is analyzed in the article. Execution of the laws accepted the Parliament,

decrees of the President, Government Orders and country's state programs on the fight against corruption are estimated. Primary duties for system development of central authorities are elaborated.

Centrism as a political expression of the middle class

Matayev G.M. — Candidate of Pavlodar State University named after S.Toraigyrov, Candidate of Sociological Sciences

The article is devoted to political phenomenon – centrism of the political position. Considering centrism as the political movement, it should be focused on a role and significance of middle class as a whole and in particular in Kazakhstan. According to the author, Kazakhstan will be the state with effective market

economy and developed culture, when the original centrism needed for civilized development of Kazakhstan will affirm, and the middle class will execute function of the stabilizing and integrating beginning in the society, having prevented turn to counter-reforms.

Food security as a major problem of Kazakhstan's state policy

Aldashov B.A. — Doctor of Sociological Sciences, Professor of International Kazakh Turkish University named after Kh. Yassawi, RK Honoured Figure

Food security is one of the major state problems in the various aspects not only functioning of economy of Kazakhstan and its regions but also abilities to live of each Kazakhstan citizen. The article comes to the end with author's conclusions that a serious support for foodstuffs import and also problems in development of agrarian

sector makes Kazakhstan vulnerable in the context of economic and political independence. In these conditions, solution of food security problem becomes the important component of national security of the country and a top-priority task of the state.

Financial crisis: sources and lessons

Shamshiev Ch.B. — Research fellow of Research Center for Economic Politics of the University named after Pierre Mendes France, Grenoble (France), Member of Board of Directors of the World Academy of Young Scientists under the aegis of UNESCO, Foreign Economic Advisor of the President's Administration of the Kyrgyz Republic

The article examines main causes of world economic crisis. As main causes of rapid increase of world prices for the foodstuffs has been underlined reduction of the offer of agricultural products in many countries of the world and increase in demand on it in connection with growth of biofuels industry and incomes in developing countries (China, India, etc.) and also multiple rising of oil price

since 2003, which in turn mainly caused by growth of world consumption and instability in the Middle East. Certainly, all these factors play an important role, but, in opinion of the author, the primary cause is strong, it is a speculation in US financial markets and the world as a whole. At the end of the article, the author specifies and suggests undertaking measures on protection of Kazakhstan's economy.

A new infrastructure of political researches

Irenov G.N. — Director of the Regional Centre for Political Studies at Pavlodar State University named after S. Toraiyrov, Doctor of Political Sciences, Professor

Aryn R.S. — Director of Center for Distance Learning of Kazakh State Juridical University, Candidate of History, Senior lecturer

The article is devoted to political development of the Republic of Kazakhstan and problems of studying of this process. In the works of domestic scientists has been interpreted and generalized the difficult period of gaining independence by Kazakhstan people, formation of national statehood and sovereign development that is certainly the powerful contribution to development of Kazakhstan's political

science and methodological basis for those who dealing with research, generalization and forecasting of political processes and technologies in the republic and beyond its limits. The regional centre for political studies, headed by the author and his researches in the sphere of Kazakhstan's political development, is a good example of integration into the world political science.

Sacral and secular approaches to triune development: a comparative analysis

Yerekesheva L.G. — Leading research fellow of the Institute of Oriental Studies of MES of RK, UNESCO Chair Coordinator of the Republic of Kazakhstan, Candidate of History, Associate Professor

The article covers the key characteristics of two main paradigms — sacral and secular — that are analyzed through the prism of the three-folded dialectic conception and the theory of the structural functionalism. Based on the exploration of the interconnection between the two main functions of religion (integral and dynamic) on the one hand and the mentioned above two paradigms on the

other hand, the analysis shows the lop-sided character of the secularization theory and of the claims for the total desacralization of the world. It is concluded that there is an inevitable dual coexistence and interdependence of two approaches and this should lead to all-embracing understanding of the reality and cause failure of one-sided conceptions and activities.

People, nation and national feeling

Sadykova B.I. — Candidate of Philology, Senior lecturer, Candidate of theoretical and applied political science department of Kazakh National Pedagogical University named after Abay

This article is devoted to new treatments such concept as "people", "nation" and "national feeling". For full understanding of these concepts, the author makes examples from the history and statements of world thinkers about it. It is concluded the opinion that degree of cohesion of relations inside society, named by people and nation, is various: it is high inside of nation and it is weak inside of people. Nation formation is in direct dependence

on level of general and political culture of social generality and also on character of its general historical memory and observance of a principle of democratic nationalism.

As to national feeling, it can amplify or weaken depending on external context (presence/absence of external threat to the state). However, each state cannot exist without the higher manifestation of own citizens' nationalism — patriotism.

Medrese "Rasuliya" as a Centre of Muslim Culture and Education in Northern Kazakhstan and Pre-Ural in the second half of the XIXth century — beginning of the XXth century

Shabley P.S. — Master student of Humanitarian-Social Institute of Kostanai State University named after A. Baitursynov

In this article, the author considers the impact of Islamic reformism of the second half of the XIXth century — beginning of the XXth century both on the system of Muslim confessional education and on the public life as a whole in Pre-Ural and Northern Kazakhstan on the example of Troitsk medrese "Rasuliya". A complex interrelation of the cultural-historical past of the people

of the region is shown through the analysis of various aspects of this problem.

Due to using the considerable circle of sources, important conclusions of cultural and educational value of medrese "Rasuliya" are formulated in the work and its role as a centre of intercultural communications and spiritual unity of Pre-Ural and Northern Kazakhstan peoples is determined.